

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

1/2024

Учредитель издания:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Издание выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Государственный университет просвещения

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., профессор, Государственный университет просвещения;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., д.э.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ);

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;

Манойло А. В. – д.пол.н., доц., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., проф. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – д.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Шириняц А.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., проф., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Russian Social and Humanitarian Journal

Russian Social and Humanitarian Journal was established in 2010. (The name of the journal until September 2023: Bulletin of Moscow State Region University).

Founder: State University of Education.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0С77-85734.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2949-5032.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS);

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Associate Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — Doctor of political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University;

SHirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Ol'ga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Suvorova Ol'ga V. — Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences, Professor of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Cyril and Methodius University in Triava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatiya);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Абрамов Андрей Вячеславович</i> «РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ»: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ	8
<i>Алаудинов Апты Аронович</i> К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СУБЪЕКТОВ ГИБРИДНЫХ ВОЙН.	20
<i>Ежов Дмитрий Александрович</i> ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В ПУБЛИЧНЫХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ.	35
<i>Зверева Мария Семёновна</i> ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯДЫ НА ФРАНКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX В.	49
<i>Логвинов Дмитрий Вадимович</i> «ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.	62
<i>Назарова Мария Сергеевна</i> ГОРОД КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.	77
<i>Никлаус Анна Александровна</i> ТРАЕКТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: МЕЖДУ УНИТАРИЗМОМ И ФЕДЕРАЛИЗМОМ.	89
<i>Неволин Борис Сергеевич,</i> <i>Ницевич Виктор Францевич</i> ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЯН В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ	106
<i>Окуджава Хатиа Зауриевна</i> ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ	124

*Стригунов Константин Сергеевич,
Манойло Андрей Викторович*
ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БРАЗИЛИИ) 140

Уразбаев Евгений Евгеньевич
ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ. 161

ПСИХОЛОГИЯ

*Селезнева Елена Владимировна,
Демидов Станислав Александрович*
ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ О СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ РУКОВОДИТЕЛЕ. 177

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Анна Викторовна Аверина
ЧАСТНОВИДОВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА
И ВАРИАНТЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ 208

*Гусева Алла Ефимовна,
Вапник Наталья Александровна,
Краснова Ирина Александровна*
ФРАЗЕОЛОГИЯ С ПОЗИЦИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО
И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТОВ 238

*Зиньковская Анастасия Владимировна,
Оломская Наталья Николаевна*
МАНИПУЛЯЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ
ПОСРЕДСТВОМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
КАК ГУМАНИТАРНАЯ ПРОБЛЕМА XXI ВЕКА. 258

Писковец Татьяна Андреевна
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ АВСТРАЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРАЛИЙСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ И ИХ ПЕРЕВОДОВ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК) 277

POLITICS

<i>Andrey V. Abramov</i> "RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL": TRADITIONS AND INNOVATIONS	8
<i>Apty A. Alaudinov</i> ON THE QUESTION OF TYPOLOGY OF SUBJECTS OF HYBRID WARS	20
<i>Dmitriy A. Ezhov</i> FEATURES OF THE REPRESENTATION OF MODERN STATES IN PUBLIC TELEGRAM CHANNELS	35
<i>Maria S. Zvereva</i> LIBERAL AND SOCIALIST VIEWS ON FRANCO-RUSSIAN RELATIONS IN THE WORKS OF FOREIGN AND DOMESTIC THINKERS OF 19-TH CENTURY	49
<i>Dmitrii V. Logvinov</i> «FINLAND QUESTION» IN THE SOCIO-POLITICAL DISCOURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY ..	62
<i>Maria S. Nazarova</i> THE CITY AS A SUBJECT OF THE MODERN POLITICAL PROCESS	77
<i>Anna A. Niklaus</i> TRAJECTORIES AND PROSPECTS OF EVOLUTION OF THE TERRITORIAL AND POLITICAL SPACE OF THE MODERN STATE: BETWEEN UNITARIANISM AND FEDERALISM	89
<i>Boris S. Nevolin</i> NITSEVICH VICTOR FRANTSEVICH ELECTORAL PREFERENCES OF RUSSIANS IN THE PERIOD OF POLITICAL TURBULENCE	106
<i>Khatia Z. Okudzhava</i> REGIONAL MANAGEMENT CENTER: FEATURES OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE MOSCOW REGION. . .	124

Konstantin A. Strigunov, Andrey V. Manoilo
 CRIMINAL ORGANIZATIONS AS DESTRUCTIVE POLITICAL
 ACTORS (ON MATERIALS OF BRAZIL) 40

Evgenii E. Urazbaev
 "RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL":
 TRADITIONS AND INNOVATIONS 161

PSYCHOLOGY

*Elena V. Selezneva,
 Demidov Stanislav A.*
 FEMALE AND MALE IN THE CIVIL SERVANTS'
 REPRESENTATIONS OF THE MODERN RUSSIAN LEADER 177

PHILOLOGICAL SCIENCES

Anna A. Averina
 THE ASPECT MEANINGS OF THE RUSSIAN VERB
 AND THEIR IMPLEMENTATION OPTIONS IN GERMAN 208

Alla E. Guseva, Natalia A. Vapnik, Irina A. Krasnova
 PHRASEOLOGY FROM THE POSITION OF ETYMOLOGICAL
 AND SOCIOCULTURAL ASPECTS 238

Anastasia V. Zinkovskaya, Natalya N. Olomskaya
 MANIPULATION OF HUMAN CONSCIOUSNESS BY MEANS
 OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A HUMANITARIAN
 PROBLEM OF THE XXI CENTURY 258

Tatyana A. Piskovets
 INTERCULTURAL ADAPTATION OF AUSTRALIAN
 PHRASEOLOGICAL UNITS (BASED ON AUSTRALIAN
 LITERARY TEXTS AND THEIR RUSSIAN TRANSLATIONS) 277

«РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ»: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Абрамов Андрей Вячеславович

- e-mail: abram-off@mail.ru
кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
главный редактор сетевого издания
«Российский социально-гуманитарный журнал»,
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 1, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Абрамов А. В.

«Российский социально-гуманитарный журнал»: традиции и новации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 18.03.2024
- Статья размещена на сайте 03.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Причины переименования издания](#)

[Этапы развития журнала](#)

[«Российский социально-гуманитарный журнал»](#)

[в системе научных рейтингов](#)

[Достижения и перспективы журнала](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Показать эволюцию сетевого издания «Российский социально-гуманитарный журнал», выявить особенности его современного состояния и обозначить направления развития.

Процедуры и методы. Для демонстрации эволюции электронного издания применяется метод анализа наукометрических показателей (индекса Хирша авторов, импакт-фактора научного журнала, количества загрузок статей в год, числа авторов). При описании истории издания автор использует метод исторической реконструкции, а также исследует нормативные документы, регламентирующие деятельность научных периодических изданий в России.

Результаты. Показан путь «Российского социально-гуманитарного журнала» и обозначены перспективы его дальнейшего развития.

Теоретическая и / или практическая значимость. Материал статьи может быть использован специалистами по наукометрии для изучения специфики сетевых рецензируемых научных изданий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Российский социально-гуманитарный журнал, научная периодика, сетевое издание, наукометрия, Перечень ВАК

ПРИЧИНЫ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ИЗДАНИЯ

С января 2024 г. настоящее сетевое издание выходит под новым названием – «Российский социально-гуманитарный журнал». Переименование журнала состоялось ещё в августе 2023 г., однако во избежание путаницы, связанной с необходимостью внесения изменений в описание издания в научных электронных библиотеках «elibrary.ru» и «Киберленинка», а также в Перечне ВАК и иных базах данных, всю вторую половину 2023 г. журнал выходил с двумя (старым и новым) названиями в колонтитуле. С января 2024 г. такая практика прекращена. Издание выходит исключительно под новым названием – «Российский социально-гуманитарный журнал».

Причин переименования журнала несколько: во-первых, изменение имени учредителя. В течение 2022–2023 гг. Московский государственный областной университет сменил ведомственную принадлежность и был переименован: сначала в Московский государственный областной педагогический университет, а затем – в Государственный университет просвещения

[1]. В соответствии с изменением названия вуза-учредителя потребовалось менять и документы, регламентирующие деятельность журнала.

Во-вторых, за годы своего существования электронный «Вестник Московского государственного областного университета» перерос рамки регионального вузовского издания. Статьи в журнал стали поступать не только от преподавателей Московского государственного областного университета и учёных из московского региона; авторами стали исследователи со всей страны: из вузов и научных учреждений Калининграда, Санкт-Петербурга, Смоленска, Нижнего Новгорода, Саратова, Твери, Тамбова, Пензы, Рязани, Екатеринбургa, Казани, Омска, Владивостока и других городов. Издание стало по-настоящему общероссийским. Появились авторы и из-за рубежа. Все эти обстоятельства сыграли определяющее значение при выборе нового названия журнала. Оно подчёркивает общероссийский статус журнала и обозначает предметное поле исследования.

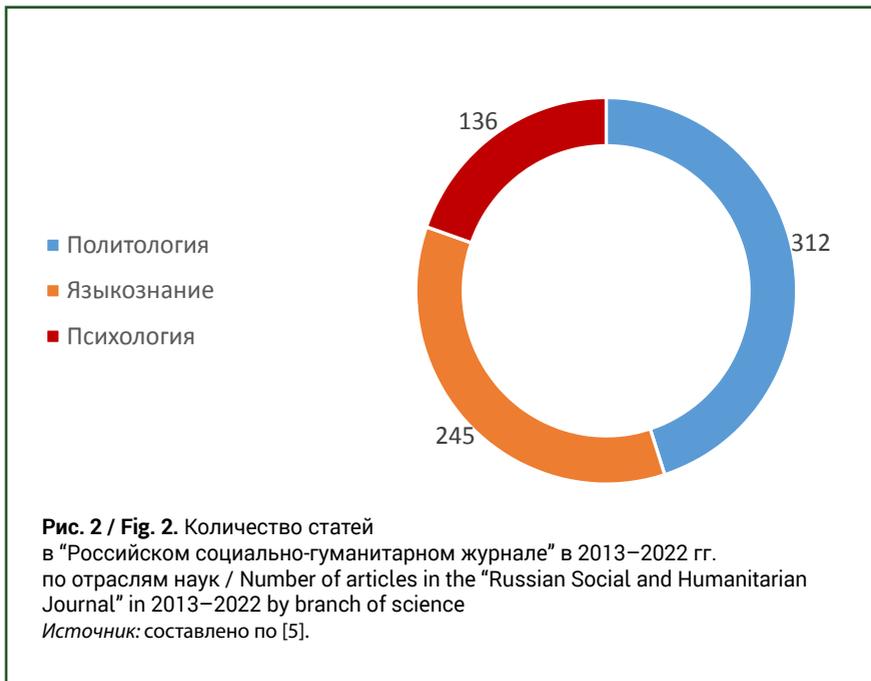
ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛА

Издание прошло непростой путь своего становления. Основанный в 2010 г., электронный «Вестник Московского государственного областного университета» сначала мыслился как электронный сборник, в котором публикуются достижения преподавателей университета по всем отраслям и направлениям науки: от физики и математики до истории и филологии. В 2012 г. как политематическое издание журнал вошёл в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии. Однако с течением времени стало ясно, что пестрота публикуемых статей не позволяет изданию найти свою читательскую аудиторию. Начался мучительный поиск журналом своего места в системе научной периодики. Положительную роль в разрешении данной проблемы сыграл, как ни странно, Приказ Минобрнауки России, предписывающий сократить число отраслей науки и научных специальностей, по которым издание может войти в Перечень ВАК [3]. Необходимость соответствовать новым требованиям заставила редакцию издания в 2014 г. ограничить содержание журнала тремя социально-гуманитарными рубриками: политические, психологические и филологические науки.

В соответствии с происходящими новациями менялся и состав редколлегии издания. В коллектив вошли крупнейшие специалисты из разных регионов России и из-за рубежа, кандидаты и доктора политических, психологических и филологических наук (рис. 1).

Ограничение области исследования predeterminedило и изменение философии издания. Журнал стал отдавать предпочтение статьям, либо выполненным в жанре междисциплинарных исследований, либо презентующим научному сообществу результаты авторских эмпирических исследований в области политологии, психологии или лингвистики (рис. 2). Указанный критерий отбора статей сохраняется и поныне.

«РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ» В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ РЕЙТИНГОВ

Чёткое позиционирование издания и деятельность редколлегии по выбору наиболее качественных статей постепенно принесли свои плоды. Вслед за ростом читательского интереса к размещённым на сайте научным статьям позиции сетевого издания в рейтингах Российского индекса научного цитирования, работающего на базе Научной электронной библиотеки («elibrary.ru»), начали постепенно улучшаться (рис 3, 4).

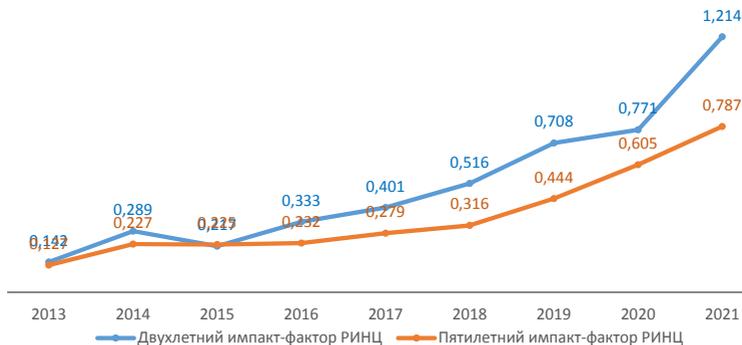

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика импакт-фактора
“Российского социально-гуманитарного журнала” (2013–2021 гг.) /
Dynamics of the impact factor
of the “Russian Social and Humanitarian Journal” (2013–2021)
Источник: составлено по [5].

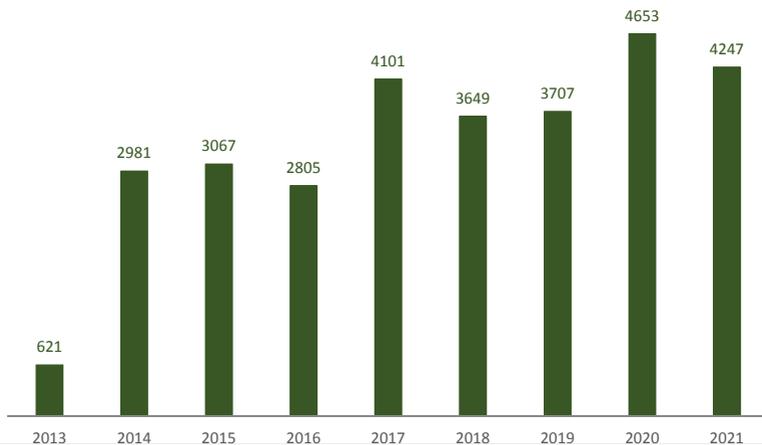

Рис. 4 / Fig. 4. Число загрузок в год статей
“Российского социально-гуманитарного журнала” /
Number of downloads per year of articles
from the Russian Social and Humanitarian Journal
Источник: составлено по [5].

Состоявшийся в 2021 г. переход всех российских изданий к публикации статей по новой номенклатуре научных специальностей [4] не стал для журнала большим испытанием. В Перечне ВАК, составленном в соответствии с новой номенклатурой, издание получило право печатать научные статьи по шести научным специальностям: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки); 5.5.1. История и теория политики (политические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

В 2023 г. при проведении Высшей аттестационной комиссией категорирования научной периодики «Российский социально-гуманитарный журнал» был отнесён к изданиям 2 квартиля [2].

Разумеется, заслуга в том, что показатели издания неуклонно росли, принадлежит прежде всего авторам издания (рис. 5, б), предлагающим редколлегии интересные статьи на актуальные и научно значимые темы.

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЖУРНАЛА

Редакция издания при поддержке руководства вуза проделала большую работу. Сегодня к числу несомненных преимуществ «Российского социально-гуманитарного журнала» относятся:

- возможность использования авторами сервиса отправки статей через сайт (так называемая электронная редакция), позволяющая автору завести личный кабинет, в котором он может не только разместить статью, но и отследить её статус, получить рецензию и прикрепить в случае необходимости доработанный вариант рукописи;
- открытый доступ к материалам журнала: не только к статьям, вышедшим несколько лет назад, но и ко всем, в том числе и только что опубликованным научным работам;
- публикация материалов постатейно. Автору не нужно ждать завершения обработки всех статей редакцией и выпуска всего номера. Как только отправленная в журнал статья про-

шла рецензирование и была отредактирована, она передаётся верстальщику, корректору и размещается на сайте. Датой публикации считается не период закрытия номера, а дата размещения материала на сайте, о чём сообщается в соответствующей надписи. Такой порядок размещения статьи позволяет более оперативно, чем в других изданиях, знакомить читателя с актуальными материалами.

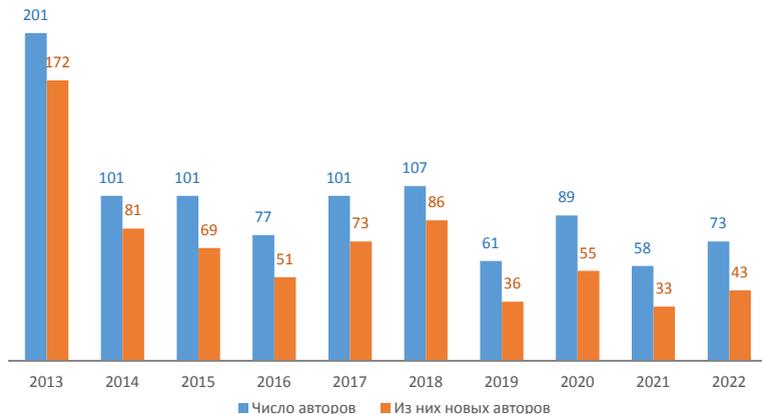

Рис 5 / Fig. 5. Число авторов «Российского социально-гуманитарного журнала» / Number of authors of the «Russian Social and Humanitarian Journal»
 Источник: составлено по [5].

Говоря о новых планах, хотелось бы отметить, что в будущем «Российский социально-гуманитарный журнал» планирует продолжать выпускать так называемые тематические номера, в которых будут размещаться статьи, посвящённые конкретной, наиболее актуальной в данный момент теме или научной проблеме.

Планируется также продолжить практику публикации материалов «круглых столов», на которых исследователи анализируют современность, выделяя новые тенденции развития знания и обозначая те научные проблемы, которые могут в будущем стать темами отдельного самостоятельного исследования. Обещаем продолжить и публикацию материалов, отражающих последние достижения в социально-гуманитарных науках.

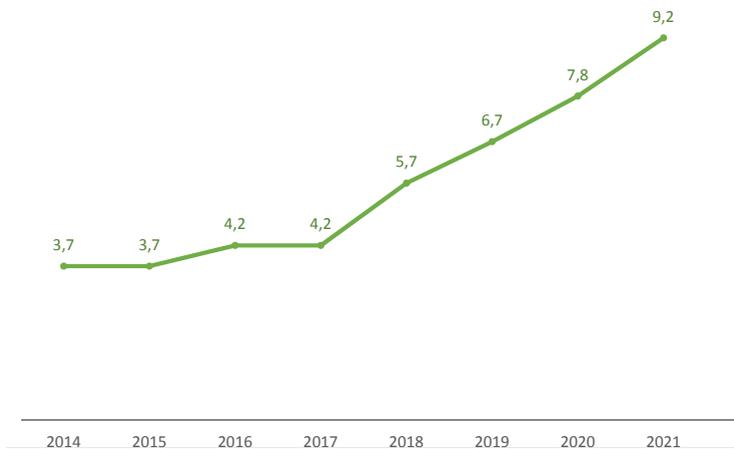

Рис. 6 / Fig. 6. Средний индекс Хирша авторов
 “Российского социально-гуманитарного журнала” /
 Average H-index of the authors of the “Russian Social and Humanitarian Journal”
 Источник: составлено по [5].

Начиная с № 1 2024 г., мы изменили дизайн оформления статей, который, по нашему мнению, стал ещё более функциональным и удобным для чтения с экранов компьютеров и гаджетов.

В завершение ещё раз хочется поблагодарить наших авторов, читателей, членов редколлегии и рецензентов за совместную работу и пожелать всем нам продолжения уникального публикационного и научного проекта «Российский социально-гуманитарный журнал».

ЛИТЕРАТУРА

1. История университета // Государственный университет просвещения: [сайт]. URL: <https://guppros.ru/ru/rubric/university/about1/history> (дата обращения: 10.02.2024).
2. Итоговое распределение журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3 в 2023 году // Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки РФ: [сайт]. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=92685697002&f=22459> (дата обращения: 07.02.2024).

3. Правила формирования в уведомительном порядке перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793) (утратил силу) // Гарант.ру: информационно-правовой портал: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70733288/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Приказ Минобрнауки РФ от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатур научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» // Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки РФ: [сайт]. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892> (дата обращения: 25.01.2024).
5. Российский социально-гуманитарный журнал. Анализ публикационной активности журнала // Научная электронная библиотека: [сайт]. URL: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=81551 (дата обращения: 12.01.2024).
6. Российский социально-гуманитарный журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/pages/view/EditorialC> (дата обращения: 02.02.2024).

ARTICLE INFORMATION

Andrey V. Abramov

- e-mail: abram-off@mail.ru
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof.,
Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye gory 1, Moscow 119991, Russian Federation;
editor-in-chief, a web edition "Russian Social and Humanitarian Journal",
Federal State University Of Education
ul. Radio 10Astr1, Moscow 105005, Russian Federation

FOR CITATION

Abramov A. V. "Russian Social and Humanitarian Journal": traditions and innovations. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To show the evolution of the online periodical "Russian Social and Humanitarian Journal", to identify the features of its current state and outline the directions of its development.

Methodology. To demonstrate the evolution of the online journal, the method of analyzing scientometrics indicators (the authors' H-index, the impact factor of the academic journal, the number of downloads of articles per year, the number of authors) is used. When describing the history of the periodical, the author uses the method of historical reconstruction, as well as examines the regulatory documents administering the activities of scientific periodicals in Russia.

Results. The evolution of "Russian Social and Humanitarian Journal" is shown and the prospects for its further development are outlined.

Research implications. The material of the article can be used by scientometrics specialists to study the specifics of online peer-reviewed scientific publications.

Keywords:

Russian Social and Humanitarian Journal, scientific periodicals, online periodical, scientometrics, List of the Higher Attestation Commission

REFERENCES

1. [History of the university]. In: *Gosudarstvennyi universitet prosveshcheniya* [Federal State University of Education]. Available at: <https://guppros.ru/ru/rubric/university/about1/history> (accessed: 10.02.2024).
2. [Final distribution of journals on the List of Higher Attestation Commissions by categories K1, K2, K3 in 2023]. In: *Vyshshaya attestatsionnaya komissiya pri Minobrnauki RF* [Higher Certification Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. Available at: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=92685697002&f=22459> (accessed: 07.02.2024).
3. [Rules for the formation, in a notification procedure, of a list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the scientific degree of Candidate of Sciences, for the scientific degree of Doctor of Science should be published (approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated July 25, 2014 No. 793) (lost validity)]. In: *Garant.ru: informatsionno-pravovoi portal* [Garant.ru: information and legal portal]. Available at: <https://base.garant.ru/70733288/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33> (accessed: 12.11.2023).
4. [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated February 24, 2021 No. 118 "On approval of the nomenclatures of scientific specialties for which academic degrees are awarded"]. In: *Vyshshaya attestatsionnaya komissiya pri Minobrnauki RF* [Higher Certification Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. Available at: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892> (accessed: 25.01.2024).
5. [Russian social and humanitarian journal. Analysis of journal publication activity]. In: *Nauchnaya elektronnyaya biblioteka* [Scientific electronic library]. Available at: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=81551 (accessed: 12.01.2024).
6. *Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal* [Russian Social and Humanitarian Journal]. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/pages/view/EditorialC> (accessed: 02.02.2024).

УДК 327.8

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СУБЪЕКТОВ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Алаудинов Апты Аронович

- e-mail: a05101973@mail.ru
кандидат политических наук,
независимый исследователь
г. Москва, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алаудинов А. А. К вопросу о типологии субъектов гибридных войн // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 07.01.2024
- Статья размещена на сайте 04.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Субъекты гибридных войн с преимущественно иерархической
формой организации](#)

[Субъекты гибридных войн с преимущественно сетевой формой
организации](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Разработать классификацию субъектов, принимающих участие в современных гибридных войнах.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ зарубежной и отечественной литературы, посвящённой современным конфликтам, гибридным войнам. Автором использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение), методы наблюдения, традиционного анализа документов и кейс-стади.

Результаты. Сделан вывод, что субъекты гибридных войн особую опасность представляют в виде альянсов государственных и негосударственных акторов.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в научно-преподавательской деятельности в ходе рассмотрения концепции гибридной войны, в работе государственных органов, отвечающих за обеспечение национальной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гибридные войны, государства, иерархические субъекты, негосударственные акторы, сетевые субъекты, субъекты гибридных войн

ВВЕДЕНИЕ

Для всех форм гибридных войн характерно разнообразие их субъектов. При этом в разных формах таких войн могут принимать участие одни и те же субъекты, будь то государственные или негосударственные. В качестве критерия классификации субъектов гибридных войн мы применили основную форму их организации – иерархическую или сетевую. Под иерархией мы понимаем способ организации системы, при котором части или элементы целого расположены в порядке от высшего к низшему [15]. Противоположный принцип организации является сетевым. Под сетью (точнее, под социальной сетью) мы понимаем форму спонтанного порядка, который возникает в результате действий децентрализованных агентов, а не создаётся какой-либо централизованной властью [13, с. 270]. Сами субъекты гибридных войн могут обладать признаками обоих принципов организации, поэтому строгая дифференциация

между ними отсутствует. Тем не менее у одних субъектов более выражена иерархическая организация, у других – сетевая.

Целью настоящего исследования является разработка классификации субъектов гибридных войн.

Для реализации этой цели автором проанализирована зарубежная и отечественная научная литература, посвящённая современным конфликтам и гибридным войнам, а также современная политическая практика. Автором использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, а также методы наблюдения, традиционного анализа документов и кейс-стади.

СУБЪЕКТЫ ГИБРИДНЫХ ВОЙН С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ИЕРАРХИЧЕСКОЙ ФОРМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Основными субъектами гибридных войн с иерархической организацией выступают государства. Обладая соответствующими ресурсами, политической волей, ведомствами, необходимыми кадрами и технологиями, государства участвуют практически во всех гибридных войнах, происходящих в мире, вне зависимости от того, кто является противником государства в гибридной войне – внешний или внутренний субъект (актор). Даже если с государством вступают в вооружённое противостояние военно-политическое движение (инсургенты, партизаны), наркосиндикаты или террористические организации, они часто получают поддержку извне, от других государств, их военных ведомств и разведок, а также транснациональных сетевых структур (например, террористических организаций, неправительственных и некоммерческих организаций, хактивистов).

Наиболее активными участниками гибридных войн выступают государства, у которых имеются для этого политическая воля, ресурсные возможности, влияние на международной арене, технологии и соответствующая стратегическая культура. Этим характеристикам более всего удовлетворяют США, которые в течение почти всей своей истории участвовали в военных конфликтах разной степени интенсивности, также став ключевым субъектом современных гибридных войн. Именно США обладают огромным опытом развязывания и участия в гибридных войнах практически всех типов: от форм гибридных войн, где доминируют информационно-психологические

и кибероперации, до экстремальных форм гибридных войн, приближающихся по своим характеристикам к традиционным. Соединёнными Штатами охватывается практически весь диапазон методов и технологий, применяемых ими против государств-мишеней и негосударственных акторов в гибридных войнах. Географический охват такого рода конфликтов, развязанных Вашингтоном, подлинно глобальный: от стран Латинско-американского региона до Азии; от Восточной Европы до стран Африки. Практически нет ни одного региона мира, где американское руководство не применило бы свои навыки гибридных войн в ущерб интересам и национальной безопасности государств. Сюда можно отнести активацию «цветных революций» [1], осуществление широкомасштабных информационно-психологических операций [5] и наступательных действий в киберпространстве [9], использование прокси-террористов и наёмников [3], ренегатов и дезертиров [10], радикалов-экстремистов от вахабитов¹ до неонацистов [2]. Фактически США применяют все доступные им средства для достижения геополитических целей, невзирая на гуманитарные катастрофы, в которые ввергаются государства-мишени. США воздействуют системно на выбранных в качестве мишеней противников, во всех доменах, включая когнитивную сферу, киберпространство, экономику, воздействие на суше (например, через подконтрольные террористические организации), в воздухе (в частности, применяя ударно-разведывательные беспилотные летательные аппараты, БПЛА), море (разведка, диверсии) и космосе (разведка и связь). Вследствие этого американское руководство в течение десятилетий вырабатывало стратегии и практики комплексного и многоуровневого воздействия на государства-мишени в форме гибридных войн.

К другим государствам-участникам гибридных войн относятся Великобритания и Франция. Британские силы специальных операций и разведывательные службы имеют колоссальный (в сотни лет) опыт работы в различных регионах мира, особенно на территориях, бывших когда-то частью Британской империи. Особенно активно британцы участвуют в информационно-психологических операциях, что показала стратегическая

¹ Об использовании США террористической группировки ИГИЛ [террористическая организация, запрещённая в Российской Федерации] – прим. ред.] в Сирии // Служба внешней разведки Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2023/03/ob-ispolzovanii-ssha-terroristicheskoy-gruppirovki-igil-v-sirii.htm> (дата обращения: 02.11.2023).

информационная операция «Дело об отравлении Скрипалей» [4], в которой британские спецслужбы осуществляли дискредитацию российского руководства и всей России, последствия чего ощущаются до сих пор, т. к. к провокации с якобы отравлением С. В. Скрипаля и его дочери присоединяют различные псевдосенсационные истории.

Британцы участвовали в войне Ливии в виде «гуманитарной интервенции». Особенно в этом отличились сотни бойцов из Особой воздушной службы (The Special Air Service, SAS), Особой лодочной службы (The Special Boat Service, SBS) и Полка специальной разведки (The Special Reconnaissance Regiment, SRR) [12], игравшие ключевую роль в операции «Эллами» (Operation Ellamy²). Впрочем, как отмечают некоторые западные исследователи, интервенция продлила продолжительность войны примерно в шесть раз (на текущий момент), увеличила число погибших примерно в семь-десять раз и усугубила нарушения прав человека, гуманитарные страдания, исламский радикализм и распространение оружия в Ливии и среди её соседей. Если это «образцовая интервенция» [20], как утверждают высокопоставленные чиновники НАТО, это образец провала. Немаловажную роль британцы сыграли и в войне в Сирии, где они занимались подготовкой местных боевиков из числа оппозиции [7].

Другим активным участником гибридных войн выступает Франция, сохранившая часть своего бывшего влияния на территории стран, бывших её колониями, особенно в Африке и на Ближнем Востоке. Наравне с Великобританией Франция участвовала в свержении М. Каддафи в Ливии, равно как и сыграла роль в Сирийской войне против правительства Б. Асада. Франция также содействовала формированию и поддержке террористов, которых она интегрировала в вооружённую оппозицию. Роль, которую Франция стремилась играть в Сирии и на Ближнем Востоке в целом в течение нескольких лет, определялась тремя основными геополитическими факторами. Первый – амбиции Франции вновь стать влиятельным игроком на той территории, которую она считает одним из своих исторических колониальных задворков. Второй – неспособность Франции играть указанную роль в одиночку или через ЕС, т. к. ЕС не способен действовать как единый субъект наряду с Россией и США. Третий – неспособность администрации Б. Обамы проти-

² Кодовое название участия Великобритании в военной интервенции в Ливии.

востоять России и Ирану в Сирии, что привело к маргинализации в этом конфликте роли Парижа [17]. Тем не менее Франция старается вести активные действия в Африке [14], в т. ч. с использованием своих сил специальных операций.

Как отмечают некоторые исследователи, после волнений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2011 г. Франция стремится вернуться в военном отношении в Северную Африку, а вместе с этим пытается восстановить своё военное присутствие в регионе с целью связать свою внутреннюю военноморскую базу в Тулоне с военным присутствием в Северной Африке, Габоне, Кот-д'Ивуаре, Джибути и ОАЭ (эмират Абу-Даби), тем самым утвердив себя в качестве доминирующего игрока в «дуге нестабильности», простирающейся от Западной Африки до Персидского залива [16]. Для продвижения своих интересов Париж применяет широкий спектр средств и методов, характерных для гибридных войн: от информационных кампаний до активного использования сил специального назначения, инструкторской работы и подготовки боевиков террористических организаций, в чём Францию прямо обвинил премьер-министр переходного правительства Мали Шогель Кокалла Маига³.

Ещё одним примером государственного актора, участвующего в гибридных войнах, является Иран. Особенно масштабное участие Ирана в гибридном противоборстве с региональными (ближневосточными) и западными акторами стало после коллективной агрессии против Сирии в 2011 г. Тегеран отчасти вынужден был реагировать на попытку свержения дружественного правительства в Сирии, и основным инструментом противостояния со спонсируемыми странами Запада и королевствами Персидского залива боевиками стали проиранские шиитские прокси-формирования⁴, за счёт которых удалось выровнять положение в Сирии, а окончательно переломить ход войны удалось после того, как 30 сентября 2015 г. Россия оказала Сирии непосредственную военную помощь.

³ Премьер Мали обвинил Францию в подготовке террористов // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20211008/mali-1753690694.html> (дата обращения: 03.11.2023).

⁴ Известно, что Корпус Стражей Исламской революции Ирана еще в 2016 г. подготовил около 200 тыс. шиитских бойцов. См.: IRGC Commander: ISIL Causes Increasing Awareness in Regional States // Fars News Agency: [сайт]. URL: <https://en.farsnews.ir/newstext.aspx?nn=13941022001355> (дата обращения: 04.11.2023).

Стратегия противоборства со своими противниками руками шиитских организаций (в Сирии, Ираке, Йемене) принадлежит покойному главе спецподразделения «Кудс» Корпуса Стражей Исламской революции генералу К. Сулеймани (был убит вместе с ещё несколькими своими соратниками 3 января 2020 г. в Багдаде ударом американского БПЛА MQ-9 Reaper). Однако смерть К. Сулеймани не помешала Ирану использовать эту стратегию в дальнейшем. Обладая влиянием среди множества шиитских группировок в регионе (от Хезболлы в Ливане до Лива Фатимиян из Афганистана), Иран сумел добиться значительных успехов в применении методов гибридной войны.

Другие государства, такие как Китай, Израиль и Россия, также в состоянии применять средства и методы гибридной войны в собственных интересах, что позволяет добиваться тех или иных результатов в условиях, когда прямое военное участие не представляется возможным из-за высоких рисков или по репутационным соображениям.

СУБЪЕКТЫ ГИБРИДНЫХ ВОЙН С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СЕТЕВОЙ ФОРМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В последние десятилетия возросла значимость негосударственных акторов, которые по своим возможностям зачастую приближаются, а в некоторых случаях превосходят государства. К таковым можно отнести международные террористические организации, транснациональные преступные организации (крупнейшие банды и наркокартели), военно-политические движения с признаками и криминальных, и террористических организаций (например, фрагменты колумбийских парамилитарес и FARC; бирманская Армия спасения рохинджа Аракана), НПО, НКО, организации хакеров, частные разведывательные компании (ЧРК), частные военные компании (ЧВК), а также некоторые транснациональные корпорации (ТНК). При этом технологический рывок последних лет позволил даже сильно уступающим в ресурсах государствам военно-политическим организациям добиться очень серьёзного прогресса в военных технологиях. Так, известно, что Израиль сумел перехватить ракеты средней дальности иранского производства, которые были запущены из Йемена, что подтвердил представитель правящего на Севере Йемена шиитского движения «Ансар Аллах»

(хуситы) Я. Сариа⁵. Согласно информации израильской прессы ракеты были перехвачены над Красным морем⁶. Это означает, что военно-политическое движение хуситов получило в распоряжение ракеты с дальностью порядка 2000 км. Такими ракетами ещё двадцать лет назад обладало не более десятка продвинутых в военном отношении стран. Фактически в настоящее время наблюдается размывание возможностей государства и негосударственных акторов. Причём часть этих организаций имеет квазигосударственные признаки, где эффективно сочетаются сетевая и иерархическая формы организации.

Ярко выраженным примером смешанных негосударственных насильственных акторов выступают современные наркокартели, у которых всё больше проявляется именно сетевая организация. Так, отдельные наркокартели в Мексике обладают выраженными признаками сетевой организации (хотя у части из них сохраняются признаки иерархии [18]), а в Колумбии такие преступные организации эволюционировали от картелей семейного типа, структура которых замыкается на своих лидеров, к сетевым децентрализованным организациям с выраженными горизонтальными связями [19]. Как заметил экс-глава упразднённой ФСКН В. П. Иванов, «в последние годы в Центральной Америке картелизация переходит на качественно новый уровень: от картелей семейного типа – к синдикатам-индустриям, гибким адаптивным структурам, имеющим свою контрразведку и разведку, силы быстрого реагирования, парамилитарные отряды и пенитенциарную систему, транспортно-логистические и иные службы, что уже с полным основанием позволяет их квалифицировать в качестве квазигосударственных образований, своего рода «государства в государстве», что, по сути, может рассматриваться как действенная оппозиция, использующая наркотики для роста своего могущества»⁷.

⁵ Новость о том, что движение «Ансар Алла» нанесло удар ракетами и БПЛА по Израилу, появилась на официальном сайте движения. См.: [تلألؤ خديونميدا دلداراصنأ ينوي بصرنان ايفالافصر قق ب خيرا](https://www.ansarollah.com/archives/639478) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ansarollah.com/archives/639478> (дата обращения: 04.11.2023).

⁶ Fabian E. In first, Arrow downs Eilat-bound missile from 'Red Sea area'; Houthis claim attack // Times of Israel: [сайт]. URL: <https://www.timesofisrael.com/in-first-arrow-system-used-to-down-missile-from-red-sea-houthis-claim-uav-attack> (дата обращения: 04.11.2023).

⁷ Иванов В. Антинаркотическая дипломатия и геополитика России в Латинской Америке // Нет – наркотикам: [сайт]. URL: http://www.narkotiki.ru/5_81672.htm (дата обращения: 04.11.2023).

Подобные организации способны бросать вызов национальным государствам и навязывать им свои требования.

Огромные возможности негосударственных насильственных акторов продемонстрировала запрещённая в России террористическая организация «Исламское государство», достигшая пика своего могущества в 2013–2017 гг., сумев взять под контроль порядка 90 тыс. км² территории Сирии и Ирака [11]. Данный случай является одним из самых ярких примеров того, как изначально сетевая террористическая организация модифицируется и приобретает некоторые черты государства, представляя угрозу существованию тем государствам, на территории которых данная организация возникла, а также соседним странам. При этом известно, что некоторые страны, такие как США, пытались использовать террористов из «Исламского государства» в своих целях, о чём прямо заявил министр иностранных дел России С. В. Лавров⁸. Это указывает на признаки гибридной войны – использование иррегулярных формирований, включая радикалов-экстремистов и террористов. После распада квазигосударственной формы фрагменты «Исламского государства» представляют собой сетевые структуры, действующие на обширной территории, от Западной Африки до Юго-Восточной Азии.

Ещё одними важными участниками гибридных войн с преимущественно сетевой формой организации выступают различные децентрализованные разведывательные структуры, участвующие в информационно-психологической войне⁹, а также ЧРК и аффилированные с ними НКО, с помощью которых осуществляется т. н. прокси-разведка. Как отмечает Р. В. Ромачев, «прокси-разведка – это оказание разведывательных услуг негосударственными разведывательными акторами в интересах государственного заказчика (как правило, государственного разведывательного актора или высшего руководства страны как напрямую, так и через агентов влияния). Прокси-разведка ведётся как коммерческими компаниями, так и некоммерче-

⁸ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе посещения 201-й российской военной базы, Душанбе, 5 июня 2023 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1874794 (дата обращения: 05.11.2023).

⁹ Ромачев Р. В. Децентрализованные разведывательные сетевые структуры в информационной войне. Опыт прошлого и настоящего // Истина: [сайт]. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/594096069> (дата обращения: 05.11.2023).

скими организациями (фондами, НКО)» [8]. Ромачев классифицирует коммерческие разведывательные акторы следующим образом:

- фабрики мысли (мозговые центры, «think tank»);
- собственно ЧПК (private intelligence company, среди которых выделяются: CACI International Inc., Kroll Inc., Smith Brandon International, Inc., Strategic Forecasting Inc.;
- квазигосударственные разведывательные группы (например, The Pond, The Gehlen Organization, Task Force 157);
- поставщики разведывательных решений (intelligence solution);
- мимикрирующие частные разведывательные компании (у данных организаций разведывательная деятельность – побочный вид заработка).

Деятельность подобных сетевых или смешанного типа негосударственных организаций играет в гибридных войнах одну из главных, а в отдельных их формах – решающую роль.

Всё большую роль играют в гибридных войнах т. н. хактивисты – разновидность хакеров, которые, в отличие от своих коллег, преследуют не меркантильные цели, а политические. Ярким примером хактивизма выступает движение «Анонимус» (Anonymous). Фактически это небольшие сетевые группы действия, состоящие из высокообразованных, компетентных и технически продвинутых людей с радикальными убеждениями. Среди хактивистов есть кибервоины, «которые объединяются в «киберармии», процветающие во многих странах, ... поддерживая национальные и экстремистские движения, они действуют по поручению государственных органов своих стран» [6, с. 194].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с усложнением системы международных отношений и технологий возникает всё больше негосударственных акторов преимущественно сетевого типа, способных принимать участие в гибридных войнах самостоятельно или в увязке с ведомствами государств для достижения взаимовыгодных целей.

За последние десятилетия увеличилось разнообразие субъектов гибридных войн, что особенно заметно по негосударственным и квазигосударственным акторам, которые получи-

ли в некоторых случаях возможности государств, но деятельность которых не регулируется международными соглашениями. Особую опасность представляют международные террористические организации, транснациональные преступные организации, ЧВК и ЧРК. Однако наибольшую эффективность в гибридных войнах демонстрируют нетрадиционные альянсы государственных и негосударственных субъектов, объединяющихся для достижения взаимовыгодных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюк В. И. Политика США на постсоветском пространстве после окончания «холодной войны» // *Международная жизнь*. 2011. № 8. С. 61–75.
2. Беляев Г. Ю. Неонацизм как модель социализации и воспитания: угроза государственной безопасности и глобальный вызов гуманистическим образовательным системам // *Пространство и время*. 2015. № 1-2. С. 43–52.
3. Зайцев А. Я., Манойло А. В. Роль частных военных компаний в использовании технологий «облачного противника» // *Вестник Российской академии наук*. 2021. Т. 91. № 2. С. 167–173.
4. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.12.2023).
5. Манойло А. В., Стригунов К. С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 378 с.
6. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
7. Ратушняк О. В., Кодрле И. А. Сирийский кризис и позиция Великобритании // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 5. С. 94–99.
8. Ромачев Р. В. Прокси-разведка и классификация разведывательных акторов на примере США // *Вопросы политологии*. 2022. Т. 12. № 12. С. 4392–4406.
9. Себекин С. А. Постоянная вовлечённость в киберпространстве: новая стратегия США и её соотношение с концепцией киберсдерживания // *Международные процессы*. 2020. Т. 18. № 3. С. 96–125.
10. Стригунов К. С., Манойло А. В. Стратегия «Шах и мат Мадуро» как исток операции «Геден» // *Международная жизнь*. 2021. № 3. С. 56–71.

11. Стригунов К. С., Манойло А. В., Петренко А. И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет тёмной глобализации. М.: Горячая линия-Телеком, 2022. 304 с.
12. Терентьев В. О. Интервенция в Ливии 2011 г.: британский компонент // История: [сайт]. 2021. Т. 12. № 1. URL: www.history.jes.su (дата обращения: 03.01.2024).
13. Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2003. 474 с.
14. Чернега В. Н. Франция и вооруженные конфликты в Африке // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 103–115.
15. Шупицкая О. Н. Конституционные ценности: понятие, система, проблема воплощения // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4: Правоведение. 2019. Т. 9. № 3. С. 13–19.
16. Degang S., Zoubir Y. Sentry Box in the Backyard: Analysis of French Military Bases in Africa // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2011. Vol. 5. № 3. P. 82–104.
17. Delanoe I. France's approach to the Syria conflict and the Russia factor // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1. P. 47–54.
18. Jones N., Chindea I., Weizs D., et al. A Social Network Analysis of Mexico's Dark Network Alliance Structure // Journal of Strategic Security. 2022. Vol. 5. № 4. P. 76–105.
19. Kenney M. The Architecture of Drug Trafficking: Network Forms of Organisation in the Colombian Cocaine Trade // Global Crime. 2007. Vol. 8. № 3. P. 233–259.
20. Kuperman A. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign // International Security. 2013. Vol. 38. № 1. P. 105–136.

ARTICLE INFORMATION

Apty A. Alaudinov

- e-mail: a05101973@mail.ru
Cand. Sci. (Political Science),
Independent researcher,
Moscow, Russian Federation

FOR CITATION

Alaudinov A. A. On the question of typology of subjects of hybrid wars. *In: Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To develop a classification of subjects taking part in modern hybrid wars.

Methodology. The main content of the study is the analysis of foreign and domestic literature on modern conflicts, hybrid wars. The author used general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison), observation methods, traditional document analysis and case studies.

Results. The conclusion is made that the subjects of hybrid wars are particularly dangerous in the form of alliances of state and non-state actors.

Research implications. The results of this research can be used in scientific and teaching activities during the study of the hybrid war concept, as well as in the work of state bodies responsible for ensuring national security.

Keywords

hybrid wars, states, hierarchical subjects, non-state actors, network actors, subjects of hybrid wars

REFERENCES

1. Batyuck V. I. [US policy in the post-Soviet space after the end of the Cold War]. *In: Mezhdunarodnaya zhizn'* [The International Affairs], 2011, no. 8, pp. 61–75.

2. Belyaev G. Yu. [Neo-Nazism as a model of socialization and education: a threat to state security and a global challenge to humanistic educational systems]. In: *Prostranstvo i vremya* [Space and time], 2015, no. 1-2, pp. 43–52.
3. Zaitsev A. Ya., Manoilo A. V. [The role of private military companies in the use of cloud adversary technologies]. In: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2021, vol. 91, no. 2, pp. 167–173.
4. Manoilo A. V. [Information warfare and new political reality (I)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)]. 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 12.12.2023).
5. Manoilo A. V., Strigunov K. S. *Tekhnologii neklassicheskoi voyny. Genesis. Evolyutsiya. Praktika* [Technologies of non-classical war. Genesis. Evolution. Practice]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2020. 378 p.
6. Ovchinskii V. S. *Kriminologiya tsifrovogo mira* [Criminology of the digital world]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2018. 352 p.
7. Ratushnyak O. V., Kodrle I. A. *Siriiskii krizis i pozitsiya Velikobritanii* [The Syrian crisis and the British position]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2019, no. 5, pp. 94–99.
8. Romachev R. V. [Proxy intelligence and classification of intelligence actors using the example of the USA]. In: *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2022, vol. 12, no. 12, pp. 4392–4406.
9. Sebekin S. A. [Choosing between persistent engagement and deterrence in the American cybersecurity strategy]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 96–125.
10. Strigunov K. S., Manoilo A. V. [“Checkmate Maduro” strategy as the basis for Operation Gideon]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [The International Affairs], 2021, no. 3, pp. 56–71.
11. Strigunov K. S., Manoilo A. V., Petrenko A. I. *Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii* [Drug cartels and criminal networks. The dawn of dark globalization]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2022. 304 p.
12. Terentyev V. O. [The British Component of the 2011 Military Intervention in Libya]. In: *Istoriya* [Istoriya], 2021, vol. 12, no. 1. Available at: www.history.jes.su (accessed: 03.01.2024).
13. Fukuyama F. The Great Disruption (Rus. ed.: Aleksandrova A. V., transl. *Velikii razryv*). Moscow, AST Publ., 2003. 474 p.).
14. Tchernega V. N. [France and armed conflicts in Africa]. In: *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2018, no. 4, pp. 103–115.

15. Shupitskaya O. N. [Constitutional values: concept, system, problems of incarnations]. In: *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4: Pravovedenie* [Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4: Jurisprudence], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 13–19.
16. Degang S., Zoubir Y. Sentry Box in the Backyard: Analysis of French Military Bases in Africa. In: *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*, 2011, vol. 5, no. 3, pp. 82–104.
17. Delanoe I. France's approach to the Syria conflict and the Russia factor. In: *Puti k miru i bezopasnosti* [Pathways to Peace and Security], 2019, no. 1, pp. 47–54.
18. Jones N., Chindea I., Weizs D., et al. A Social Network Analysis of Mexico's Dark Network Alliance Structure. In: *Journal of Strategic Security*, 2022, vol. 5, no. 4, pp. 76–105.
19. Kenney M. The Architecture of Drug Trafficking: Network Forms of Organisation in the Colombian CocainTrade. In: *Global Crime*, 2007, vol. 8, no. 3, pp. 233–259.
20. Kuperman A. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign. In: *International Security*, 2013, vol. 38, no. 1, pp. 105–136

УДК: 32.019.51; 321; 327.8; 070

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В ПУБЛИЧНЫХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ

Ежов Дмитрий Александрович

- e-mail: president@lenta.ru
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ежов Д. А.

Особенности репрезентации современных государств в публичных телеграм-каналах // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 31.01.2024
- Статья размещена на сайте 03.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Образ государства в информационном пространстве](#)

[Репрезентация современных государств в телеграм-канале](#)

[«СВО – Свинка В Обмороке»](#)

[Телеграм-канал «СВО – Свинка В Обмороке»: анализ контента](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить на конкретном примере особенности репрезентации современных государств в публичных телеграм-каналах в контексте актуальной политической повестки в условиях Специальной военной операции России на Украине.

Процедура и методы. Исследование базируется на комбинации психологического, культурологического и коммуникативного подходов; используются методики содержательного и контекстуального анализа.

Результаты. Установлено, что системная и концептуально продуманная подача материала в телеграм-канале как источнике информации способствует формированию в сознании аудитории ассоциативного ряда по отношению к акторам мирового политического процесса, имеет идеологическую окраску и выполняет задачи просветительского характера.

Теоретическая и / или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в изучении и исследовании технологий формирования образа современных государств, а также в деятельности специалистов-практиков в области политической агитации и пропаганды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

образ государства, символ государства, телеграм-канал, Россия, Украина, идеология, формирование общественного мнения

ВВЕДЕНИЕ

Развитие интернет-технологий способствует распространению новых каналов ретрансляции информации и площадок для осуществления сетевых коммуникаций. 21 марта 2022 г. на фоне последствий начала Специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации Украины (далее – СВО) в Российской Федерации на основании решения суда была запрещена деятельность социальных сетей «Instagram» и «Facebook», принадлежащих американской компании «Meta Platforms Inc»¹, в качестве ответа на публикацию внутреннего письма компании, в котором сообщалось о временном снятии в указанных социальных сетях запрета для жителей ряда стран

¹ Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, включена Росфинмониторингом в Перечень террористов и экстремистов.

на размещение информации, содержащей призывы к насилию в отношении российских граждан, в том числе военнослужащих. В результате перераспределения аудитории был отмечен значительный прирост пользователей мессенджера «Телеграм» (Telegram) – альтернативного, относительно безопасного канала коммуникации, предполагающего в качестве инструмента телеграм-каналы (далее – ТГ-канал), позволяющие доносить информацию до подписчиков. Характер циркуляции информационных потоков демонстрирует, что в ряде случаев средства массовой информации ссылаются на ТГ-каналы в качестве первоисточника той или иной новости, что объясняется оперативностью обновления контента.

Согласно статистическим данным в 2024 г. «Телеграм» посещают 800 млн человек в месяц; в России его использует 45,8% населения, а самыми популярными темами в мессенджере являются новости (85%), развлечения (62%) и образование (58%)². По данным опроса «TGStat», имевшего в качестве цели исследование аудитории «Телеграма» в 2023 г., количество каналов, на которое подписан типичный пользователь,кратно возросло по сравнению с данными, полученными двумя годами ранее, когда лишь треть опрошенных была подписана более чем на 25 каналов, в то время как по состоянию на момент проведения опроса доля таких пользователей составила уже почти половину, при этом каждый четвёртый оказался подписанным более чем на 50 каналов³.

С учётом широкой аудитории «Телеграма» представляется актуальным исследование контента публичных каналов с точки зрения формирования актуальной социально-политической повестки и модели её восприятия, что в особенности значимо в условиях создания общественного мнения в отношении происходящих процессов в мире на фоне СВО, в том числе, на идеологическом уровне. Изложенное выше предопределяет объектно-предметную область исследования, предполагающую изучение особенностей репрезентации современных государств в публичных ТГ-каналах в контексте актуального вектора реализации международной политики.

Рабочая гипотеза заключается в том, что системное и концептуально продуманное распространение контента посред-

² Статистика Telegram в 2024 году // Инклиент: [сайт]. URL: <https://incliент.ru/telegram-stats/?ysclid=lrpvves89l324568277> (дата обращения: 29.01.2024).

³ Исследование аудитории Telegram 2023 // TGStat: [сайт]. URL: <https://tgstat.ru/research-2023> (дата обращения: 29.01.2024).

ством публикаций в ТГ-каналах в значительной степени способствует формированию в сознании аудитории ассоциативного ряда по отношению к тем или иным акторам мирового политического процесса в идеологическом русле, соответствующем требованиям времени.

На эмпирическом уровне авторское внимание сосредоточено на анализе содержания публичного ТГ-канала «СВО – Свинка В Обмороке». Исследование базируется на комбинации психологического, культурологического и коммуникативного подходов; используются методики содержательного и контекстуального анализа.

ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Образ (имидж) государства в современной науке рассматривается в качестве одного из ключевых понятий теории медиакоммуникаций, складывающихся из восприятия совокупности духовных продуктов, попадающих в процесс формирования пространства массовой коммуникации [4]. Заслуживает внимания подход к выработке фундаментальной дефиниции понятия «образ государства» на основе общесемиотического категориального аппарата Ч. С. Пирса, в рамках которого предлагается модель образа, выступающая в качестве комплексной семиотической конструкции, имеющей в роли знакового средства некоторый первичный знак, а в роли объекта – все подобные этому знаку фрагменты действительности в виде фактов, за счёт чего в образе государства возникает эффект аккумуляции актов осмысления и означивания, характерных для определённого дискурса о государстве [10]. В литературе подчёркиваются значение единого идейно-ценностного конструкта образа государства, отсутствие которого представляет угрозу национальной безопасности [11], а также стратегический характер задачи в области формирования позитивного имиджа государства в условиях столкновения информационной и политической реальности в медиaprостранстве [7].

В целом необходимо согласиться с утверждением, что на фоне обострения внешних вызовов и угроз актуализируется необходимость осмысления политических и коммуникационных трендов, в том числе, в рамках анализа функционирования виртуальных коммуникационных площадок, значитель-

ный стимул развитию которых был придан СВО, вследствие чего чрезвычайно важный политико-коммуникативный статус приобрели тематические сообщества и ТГ-каналы, обеспечивающие ментальную мобилизацию общества [9]. В условиях гибридной войны определяющее значение приобретают виртуальные сообщества и ресурсы, направленные на идеологическое воздействие и формирование ценностной повестки дня [1], в связи с чем политические ТГ-каналы становятся смыслообразующими площадками внутри мессенджера [3] и платформой для политической коммуникации [6].

Разделяя точки зрения, изложенные выше, уточним, что информация, транслируемая в ТГ-каналах, вызывает больший интерес в случае её преподнесения в лёгкой и доступной форме, в том числе, сопровождаемой видеорядом и иными визуальными материалами. В этом отношении представляют интерес авторские публичные каналы, один из которых является непосредственным предметом внимания в рамках настоящего исследования.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЕ «СВО – СВИНКА В ОБМОРОКЕ»

ТГ-канал «СВО – Свинка В Обмороке» создан 13 августа 2022 г. жительницей Сочи по имени Евгения. Его основной контент представляет собой обновляемую серию анимационных роликов, объединённых общей тематикой противостояния государств на фоне СВО. Примечательной характеристикой канала является интерпретация современных политических процессов и характера взаимодействия между акторами международных отношений в доступной форме, содержащей элементы смеховой коммуникации [2]. На момент проведения настоящего исследования опубликовано 29 глав анимационного сериала. Согласно креативной задумке автора ТГ-канала каждый герой сериала ассоциируется с конкретным государством на символическом уровне.

Главным героем мультсериала является татуированная свастикой Свинка, олицетворяющая Украину.

Примечательно, что ассоциация Украины с семейством свинных на символическом уровне имеет место в сознании представителей государств, которых современная Украина считает своими партнёрами. Так, в 2022 г. в Германии появился сайт

«Мой друг Микола»⁴, созданный Немецкой Ассоциацией католиков в области бизнеса и управления. Сайт призван объяснить детям украинских беженцев принципы жизни в Германии, а Микола – это рисованный кабан, одетый в бейсболку и бандану цветов украинского флага, который выступает гидом по сайту⁵. Посредник для разъяснения правил поведения детям украинских беженцев в образе кабана Миколы имеет аллегорический смысл и стереотипную природу, обусловленную закреплённым ассоциативным рядом на уровне подсознания. Вместе с тем согласимся с объективностью описания к ТГ-каналу «СВО – Свинка В Обмороке», гласящим, что «Свинка – это не вся Украина, а лишь её безумная часть!».

Прямой антитезой Свинки в концепции анимационного сериала является добрый Медведь, олицетворяющий Россию. На контрасте двух противоположных образов в проекте раскрывается характер взаимоотношений двух государств во время проведения СВО в условиях беспрецедентного давления со стороны коллективного Запада. Выбор медведя, выступающего на уровне зооморфной метафоры, во многом обоснован воплощённым в нём проявлением силы, переносимой на восприятие внешнего имиджа России как государства. В современной научной литературе исследование образа России как медведя находит непосредственное отражение; в частности, отмечается, что в западном медиадискурсе рассматриваемый образ не разрабатывается в русле конструктивного выстраивания международных отношений, и обычно подчёркивается его деструктивная составляющая, что в целом объяснимо с точки зрения имагологии и информационных войн [5]. На этом фоне заметим, что на уровне внутрироссийского восприятия исследуемый образ несёт в себе все те коннотации и оттенки смысла, которые связаны с медведем в России – он является символом всего исконно русского, силы и справедливости; медведь внутри страны стал олицетворением гордости и патриотизма России [8].

Как заявляет сама автор мультсериала, «Медведь всегда ассоциировался с нашей страной. А вот безумные украинские

⁴ Мій друг Микола [Электронный ресурс]. URL: <https://mein-freund-mykola.de> (дата обращения: 29.01.2024).

⁵ Немцы сделали для беженцев с Украины сайт с кабаном Миколой // Московский комсомолец: [сайт]. [02.06.2022]. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/06/02/nemcy-sdelali-dlya-bezhencev-s-ukrainy-sayt-s-kabanom-mikoloy.html> (дата обращения: 29.01.2024).

жители, которые «зигуют», сносят памятники, раскрашивают заборы, жгут покрышки на Майдане или выращивают там укроп, всё руша и громя, иначе как свинками не видятся. И не мне одной. Я встретила художников, которые их рисуют так же. Видимо, у многих творческих людей их поведение ассоциируется с приключениями в хлеву»⁶. В качестве своей основной задачи на информационном фронте создатель мультфильмов видит прозрение Украины, считая, что последняя находится в мороке, и с неё нужно снять пелену фантазии⁷. Сюжеты, реализованные в мультфильмах, способствуют достижению поставленной задачи, однако, на взгляд автора настоящего исследования, она вряд ли представляется реалистичной в обозримой перспективе. В то же время невозможно не признать значения исследуемого контента в ретрансляции актуальной информационной повестки в простой и доступной форме и его идеологической коннотации.

Помимо России и Украины, в мультсериале на образном уровне представлены в том числе и такие персонажи, как Дядя Сэм (США), Зубр (Беларусь), Панда (Китай), Лев (Иран) и ряд других, возникающих преимущественно эпизодически. В рамках последующего анализа контента отдельных глав анимационного сериала, опубликованного в ТГ-канале «СВО – Свинка В Обмороке», с точки зрения их идеологической значимости в контексте репрезентации современных государств второстепенные образы будут упоминаться в пределах, ограниченных исследовательским интересом.

ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ «СВО – СВИНКА В ОБМОРОКЕ»: АНАЛИЗ КОНТЕНТА

Фактическим анонсом проекта является опубликованное в день открытия ТГ-канала своеобразное предисловие, в котором раскрывается суть конфликта. История взаимодействия двух главных героев начинается с акцента на вопросах, лежащих в основе межгосударственных противоречий и сводящихся в своей основе к объяснению совокупности причин начала и

⁶ Кадочникова О. «Хочу, чтобы Украина прозрела». Девушка из Сочи создала серию мультфильмов о безумной свинке из Незалежной // Комсомольская правда в Краснодаре: [сайт]. [24.10.2022]. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27461/4666817/> (дата обращения: 29.01.2024).

⁷ Там же.

поддержки российской стороной СВО в свойственной проекту стилистике. Вводная часть задаёт тональность и направление развития сюжетной линии мультсериала. Её лейтмотив построен на отрицании Свинкой претензий, предъявляемой ей Медведем. В дальнейшем сериал выглядит концептуально целостным. В мультфильмах Свинка, согласно сюжету, пытается попасть в Евросоюз, чистит ботинки американскому дяде Сэму, публикует в российских социальных сетях фейки, занимается различными видами деструктивной деятельности.

Одной из центральных тем мультсериала является отрицание Свинкой советского наследия и факта исторической взаимосвязи России и Украины. Так, в главе 1 «Наследие СССР» Свинка из пульверизатора окрашивает символы советской эпохи в цвета украинского флага. Однако при появлении Медведев, который приносит растворитель для краски, она вынуждена убирать результаты своего художественного творчества маленькой губкой. Медведь же в это время спокойно сидит и играет на балалайке. В главе 2 «Матрёшка» Свинка разбрасывает битой матрёшек, являющихся одним из неофициальных символов России. Появление Медведев заставляет её делать новые матрёшки путём нанесения краски на заранее подготовленные для этого деревянные болванки. Свинка старается использовать для этого преимущественно синий и жёлтый цвета; в результате матрёшка в её исполнении получается озлобленной, а её лицо вместо свойственной русскому символу добродушной улыбки украшает свиной пяточок. Медведь выбрасывает сине-жёлтую матрёшку и заставляет Свинку разукрашивать новую болванку. Апелляция к теме общего прошлого вызывает к проблеме исторической памяти и представляется остро актуальной в условиях выходящей за грани здравого смысла борьбы Украины со всем российским, русофобии, тотальных процессов десоветизации и социокультурной дезинтеграции, на практике проявляющихся в украинизации культуры, демонстраже объединяющих Россию и Украину символов.

В развитие темы можно привести пример главы 6 «Паляница», в основе которой находится апелляция к лингвистическому шибболету «Скажи «Паляница»!», используемому на Украине в качестве средства языковой идентификации человека. Паляницей на Украине называют приплюснутый округлый хлеб из пшеничной муки, наименование которого связано с тем, что при приготовлении его нанизывали на кол (в украин-

ском языке – паля), чтобы снять его с пода. На пути Свинки во время прогулки вдоль забора, окрашенного в цвета российского триколора, встречаются Утёнок и Лягушка, у которых не получается правильно сказать это слово, и Свинка в ответ расстреливает их из рогатки. Однако при встрече с Медведем Свинка получает от него каравай и не может с трёх раз выговорить название российского города Сыктывкар, Медведь же отпускает перепугавшуюся Свинку с миром. Приведённый пример в свойственной проекту манере иллюстрирует абсурдность борьбы с русским языком в украинском обществе.

В качестве следующего направления сюжетов мультфильма следует выделить ироничное обыгрывание мечты украинских властей о тесной интеграции с европейскими государствами и США. В главе 7 «Салообман» на образном уровне это желание филигранно высмеивается. Свинке представляется, что она путешествует по миру, однако лёгкие удары по пяточку её отрезают, и в реальности она чистит обувь появляющемуся в этой главе герою в образе Дяди Сэма, одетого в цвета американского флага. Во многом реализованный сюжет символизирует реальное значение Украины в системе приоритетов её западных партнёров. Ранее в главе 4 «Польша» Свинка в нижней части белого забора проводит линию красного цвета, в результате чего образуется последовательность цветов, соответствующая прообразу польского флага. Однако встреча с Медведем и напоминание об истории Речи Посполитой и Волынской резне приводят к тому, что Свинка вынуждена в обратном направлении прочертить посередине линию синего цвета, формируя тем самым российский триколор. В главе на практике проиллюстрирован распространившийся в сети юмор: «С помощью синей изоляенты можно отремонтировать всё – даже Польшу». В главе 10 «Хлевропа и Бешенцы» Свинка бежит от стоящего за ней Медведя в Евросоюз, однако в результате бесчинств, в которых она там принимает участие, её выгоняют, но Медведь символически выносит Свинку снова на территорию Евросоюза. Верным замечанием в контексте сюжета является заключительный кадр мультфильма, в котором фигурирует фраза «То, что поддерживает Европа, должно оставаться в Европе», приобретающая особый смысл на фоне оголтелой русофобии и деградации духовно-нравственных ценностей в большинстве европейских государств. Контрастом на этом фоне выступает линия за сохранение традиционных ценностей, являющихся

одной из составляющих идейно-политических основ функционирования Российской Федерации.

Отдельное внимание в мультсериале уделено темам искажения исторической правды и распространения фейковой информации. Так, в Главе 13 «UKROTV» Свинка получает в подарок от Дяди Сэма гаджет, с помощью которого искажается реальная действительность. Так, путешествуя по Галерее Правды и используя UKROTV, Свинка вместо фразы «Европа поддерживает нацизм» видит фразу «Европа поддерживает Украину», вместо «По официальному заявлению ПАСЕ (во время Голодомора – прим. авт.) голодали: Беларусь, Казахстан, Молдова, Россия и Украина» – «Только украинцы были жертвами Голодомора» и т. д. В главе 5 «ЦИПСО – СВИНСО» высмеивается работа украинского ЦИПСО. Свинка безостановочно печатает сообщения, содержание которых направлено на создание дестабилизации в России. Медведь сначала наблюдает за этим со стороны, но потом одним махом своей лапы выключает рубильник, в результате чего пропадает электроэнергия. Глава завершается сильным продолжительным визгом Свинки на тёмном фоне, происходящее с ней в дальнейшем остаётся за кадром. Тема фейков также находит отражение в главе 18 «Хрюновые планы», в которой Свинка запускает беспилотник в направлении России и после этого распространяет информацию о масштабных разрушениях в то время, когда по факту их не зафиксировано, и Медведь при ознакомлении с этими фейками смеётся. В контексте настоящего исследования находим идеологически верным акцент на американском следе в конструировании иллюзорной картины мира, утвердившейся в сознании части украинского общества под воздействием технологий пропаганды, распространяемой на общегосударственном уровне, а также в сценировании линии поведения украинских властей.

Примечательным является тот факт, что в мультсериале уделяется внимание теме отношений России с дружественными государствами. Так, в уже упомянутой главе 18 в гости к Медведю приходят Зубр, Панда и Лев, что представляется значимым в условиях продвигаемой Западом легенды о международной изоляции России, искажающей реальную действительность. Распространение подобного контента в легко воспринимаемой форме способствует более эффективному усвоению трендов, характеризующих межгосударственное взаимодействие на современном этапе, широкой аудиторией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования выявлены особенности репрезентации современных государств в публичных ТГ-каналах на примере ТГ-канала «СВО – Свинка В обмороке», заключающиеся в противопоставлении героев анимационного сериала, олицетворяющих участников мирового политического процесса, на образном и символическом уровнях. Образы, выбранные для выстраивания ассоциативного ряда с конкретными государствами, могут рассматриваться как вполне устоявшиеся в структуре массового сознания, вследствие чего выглядят логически оправданными.

Установлено, что транслируемый контент в увлекательной стилистике концептуально продуманного анимационного сериала воссоздаёт события и ситуации, отражающие актуальную политическую повестку, что способствует формированию общественного мнения относительно происходящего в ненавязчивой форме. Мультсериал «СВО – Свинка В Обмороке» как цельный творческий продукт выполняет идеологическую и просветительскую функции, что представляется значимым с позиций сохранения исторической правды в условиях информационной войны.

В рекомендательном отношении видится оправданным развитие практики разъяснения происходящих событий в виде анимационных фильмов, объединённых общей концепцией, их трансляция с помощью аудиовизуальных средств массовой информации и интернет-технологий. Особое значение продвижение подобного контента имеет в целях формирования системы политических ценностей российской молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гигаури Д. И., Каминский С. И. Виртуальная идентичность как инструмент конструирования образа российского государства в условиях цифрового общества // Русская политология. 2020. № 1. С. 153–160.
2. Горбачева И. М., Гришанова Е. В. Роль смеховой коммуникации в социокультурном развитии общества в кризисные периоды //

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 85–90.

3. Дорохин В. Н. Феномен политических Telegram-каналов как инновационных цифровых СМИ в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 103–105.
4. Зеленцов М. В. Актеры формирования образа России в зарубежном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 2. С. 159–169.
5. Котеленец Е. А., Затуловская М. С., Лаврентьева М. Ю. «Русский медведь» – динамика образа изменения России в мире // Научный диалог. 2018. № 7. С. 165–176.
6. Мокрая Е. А. Telegram-канал как платформа для политической коммуникации // Русская политология. 2018. № 4. С. 62–66.
7. Позитивный образ России как проблема и политическая технология имиджирования в мировом информационном пространстве / Н. Р. Балынская, Е. Г. Зиновьева, С. Ю. Волков, Н. С. Шкурко // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6. С. 1524–1528.
8. Тренина Н. Г. Русский медведь: культурные стереотипы о России как прием международной политической риторики // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 119–126.
9. Фельдман П. Я., Прохвятилов Г. В. Становление сетевого корпоративизма в условиях новой политико-коммуникационной реальности // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 2. С. 599–607.
10. Фомин И. В. Образ государства: семиотическая модель // Метод. 2018. № 8. С. 47–60.
11. Шмыгин В. А., Шульц В. Л., Коломийцева М. Г. Отсутствие единого идейно-ценностного конструкта образа государства как угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность / Nota bene: [сайт]. 2023. № 1. URL: e-notabene.ru (дата обращения: 17.12.2023).

ARTICLE INFORMATION

Dmitriy A. Ezhov

- e-mail: president@lenta.ru
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskii pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

FOR CITATION

Ezhov D. A. Features of the representation of modern states in public telegram channels. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. Using a specific example, to identify the features of the representation of modern states in public Telegram channels in the context of the current political agenda concerning Russia's Special Military Operation in Ukraine.

Methodology. The research is based on a combination of psychological, cultural and communicative approaches; methods of content and contextual analysis are used.

Results. It is established that the systematic and conceptually elaborate presentation of material in the Telegram channel as a source of information contributes to the formation of associative series in the minds of audience in relation to the actors of the global political process, has an ideological coloring and performs educational tasks.

Research implications. The results obtained can be used in the study and research of technologies for shaping the image of modern states; as well as in the activities of specialists in the field of political agitation and propaganda.

Keywords:

state image, symbol of the state, Telegram channel, Russia, Ukraine, ideology, formation of public opinion

REFERENCES

1. Gigaury D. I., Kaminskiy S. I. [Virtual identity as a tool for constructing the image of the Russian state in a digital society]. In: *Russkaya politologiya* [Russian political science], 2020, no. 1, pp. 153–160.
2. Gorbacheva I. M., Grishanova Ye. V. [Laughing communication role in socio-cultural development of society during crisis period]. In: *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and socio-humanitarian studies], 2018, no. 2, pp. 85–90.
3. Dorokhin V. N. [The phenomenon of political telegram channels as an innovative digital media in Russia]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism], 2019, no. 1, pp. 103–105.
4. Zelentsov M. V. [Actors of forming the image of Russia' in the foreign media space]. In: *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and practical issues of journalism], 2015, vol. 4, no. 2, pp. 159–169.
5. Kotelenets E. A., Zatulovskaya M. S., Lavrentyeva M. Yu. ["Russian bear" - the dynamics of changes in the image of Russia in the world]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 7, pp. 165–176.
6. Mokraya E. A. [Telegram channel as a platform for political communication]. In: *Russkaya politologiya* [Russian political science], 2018, no. 4, pp. 62–66.
7. Balynskaya N. R., Zinovyeva E. G., Volkov S. Yu., Shkurko N. S. [Positive image of Russia as a problem and political technology of imaging un the world information space]. In: *Voprosy natsional'nyh i federativnyh otnoshenij* [Issues of National and Federative Relations], 2020, vol. 10, no. 6, pp. 1524–1528.
8. Trenina N. G. [Russian bear: cultural stereotypes of Russia as a rhetorical device of foreign policy]. In: *Koncept: filosofiya, religiya, kul tura* [Concept: philosophy, religion, culture], 2017, no. 2, pp. 119–126.
9. Feldman P. Ya., Prokhvatilov G. V. [The formation of network corporatism in the new information and communication reality]. In: *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2023, vol. 13, no. 2, pp. 599–607.
10. Fomin I. V. [Image of state: a semiotic model]. In: *Metod* [Method], 2018, no. 8, pp. 47–60.
11. Shmygin V. A., Shultz V. L., Kolomiitseva M. G. [The absence of a single ideological and value construct of the image of the state as a threat to Russia's national security]. In: *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene* [National security / Nota Bene], 2023, no. 1. Available at: e-notabene.ru (accessed: 17.12.2023).

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯДЫ НА ФРАНКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX В.

Зверева Мария Семёновна

- e-mail: mariaszvereva@yandex.ru;
аспирант кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
научный сотрудник,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук 117218, г. Москва, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зверева М. С.

Либеральный и социалистический взгляды на франко-русские отношения в работах зарубежных и отечественных мыслителей XIX в. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 07.12.2023
- Статья размещена на сайте 27.03.2024

СТРУКТУРА

[Структура](#)

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Благодарности](#)

[Введение](#)

[Либеральная интерпретация франко-российских отношений](#)

[Социалистический взгляд на франко-российские отношения](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Провести сравнительный анализ трактовок важности и перспектив франко-русских отношений в работах французских и отечественных мыслителей либерального и социалистического направления XIX в.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами являются политико-текстологический и сравнительный анализ. Проведено изучение содержания работ французских и отечественных мыслителей XIX в и их интерпретации франко-русских отношений.

Результаты. Рассмотрев взгляды ряда мыслителей разной политической ориентации на франко-русские отношения, можно заключить, что, несмотря на критику политической системы другого государства, мыслители, а вслед за ними и политики, находили важным сохранение дружественных отношений между странами. Основанием для франко-русских отношений учёные считали сотрудничество стран в экономической, политической и культурной сферах. Имелись и противники союза России и Франции. Наличие в общественной мысли разных позиций предопределяло нестабильность политических отношений между двумя странами в XIX в.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при изучении истории франко-русских отношений, истории политической мысли, в частности развития либеральной и социалистической идеологий во Франции и России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

либерализм, русофилия, русофобия, социализм, социально-политическая мысль XIX в., франко-русские отношения

БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование выполнено в рамках Госзадания во ФНИСЦ РАН по теме «Суверенитет и ответственность Российского государства в условиях формирования нового мирового порядка» (рег. номер в ЕГИСУ НИОКР 1023042300001-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

ВВЕДЕНИЕ

Международные отношения всегда были одним из важнейших факторов, определявших как положение того или иного государства на мировой арене, так и внутреннюю политику страны. Межгосударственный диалог крайне редко складывается просто и проходит по предсказуемому сценарию. Чаще всего отношениям свойственны взлёты и падения, смена периодов сотрудничества и соперничества. Не стали исключением и франко-русские отношения, которым, как отмечают А. Дюбьен и Н. Ю. Лапина, традиционно была присуща двойственность и непредсказуемость [4, с. 276].

С учётом той геополитической ситуации, в которой оказалась сегодня Россия, обращение к прошлому отношений России и Запада (в лице Франции) является особенно актуальным и научно значимым.

История франко-русских отношений насчитывает уже более пяти веков. Их началом можно считать попытки Ивана IV Грозного заручиться поддержкой французского двора и заключить торговые соглашения в 1580-х гг. С XVII в. начинают активно развиваться дипломатические связи между Романовыми и Бурбонами, а с началом правления Петра I устанавливаются постоянные дипломатические отношения, которые продлились вплоть до конца XVIII в.

XIX в. для франко-русского союза был крайне нестабильным: вторжение Наполеона, повторная смена режима во Франции после 1830-го г., участие англо-французских войск в Крымской войне, сложное налаживание отношений в 1870-х гг. – вот только те немногие события, которые предопределили траекторию развития межгосударственных отношений в данный период [1, с. 383; 3, с. 613]. Внешнеполитические «зигзаги» влияли и на смену общественных настроений в двух странах: в России – от франкомании, повсеместного изучения дворянством французской культуры и использования языка до неприятия всего французского во время Отечественной войны 1812 г.; во Франции – от русофобии начала века до объявления национального траура в Париже после смерти Александра III¹ [7, с. 102].

¹ В 1894 г. французская газета «Revue des Deux Mondes», в частности, писала: «Смерть и похороны царя (Александра III. – М. З.) были для нас возможностью выразить правительству и народу России глубокое сочувствие, которое мы испытываем к их несчастью. Это несчастье тоже наше; мы приписали ему национальный характер ... Император Александр умел заслужить всеобщее доверие и уважение, и его сын, несомненно, увидит в почтении,

В силу вышеизложенного в рамках настоящего исследования ставится цель сравнить оценки, которые давали французские и отечественные мыслители важности и перспективности франко-русских отношений. При этом в качестве одной из переменных, определивших точку зрения того или иного мыслителя, рассматривается его приверженность либеральным или социалистическим взглядам.

Для проведения сравнительного анализа были отобраны некоторые работы французских и отечественных мыслителей, посвящённые полностью или частично проблеме франко-русских отношений XIX в., а также образов России и Франции в сознании двух стран. Мыслители были отобраны по их приверженности либеральному или социалистическому течению, одобрительному или критическому отношению к другой стране.

Ключевыми исследовательскими методами являются политико-текстологический и сравнительный анализ. Проведено исследование содержания работ французских и отечественных мыслителей XIX в. и их интерпретации франко-русских отношений.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривая какую-либо проблему через призму идеологии, необходимо учитывать национальный характер [10, с. 4]. Даже при анализе таких мировых течений, как либерализм и социализм, нельзя считать эти концепции полностью универсальными, поскольку каждая из стран имеет свой уникальный исторический опыт, обладает своими традициями. Таким образом, либерализм во Франции и либерализм в России не будут тождественны друг другу, несмотря на лежащие в их основе общие фундаментальные основания.

Одним из ярких представителей французского либерализма XIX в. считают Ж. Мишле (1798–1874) [11, с. 7]. Его отношение к России было неоднозначным. Мыслитель одобрительно отзывался о Павле I, называя его «добрым, чувствительным и великодушным, преданным закону и любившим правду» царём в

оказываемом повсюду памяти, которая ему дорога, поощрение к продолжению политики, которой аплодировал весь мир» (См.: Charnes F. Chronique de la quinzaine, histoire politique et littéraire – 14 novembre 1894 // Revue des Deux Mondes. T. 126. 4e période. 1894. P. 478–479).

противовес Екатерине II. Тем не менее, считал Мишле, Павел I, доверившись «не настоящим французам, а эмигрантам», понёс крупные потери в походе Суворова. И лишь взглянув на «настоящую умиротворённую Францию», нашёл в ней настоящих союзников [8, с. 26].

Для взглядов Мишле, как и для многих его современников, характерны искажения и домыслы в отношении России. Возможно, причиной подобных взглядов являлось негативное отношение мыслителя к социализму – непринятию уничтожения частной собственности. А российский уклад, в чём Мишле соглашается с Герценом, состоит именно в общинном принципе жизни. В самой России, как писал Мишле в XIX в., установился коммунизм.

Размышляя над вопросом роли России в европейской политике, он пришёл к простому выводу – «России не существует» [2, с. 15]. Этот тезис мыслитель раскрывал следующим образом: при наличии многочисленных победоносных войн Россия никак не проявила себя ни в науке, ни в культуре. Таким образом, Россия – сплошная иллюзия [2, с. 20].

Другой представитель французского либерализма, А. Мартен (1810–1883), считал, что в России не прижились либеральные ценности, а христианство в ней крайне поверхностно. Сравнивая русских с варварами, Мартен призывал защитить Европу от них, изгнав русских за Урал [14, р. 111]. В непростой геополитической ситуации во второй половине XIX в. Мартен, в отличие от французского правительства, делал ставку на союз с поляками [14, р. 136]. Необходимо отметить, что «польский вопрос» был наиболее острым аспектом европейской политики на протяжении нескольких веков, и он отразился в трудах западных и отечественных мыслителей.

Работа А. Мартена «Россия и Европа» (1866 г.) описывала не только взаимоотношения стран, но и объясняла их положение с точки зрения расовых различий. Русские, по Мартену, не принадлежат к европейцам и действуют согласно своим варварским принципам [14, р. 31]. По мнению Мартена, Россия не может достичь уровня Европы, потому как у неё нет традиции совещательных органов и институтов защиты от произвола [12, с. 159].

Иной позиции в отношении России придерживался А. Рамбо (1842–1905). Если Мишле и Мартен были русофобами, то Рамбо являлся русофилом, сторонником сближения Франции

с Россией. В работе «Эпическая Россия», опубликованной в 1876 г., он сравнивал русские былины и германский эпос. И если в первых воспевался труд, то во вторых – прославлялась война. Внимательно наблюдая за той ролью, которую играла Россия в европейской политике, исследователь заметил, что в интересах Франции – поддерживать хорошие отношения с Петербургом. В прошлом, указывал Рамбо, союз с Россией приносил пользу Франции [15].

Среди представителей российского либерализма нужно прежде всего отметить М. М. Сперанского (1772–1839). Свободное владение французским языком позволило ему познакомиться с идеями Просвещения, а затем предпринять попытку перенести их дух в свои проекты.

Сперанский был вдохновлён государственными и общественными устоями Франции. Создавая по поручению Александра I проект преобразования государственного устройства России, Михаил Михайлович много заимствовал из французского опыта. Одобрение реформ во Франции также выразилось в переводе Сперанским Кодекса Наполеона на русский язык и подготовке в 1808 г. вельможей проекта гражданского уложения для России, который во многом совпадал с французским документом.

Сопровождая Александра I на встрече с Н. Бонапартом, Сперанский произвёл на французский двор и самого императора неизгладимое впечатление. Тем не менее в начале 1810-х гг. Сперанский ясно осознавал возможность войны России с Францией и сообщал о состоянии русско-французских отношений Александру I. Вельможа советовал готовиться к войне, занять твёрдую дипломатическую позицию.

Другой представитель русского либерального течения К. Д. Кавелин (1818–1885) критиковал интеллигенцию за её пренебрежительное отношение к России и просвещению народа, что ведёт к отсталости. Противопоставляя Россию и Запад, Кавелин, помимо всего прочего, отмечал противоречия государственного устройства стран Европы и призывал отказаться от заимствования элементов французской системы.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ФРАНКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Некоторые мыслители кардинально меняют свою точку зрения относительно политической ориентации на протяжении всей жизни. Примером может послужить один из лидеров международного социалистического движения Ж. Жорес (1859–1914). Либерал в начале своей политической карьеры, Жорес постепенно перешёл на социалистические позиции. Будучи пацифистом, Жорес выступал резко против военной эскалации и подписания секретных статей франко-русского договора накануне Первой мировой войны. Этот договор, полагал социалист, обязывал Францию вступить в войну на стороне царской России.

Жорес очень хорошо понимал специфику русской революции и русского пролетариата, заявляя о своей солидарности с последним [5, с. 15–16]. Он также верил, что Россия должна в скором времени сыграть важную роль во всемирном историческом процессе.

Жорес прекрасно понимал политическую и экономическую обстановку как во Франции, так и в мире, и положительно оценивал союз с Россией: «Россия – жизненно необходимый союзник ... Кроме того, России пришлось дать много денег, и масса мелких рантье заинтересована в русских делах» [9, с. 291]. При этом Жорес отдельно подчёркивал важность союза русских и французских трудящихся.

Другой представитель французского социалистического направления Б. Малон (1841–1893), французский писатель-публицист и последователь идей Прудона, крайне скептически относился к России. Русских наряду с турками он называл самым отсталым народом Европы [13, р. 71]. Главным объектом критики России Малоном являлось её монархическое устройство. Постоянные войны, в том числе и те, что ведут русские, препятствуют процессу прихода Европы к социализму. Тем не менее социалист полагал, что «в мрачной монархии Романовых однажды наступит социализм ... и то, что потерял русский терроризм в своей борьбе, выиграет экономико-исторический социализм Маркса» [13, р. 197].

Представитель российского социализма А. И. Герцен (1812–1870) довольно критически воспринимал западную цивилизацию. Его жизнь была тесно связана с Францией. В своей работе «С того берега», где он переосмыслил свой либеральный опыт,

Герцен описывал крушение старых европейских идеалов. С его точки зрения, либеральная и свободная прежде Франция после разгрома революции напоминает Россию времён Николая I; отныне решающим фактором стал капитал, а не идеи и цели. России Герцен прочил иной путь развития. В своих трудах основоположник «русского социализма» противопоставлял Францию России, указывая на иное отношение русских к почве, к общинности.

В творчестве Герцена можно увидеть и реакцию на русофобские взгляды французов. Писатель был знаком с работами упомянутого выше Ж. Мишле, с которым даже поддерживал переписку. Вступая с ним в полемику, Герцен опровергал тезис Мишле о «несуществовании России», при этом соглашаясь с тем, что беспочвенность и отрыв от традиции делают русский народ столь радикальным [2, с. 25].

В своих произведениях Герцен постоянно выступал против франко-русского союза. Также он довольно иронично относился к чаяниям французов заручиться поддержкой поляков и наоборот.

Ярым последователем и распространителем идей французского утописта Ш. Фурье в России был М. В. Буташевич-Петрашевский (1821–1866). Его теорию называют «русским фурьеризмом», а попытки реализовать проект фаланг продолжили его последователи. Критикуя современные буржуазные отношения в странах Западной Европы, петрашевцы с восторгом отнеслись к Французской революции 1848 г. В ней они видели торжество социалистических принципов. Сам Петрашевский был хорошо знаком с историей Франции, особенно её революционного периода. При всех восхвалении французского устройства после революции, ожидании наступления социализма в Европе и попытках построения такого проекта в России Петрашевский напрямую не высказывал своего отношения к франко-русским отношениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С мнением исследователя В. Мильчиной о том, что французских авторов можно разделить на «руссофобов, руссофилов и реалистов» вполне можно согласиться [6, с. 38]. Отношение к России, несомненно, повлияло на оценку мыслителями состояния и перспектив франко-русских отношений. Другим факто-

ром, определившим отношение мыслителей к союзу Франции и России, была приверженность определённой идеологии. Так, французские философы – приверженцы либеральных ценностей – не одобряли монархическую систему России, а ответственные социалисты критиковали крайний индивидуализм Франции.

Взгляды мыслителей не оставались неизменными, но корректировались в соответствии с международной обстановкой. Тем не менее следует отметить отсутствие среди русских мыслителей франкофобии, в то время как у некоторых представителей противоположной стороны русофобия имела место.

Несмотря на фрагментарность позиций французских и российских мыслителей, представленных в настоящей статье, видно разнообразие подходов к интерпретации значения и перспектив франко-русских отношений. Подобная тенденция не стала особенностью этого столетия – она присуща как более раннему периоду, так и более позднему, вплоть до настоящего времени.

Франко-русские отношения, как было сказано, всегда имели нестабильный характер, были больше похожи на «американские горки», чем на ровную дорогу. Таким образом, современное ухудшение взаимоотношений России с Западом не является чем-то новым с точки зрения исторических и идейных корней многовековых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалова К. А., Ившин В. С. Между дипломатией и интригами: неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870–1880-х годах // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 381–401.
2. Блинов Е. Н. «Самый независимый человек в свете»: Герцен об истоках и смысле русского номадизма // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 15–35.
3. Галкина Ю. М. Франко-русский союз в зеркале историографии: к вопросу о механизмах сближения // *Historia provinciae*. 2023. Т. 7. № 2. С. 611–649.
4. Дюбьен А., Лапина Н. Ю. Франко-российские отношения: что нас ждёт впереди? // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 276–287.
5. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции:

- в 6 т. Т. 1 / пер. с фр. А. З. Манфреда. М.: Прогресс, 1976. 600 с.
6. Мильчина В. А. Русофилы, русофобы и «реалисты»: Россия в восприятии французов // Отечественные записки. 2007. Т. 38. № 5. С. 29–39.
 7. Митрофанов А. А. Россия как «антипод Французской революции». Политическое бюро Директории и генезис «русофобии» во Франции // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 102–111.
 8. Мишле Ж. История XIX века: в 3 т. Т. 3. / пер. с фр. Р. Поповой, М. Цебриковой. СПб.: Типография Ф. С. Суцинкаго, 1884. 347 с.
 9. Молчанов Н. Н. Жан Жорес: французский социалист, оратор и мыслитель. М.: Молодая гвардия, 1986. 397 с.
 10. Ревякин А. В. Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века. М.: Наука, 1999. 283 с.
 11. Ширинянец А. А., Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.12.2023).
 12. Ширинянец А. А., Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке (II) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.12.2023).
 13. Malon B. Le socialisme integral. Metz: F. Alcan, 1892. 470 p.
 14. Martin H. La Russie et l'Europe. Paris: Furne, Jouvet et Cie, 1866. 431 p.
 15. Rambaud A. La Russie épique; étude sur les chansons héroïques de la Russie. Paris: Maisonneuve, 1876. 530 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Maria S. Zvereva

- e-mail: mariaszvereva@yandex.ru
postgraduate student,
Department of the History of Socio-Political Doctrines,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation;
researcher,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
ul. Krzhizhanovskogo 24/35k5, Moscow 117218, Russian Federation

FOR CITATION

Zvereva M. S. Liberal and socialist views on Franco-Russian relations in the works of foreign and domestic thinkers of 19-th century. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To conduct a comparative analysis of the interpretations of the importance and prospects of the Franco-Russian union in the works of French and Russian thinkers of the liberal and socialist trends in the 19th century.

Methodology. Political-textual and comparative analyses have become the key research methods. The study of the content of the works of French and Russian thinkers of the XIX century and their interpretation of Franco-Russian relations is conducted.

Results. Based on the analysis of the views of a number of thinkers of different political orientations on Franco-Russian relations, it can be concluded that, despite the criticism of the political system of another state, the thinkers, and subsequently, politicians found it important to maintain friendly relations between the countries. Cooperation in economics, politics and culture was considered to be the basis of Franco-Russian relations by the scientists. Nevertheless, there were quite a few opponents of the union both in Russia and in France. The presence of different positions in public thought predetermined the instability of political relations between the two

countries in the 19th century.

Research implications. The results of the research can be used in the study of the history of Franco-Russian relations, the history of political doctrines, in particular, the development of liberal and socialist ideologies in France and Russia.

Keywords:

liberalism, Russophilia, Russophobia, socialism, socio-political doctrine of the XIX century, Franco-Russian relations

Acknowledgments:

The research was carried out within the framework of the state assignment at the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences on the topic “Sovereignty and responsibility of the Russian state in the conditions of the formation of a new world order” (reg. number in the USISU R&D 1023042300001-4) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

REFERENCES

1. Bepalova K. A., Ivshin V. S. [Between diplomacy and intrigue: informal aspects of Franco-Russian relations in the 1870–1880s]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2023, vol. 12, no. 4, pp. 381–401.
2. Blinov E. N. [“The most independent person in the whole world”: Herzen about the origin and sense of Russian nomadism]. In: *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of Higher School of Economics], 2023, vol. 7, no. 3, pp. 15–35.
3. Galkina Yu. M. [The Franco-Russian alliance in historiography: on the mechanisms of rapprochement]. In: *Historia provinciae*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 611–649.
4. Dubien A., Lapina N. Yu. [Franco-Russian relations: what lies ahead?]. In: *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2021, no. 3, pp. 276–287.
5. Jaures J. Histoire socialiste de la Revolution francaise (Rus. ed.: Manfred A. Z., transl. *Sotsialisticheskaya istoriya frantsuzskoi revolyutsii. T. 1*. Moscow, Progress Publ., 1976. 600 p.).

6. Milchina V. A. [Russophiles, Russophobes and “realists”: Russia as perceived by the French]. In: *Otechestvennyye zapiski* [Otechestvennyye zapiski] 6 2007, vol. 38, no. 5, pp. 29–39.
7. Mitrofanov A. A. [Russia as an “antipode of the French Revolution”. The political bureau of the Directory and the genesis of “Russophobia” in France]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2018, no. 64, pp. 102–111.
8. Michelet J. Histoire du XIX Siècle (Rus. ed.: Popova R., Tsebrikova M., transl. *Istoriya XIX veka. T. 3*. St. Petersburg, Tipografiya F. S. Sushchinskogo Publ., 1884. 347 p.).
9. Molchanov N. N. *Zhan Zhores: frantsuzskii sotsialist, orator i myslitel'* [Jean Jaurès: French socialist, orator and thinker]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1999. 283 p.).
10. Revyakin A. V. *Sotsializm i liberalizm vo Frantsii v seredine XIX veka* [Socialism and liberalism in France in the mid-19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 283 p.
11. Shirinyants A. A., Sorokopudova O. E. [“The Russian Question”: French Russophobia in the 19th century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2014, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.12.2023).
12. Shirinyants A. A., Sorokopudova O. E. [“The Russian Question”: French Russophobia in the XIX century (II)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.12.2023).
13. Malon B. Le socialisme integral. Metz, F. Alcan, 1892. 470 p.
14. Martin H. La Russie et l'Europe. Paris, Furne, Jouvet et Cie, 1866. 431 p.
15. Rambaud A. La Russie épique; étude sur les chansons héroïques de la Russie. Paris, Maisonneuve, 1876. 530 p.

УДК 323.173

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.

Логвинов Дмитрий Вадимович

- e-mail: logvinov.dmitry2010@gmail.com
аспирант кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Логвинов Д. В.

«Финляндский вопрос» в социально-политическом дискурсе
Российской империи XIX в. // Российский социально-гуманитарный
журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 14.12.2023
- Статья размещена на сайте 05.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Первые дискуссии](#)

[Актуализация вопроса](#)

[«Время гонений»](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Оценка места и значения «финляндского вопроса» в социально-политическом дискурсе Российской империи в XIX в., выделение существовавших позиций в полемике и аргументов их сторонников.

Процедура и методы. В качестве источника для анализа использованы письма и дневники современников, статьи и книги XIX в., посвящённые «финляндскому вопросу». Основными методами стали политико-текстологический и историко-системный анализ, историко-политологическая реконструкция.

Результаты. Представлена хронология развития «финляндского вопроса» в социально-политическом дискурсе Российской империи XIX в., выделены предпосылки его возникновения, эволюция основных позиций, аргументация сторон. Обобщён и структурирован материал по «финляндскому вопросу» в Российской империи XIX в.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов по политической истории России и истории социально-политической мысли России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Великое княжество Финляндское, Российская империя, русификация Финляндии, русофобия, «финляндский вопрос»

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ярких внешнеполитических успехов Александра I стало присоединение Финляндии к Российской империи. Произошло это в 1809 г. в результате подписания Фридрихсгамского мирного договора, ознаменовавшего окончание Русско-шведской войны (1808–1809 гг.). Согласно этому договору Финляндия вышла из состава Швеции и получила статус Великого княжества Финляндского.

В тот момент перед Александром I стояла задача укрепления собственного авторитета на новой территории при сохранении там части свобод, т. к., «с одной стороны, у Финляндии сохранялись старые шведские законы и привилегии сословий, с другой – необходимо было сохранить за центральной имперской властью контроль над финляндскими делами» [13, с. 28]. Александру I необходимо было установить баланс, который обеспечил бы как подчинение со стороны Финляндии, так и её преданность, ведь именно эта территория могла послужить

подушкой безопасности в близящемся конфликте с Францией. Поиск данного баланса и само обсуждение этого вопроса, впоследствии получившего название финляндского, растянулись на всё последующее столетие.

Нельзя не согласиться с точкой зрения, что «проведение успешной политики России на новых территориях было возможно лишь при условии, что население княжества получило бы не меньше, а больше прав и привилегий, чем оно имело при шведском господстве» [10, с. 222]. Поэтому Александр I, преследуя во многом внешнеполитические интересы Российской империи, благоприятствовал формированию особого положения Финляндского княжества в составе государства. Княжество получило значительные стимулы для собственного развития. В течение XIX в. были сохранены или заново сформированы и закреплены многие аспекты, характерные для самостоятельного государства: законодательная и исполнительная власть, собственная валюта, воинские формирования, национальный язык, закреплённый в качестве государственного, и др. Как итог, «положение Финляндии внутри Российской империи оказалось таким образом совершенно исключительным и не только в масштабах самой империи, но и в сравнении с устройством других многонациональных государств» [4, с. 90]. Это не могло не послужить причиной возникновения ожесточённой полемики о статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи.

Таким образом, целью настоящего исследования является оценка места и значения «финляндского вопроса» в социально-политическом дискурсе Российской империи в XIX в., выделение существовавших позиций в полемике и аргументов их сторонников.

В качестве источников использованы письма и дневники современников, статьи и книги XIX в., посвящённые «финляндскому вопросу». Основными методами работы являются политико-текстологический, историко-системный анализ и метод историко-политологической реконструкции.

ПЕРВЫЕ ДИСКУССИИ

Впервые вопрос о самостоятельности княжества был поднят ещё в 1830-е гг. Саму возможность разных трактовок положения Финляндии в составе Российской империи предостав-

ляла вариативность в понимании термина «stat», пришедшего из шведского языка. Именно это слово использовалось финнами чаще всего по отношению к своему княжеству, и имело оно два значения: непосредственно «государство» и в то же время «провинция». В отличие от рядовых провинций Финляндия со временем стала обладать многими из характерных атрибутов государственности, но при этом она входила в состав Российской империи и подчинялась воле российского императора. Парадокс, по мнению ряда исследователей, поначалу разрешался тем, что «население Финляндии не отделяло своё “государство” от Российской империи. Существовало представление, что Россия – это империя, которая включает в себя многие “государства”, а Финляндия – одно из таких “государств”» [8, с. 54].

Первая публичная полемика по вопросу степени автономности княжества состоялась между двумя финляндскими иммигрантами в Швеции И. Вассером и А. Арвидссоном. В 1838 г. Вассер, профессор в области медицины, опубликовал социально-политическую по своему содержанию брошюру «О союзном трактате Швеции с Россией». В ней он выразил мнение, что Финляндия является сформированным государством, которое может и должно стать самостоятельным. Он подчеркнул, что Финляндия не была завоёвана Россией, скорее, был заключён их взаимный союз. Более того, этот союз возложил на Великое княжество особую миссию по распространению истинно европейской цивилизации, не омрачённой буржуазными несовершенствами, на территории Российской империи.

Финский писатель и историк Арвидссон поначалу выступал против и в ответных брошюрах настаивал на провинциальном и зависимом статусе княжества. Идею особой миссии княжества он раскритиковал, сославшись на то, что европейские идеи на тот момент уже циркулировали в умах российских подданных. Однако в ходе длительной дискуссии он согласился, что, «хотя Финляндия ещё не есть самостоятельное государство, но она должна стать таковым» [8, с. 54], и произойдёт это, как бы парадоксально ни звучало, именно благодаря вхождению в состав Российской империи. Под защитой России, по мнению Арвидссона, Финляндии предстояло расти, развиваться, а по достижению совершеннолетия – самоопределиваться.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОПРОСА

Возрождение полемики относительно финляндского вопроса пришлось на 1860-е гг., что можно связать с актуализацией национального вопроса в Российской империи, с одной стороны, и с продолжающимся расширением свобод и распространением национальной прессы в Финляндии – с другой.

Всё чаще стали раздаваться голоса различных финских исследователей и деятелей культуры о государственности княжества. В таком русле рассуждали Й. Нордстрём, Ю. Снельман и др. Этот период можно охарактеризовать как постепенное наращивание аргументации в пользу тезиса о самостоятельности княжества и упрочение этого мнения в общественном сознании.

В России развернулись самые настоящие интеллектуальные баталии по данной теме. Например, М. Н. Катков призвал обратить внимание на растущую степень автономности княжества, усматривая в этом по-настоящему тревожные для целостности государства тенденции [7]. В передовой статье «Московских ведомостей» от 9 сентября 1863 г. он написал, что, несмотря на мирное, законное и честное поведение Финляндии в составе Российской империи, отношения между ней и центром нельзя назвать нормальными и, более того, центробежные стремления финнов должны всячески пресекаться властями. Основная причина заключалась в том, что могли бы посеять отношения такого характера: они «вносят во внутреннюю государственную жизнь такое начало, которое в своём развитии может расстроить самое цельное государственное тело и повести к ослаблению основных связей, соединяющих народ с верховною властью»¹. Катков предвидел возможные тенденции к сепаратизму отдельных территорий и формирование федеративного союза государств, поэтому всячески пытался привлечь внимание к данной проблеме [14].

Оппоненты Каткова, напротив, не усматривали возможности создания федерации на территории Российской империи. Так, на страницах политической и литературной газеты «Голос» утверждалось: «Публицист [Катков] боится призраков, создаваемых его собственным воображением, воображением, очевидно, расстроенным и болезненным. Ему представляется, будто федеративная форма может развиваться где-нибудь из

¹ Катков М. Н. Передовая статья в № 196 «Московских Ведомостей» (9 сентября) // Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Выпуск Второй. М.: Университетская типография, 1887. С. 745–752.

ничего, из несуществующих зародышей. Где он видит условия, где он видит стремления к распадению русской земли на федеративные части?»².

Следующий виток обсуждений начался в 1880-е гг. Именно в эти годы в общественном дискурсе закрепился сам термин «финляндский вопрос», под которым понимался целый круг социально-политических и экономических проблем, связанных со спорным статусом Великого княжества Финляндского. Их обсуждение происходило ярко, бурно, занимая значительную часть публичного информационного пространства: финляндский вопрос «широко обсуждался в прессе, причём особенно активную позицию заняли издания, связанные с властью, либо репрезентировавшие позицию консервативных кругов» [9, с. 56].

С чем связано обострение вопроса? В 1881 г. началось правление Александра III, характерной чертой которого было внимание к внутренней политике, а именно к национальному вопросу. При этом важно, что основным инструментом решения этого вопроса стала русификация по отношению к национальным окраинам государства: «Российское государство не может включать в себя подданных других культурных типов. Эти культурные типы представляют другой общественно-политический строй» [8, с. 204]. Главным ограничением, с которым столкнулась Финляндия, стало согласование законодательства и сокращение законодательной инициативы: «было указано, что для принятия законов Российской империи, касающихся Великого княжества Финляндского, не нужно решение Сейма или Сената. Таким образом, российские власти могли не принимать во внимание их заключение» [11, с. 341]. И это ограничение вызвало мощный резонанс в княжестве.

Значительную роль в обсуждении финляндского вопроса на этом этапе начал играть политический деятель Леопольд (Лео) Мехелин. В 1886 г. он опубликовал свою работу «Краткий очерк государственного права Великого княжества Финляндского», центральной темой которой стало юридическое обоснование самостоятельности Финляндии и независимости её от Российской империи. А в 1888 г. статский советник Кесарь Филиппович Ордин подготовил перевод труда Мехелина на русский язык и сопроводил его комментариями. Ордин подверг критике идеи своего финляндского оппонента и заявил, что «Финлян-

²Цит. по: [4, с. 103].

дия никогда не была государством. Это завоеванная русским оружием территория» [8, с. 57].

Две эти работы породили оживлённую полемику, накал которой не спадал вплоть до обретения Финляндией суверенитета в 1917 г. Ключевым аргументом сторонников независимости княжества в лице Мехелина было указание на события 1809 г., когда Александр I созвал Боргоский сейм. В них усматривалось желание императора услышать истинный голос финляндского населения и намерение соблюсти все местные законы и правила. Т. е., согласно данной позиции, Александр I воспринимал Финляндию скорее как союзное, а не подчинённое государство.

Ордин же возражал, что на самом деле отношение императора к финляндскому сейму было смешанным, неопределённым. Для Александра I он представлял исключительно совещательный орган, и в подтверждение данного тезиса Ордин привёл слова императора, использовавшего в отношении сейма термин *discutée* (а не *décidée*). Более того, отдельно Ордин остановился на утверждении Мехелина о том, что Боргоский сейм был принципиально важен в контексте утверждения автономности княжества, т. к. Александр I стремился соблюсти законы Финляндии и наделил её особыми правами, сохранив местный сейм. Ордин возразил, что, по существу, «Финляндия своих законов не имела, а руководствовалась шведскими законами» [6, с. 20]. Раз шведское влияние закончилось, сейм больше не являлся законным по своему существу, и император стремился лишь выслушать мнение местных экспертов по интересующим его вопросам. Разовый характер также, по замечанию Ордина, носило и право сейма избрать членов совета, т. к. император, давая соответствующее распоряжение, использовал оборот «на этот раз» [6, с. 25].

Стремясь покончить со сложившейся в те годы тенденцией наделять Боргоский сейм решающим значением в финляндском вопросе, Ордин сослался на Декларацию от 16 марта 1808 г. и Манифест от 20 марта 1808 г. Согласно этим законодательным актам Финляндия была объявлена провинцией, инкорпорированной в Российскую империю. Однако эта ремарка Ордина не смогла разрешить становящиеся всё более громкими и жаркими дискуссии.

«ВРЕМЯ ГОНЕНИЙ»

В 1890-е гг. ситуация в Великом княжестве Финляндском ещё более обострилась. Неслучайно периоды с 1899 по 1905 гг. и с 1908 по 1917 гг., называемые в отечественной историографии периодами русификации Финляндии, в финской традиции получили название «время гонений». Именно в это время политика по отношению к княжеству приняла радикальные черты и «была направлена на постепенную ликвидацию автономии Финляндии и на её интеграцию в состав империи, при полном введении самодержавной формы правления» [11, с. 339].

Важным стимулом для усиления централизации Российской империи выступило изменение геополитического пространства: Тройственный Союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия) заставлял российское военное министерство считаться с потенциальной угрозой, исходящей от него. Поэтому было обращено внимание на состояние армии и, что ещё более принципиально, на систему управления ею.

С назначением А. Н. Куропаткина на пост военного министра в 1898 г. (против кандидатуры которого, впрочем, высказывались многие видные деятели, включая С. Ю. Витте) под особое внимание попал вопрос об армии Великого княжества Финляндского. Куропаткин довольно скоро «поднял финляндский вопрос: надо-де их сделать русскими, по крайней мере, войска» [3, с. 62]. Вторил ему и Н. И. Бобриков, назначенный в 1898 г. на пост генерал-губернатора княжества. Он подчёркивал, что, несмотря на то, что завоевание Финляндии произошло десятилетия назад, оно до сих пор не завершено полностью, его цели по обеспечению безопасности Российской империи с запада не достигнуты, а в княжестве крайне сильны сепаратистские настроения.

В 1898 г. военное министерство Российской империи подготовило доклад, согласно которому представлялось необходимым установление единого командования для российских и финляндских войск. Единственной уступкой было замечание, что «финляндские части могут быть выведены за пределы Финляндии, но в целом во время войны они используются только для обороны Финляндии» [1, с. 29]. Был также составлен новый Устав о воинской повинности, причём без участия представителей Великого княжества Финляндского. Поэтому, когда согласно установленной бюрократической процедуре проект данного Устава был направлен в финляндский Сенат для дальнейшей его передачи в Сейм, Сенат выступил против

и предложил свой вариант Устава. Возникла спорная ситуация, которая, очевидно, не устраивала Российскую империю, и поэтому 3 февраля 1899 г. был издан Манифест «О составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского». Согласно этому Манифесту законы, имеющие общегосударственное значение и затрагивающие при этом Финляндское княжество, отныне должны были приниматься Государственным Советом и императором. При этом утверждалось, что развитие княжества оказалось возможно только благодаря Российской империи и залог её дальнейшего процветания также зависит от степени преданности России. Финляндский Сейм же объявил данный Манифест неправомерным.

Именно в это время свою деятельность начало общество «Кагал», ярким действием которого стало составление «Большого прошения» – открытого письма к Николаю II, под которым было собрано около полумиллиона подписей. В этом письме финны просили пересмотреть Манифест, однако император делегацию, доставившую ему Прощение, не принял.

В результате всех ужесточений в княжестве расцвела русофобия [15; 16; 17]. Свидетельства таких настроений можно обнаружить в работе корреспондента «Московских Ведомостей» П. И. Мессароша «Финляндия – государство или русская окраина?» (1897 г.), в которой автор, занимая, очевидно, консервативную позицию, описал свой опыт путешествий в Великое княжество Финляндское. Он подчеркнул, что там за «четверть века ненависть ко всему русскому приняла громадные размеры» [5, с. 3], а также спрогнозировал, что «при сохранении настоящих порядков не только никогда не будет достигнуто желаемое сближение этой русской окраины с Россией, но напротив, в недалеком будущем могут произойти крайне печальные события» [5, с. 3].

Генерал-губернатор Бобриков также опасался подобного сценария развития событий, поэтому вскоре пришёл к мнению об опасности существования особых финляндских войск в целом. В своём письме М. М. Бородкину он объяснял это тем, что «по призывам какого-нибудь Мехелина они могли при случае стать нашими явными врагами» [12, с. 107], а в сообщениях А. Н. Куропаткину подчёркивал, что «нерусскость» финляндских войск не искоренить, поэтому целесообразнее их вовсе упразднить.

В 1901 г. Николай II после долгих обсуждений принял аргументы в пользу упразднения национальной финской армии и провёл это решение. Финляндия, по выражению С. Ю. Витте, «пришла в брожение» [2, с. 270].

«Пассивное сопротивление становилось всё менее эффективным и тогда начали искать новые способы действий» [2, с. 239], которые основывались уже на более радикальных подходах. Выразителем этого настроения стал 29-летний Э. Шауман, внештатный копиист Сената. 4 июня 1904 г. Шауман, пользуясь служебным положением, вошёл в здание Сената, выследил Бобрикова и несколько раз выстрелил в него практически в упор, а после покончил с собой. В предсмертной записке он указал, что, «поскольку в ближайшее время на отзыв Бобрикова из Финляндии, похоже, не было надежды, осталось лишь одно средство обезопасить от него родину, прибегнув к необходимой самозащите» [2, с. 241].

Российскую империю в тот момент куда больше волновали русско-японская война (1904–1905 гг.) и напряжённая внутриполитическая обстановка, поэтому со смертью Бобрикова внимание к Великому княжеству Финляндскому стало ослабевать. В Финляндию вернулись многие активисты, высланные из страны при его генерал-губернаторстве, а в 1905 г. Николай II приостановил распоряжение об особых полномочиях генерал-губернатора и действие многих законов, носящих русификационный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «финляндский вопрос» существовал в социально-политическом дискурсе Российской империи XIX в. с 1830-х гг., постепенно становясь всё более заметным. Если первые обсуждения темы произошли в формате теоретического поиска особого исторического пути Финляндии, то к концу столетия велась настоящая борьба за независимость княжества, с одной стороны, и борьба за целостность Российской империи, с другой.

Сторонники автономности Великого княжества Финляндского настаивали на концепции союзных государств, существующих в едином пространстве под властью императора, но при этом самостоятельных по своей сути. Главным выразителем данной идеи стал Лео Мехелин, подчеркнувший, что в 1809 г.,

когда Александр I созвал Боргоский сейм, он намеревался услышать местных экспертов, организовать жизнь в княжестве с опорой на местные законы и правила и, таким образом, отнёсся к Финляндии как к федеративной части Российской империи – обособленной и независимой.

Противники же данного подхода и защитники целостности Российской империи отмечали, что ошибочное впечатление, будто Александр I наделял княжество самостоятельным статусом, могло создаться из-за нюансов перевода и субъективных интерпретаций. В игнорировании складывающихся в Финляндии настроений они усматривали угрозу для безопасности государства и всячески привлекали внимание к проблеме. В результате политика по отношению к княжеству с течением времени приобретала всё более жёсткий характер, что привело, в свою очередь, лишь к росту русофобских настроений среди местного населения. Апогеем стало смертельное покушение на генерал-губернатора Бобрикова, после которого на фоне сложной внешнеполитической ситуации Российская империя пошла на ряд уступок по отношению к Финляндии. Тем самым острота «финляндского вопроса» в социально-политическом дискурсе страны была сглажена. Но, как показала история, лишь на некоторое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтурина А. Ю. А. Н. Куропаткин и подготовка Устава о воинской повинности в Финляндии в 1898–1899 гг. // История и архивы. 2021. № 3. С. 22–31.
2. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. М.: Харвест, 2017. 608 с.
3. Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте: воспоминания. Т. 2. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2003. 646 с.
4. Витухновская М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюхи, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2004. С. 89–142.
5. Мессарош П. И. Финляндия – государство или русская окраина?

СПб.: Типография В. В. Комарова, 1897. 332 с.

6. Мехелин Л. Конституция Финляндии. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1888. 150 с.
7. Мюллер А. М., Рябова А. Л., Саблина М. А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11. С. 201–208.
8. Петухова А. П. Михаил Катков и рождение «финляндского вопроса» в Российской империи (1860–1880-е гг.) // Клио. 2019. № 11. С. 136–142.
9. Петухова А. П. «Финляндский вопрос» в системе внутривнутриполитических представлений Российской правящей элиты в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 4. С. 56–64.
10. Погодин С. Н. Взаимоотношения царской России с Финляндией (политико-правовой аспект) // Россия в глобальном мире. 2014. № 1. С. 221–231.
11. Погодин С. Н., Рябова А. Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9. С. 338–347.
12. Полвинен Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг. / пер. с фин. Г. Муравина. СПб.: Европейский дом, 1997. 318 с.
13. Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2013. 137 с.
14. Ширинянец А. А. М. Н. Катков и М. П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России // Катковский вестник: религиозно-философские чтения: к 190-летию со дня рождения М. Н. Каткова / под ред. С. Лесневского. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 90–103.
15. Ширинянец А. А. Русофобия в контексте общественного согласия // SCHOLA-2022: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Издательский дом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2022. С. 207–212.
16. Ширинянец А. А., Гуторов В. А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231–237.
17. Gutorov V. A., Myrikova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia concept in modern political discourse // Political expertise: POLITEX. 2023. Vol. 19. № 2. P. 166–177.

ARTICLE INFORMATION

Author

Dmitrii V. Logvinov

- e-mail: logvinov.dmitry2010@gmail.com
postgraduate student, Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

FOR CITATION

Logvinov D. V. «Finland question» in the socio-political discourse of the Russian empire in the XIX century. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To assess the significance of the “Finland question” in the socio-political discourse of the Russian Empire in the 19th century, to highlight the positions in this polemic and the arguments of its supporters.

Methodology. The study is based on the letters and diaries of the contemporaries, articles and books of the 19th century devoted to the “Finland question”. The main methods were political-textual and historical-system analyses, historical-political reconstruction.

Results. This paper presents the chronology of the development of the “Finland question” in the socio-political discourse of the Russian Empire in the 19th century. The preconditions for its emergence, the main positions and their evolution, the opponents’ arguments are highlighted. The material on the “Finland question” in the Russian Empire of the XIX century is generalized and structured.

Research implications. The research materials can be used in the preparation of special courses on the political history of Russia and the history of social-political ideas of Russia.

Keywords:

Grand Duchy of Finland, the Russian Empire, Russification of Finland, Russophobia, "Finland question"

REFERENCES

1. Bakhturina A. Yu. [A. N. Kuropatkin and preparation of the Statute on military service in Finland in 1898–1899]. In: *Istoriya i arkhivy* [History and Archives], 2021, no. 3, pp. 22–31.
2. Vitte S. Yu. *Vospominaniya. T. 3* [Memories. Vol. 3]. Moscow, Kharvest Publ., 2017. 608 p.
3. Vitte S. Yu. *Iz arkhiva S. Yu. Vitte: vospominaniya. T. 2* [From the archive of S. Yu. Witte: memories. Vol. 2]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii institute istorii RAN Publ., 2003. 646 p.
4. Vitukhnovskaya M. A. [A rebellious outskirts or a model to follow: Finland through the eyes of Russian conservatives and liberals of the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Tsamatuli A. N., Ilyukha O. P., Kovalenko G. M., eds. *Mnogolikaya Finlyandiya. Obraz Finlyandii i finnov v Rossii* [The many faces of Finland. The image of Finland and Finns in Russia]. Velikiy Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo Publ., 2004, pp. 89–142.
5. Messarosh P. I. *Finlyandiya – gosudarstvo ili russkaya okraina?* [Finland – a state or a Russian outskirts?]. St. Petersburg, Tipografiya V. V. Komarova Publ., 1897. 332 p.
6. Mekhelin L. *Konstitutsiya Finlyandii* [Constitution of Finland]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Ko Publ., 1888. 150 p.
7. Muller A. M., Riabova A. L., Sablina M. A. [National policy of Alexander III]. In: *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2017, no. 11, pp. 201–208.
8. Petukhova A. P. [Mikhail Katkov and the birth of the "Finland question" in the Russian Empire (1860–1880s)]. In: *Klio* [Klio], 2019, no. 11, pp. 136–142.
9. Petukhova A. P. ["The Finnish Question" in the system of internal political ideas of the Russian ruling elite at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 2008, no. 4, pp. 56–64.
10. Pogodin S. N. [Relations between Tsarist Russia and Finland (political and legal aspect)]. In: *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2014, no. 1, pp. 221–231.
11. Pogodin S. N., Riabova A. L. [The first period of the Russification in Finland (1899–1905)]. In: *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2016, no. 9, pp. 338–347.
12. Polvinen T. Valtakunta ja rajamaa: N. I. Bobrikov Suomen

kenraalikuvernöörinä 1898–1904 (Rus. ed.: Muravin G., transl. *Derzhava i okraina. N. I. Bobrikov general-gubernator Finlyandii, 1898–1904 gg.* St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1997. 318 p.).

13. Suni L. V. [Grand Duchy of Finland (first half of the 19th century). Formation of autonomy]. Petrozavodsk, Izdatelstvo Petrozavodskogo universiteta Publ., 2013. 137 p.).
14. Shirinyants A. A. [M. N. Katkov i M. P. Pogodin about the national-political unity and integrity of Russia]. In: Lesnevskii S., ed. *Katkovskii vestnik: religiozno-filosofskie chteniya: k 190-letiyu so dnya rozhdeniya M. N. Katkova* [Katkovsky Bulletin: religious and philosophical readings: to the 190th anniversary of the birth of M. N. Katkov]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2008, pp. 90–103.
15. Shirinyants A. A. [Russophobia in the context of public harmony]. In: Shutov A. Yu., Shirinyants A. A., eds. *SCHOLA-2022: sbornik nauchnykh statei fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova* [SCHOLA-2022: collection of scientific articles by the Faculty of Political Science of Moscow State University named after M. V. Lomonosov]. Moscow, Izdatel'skii dom Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova Publ., 2022, pp. 207–2012.
16. Shirinyants A. A., Guturov V. A. ["Russophobia": word and meanings]. In: *Tetrad'i po konservatizmu* [Essays on conservatism], 2023, no. 1, pp. 231–237.
17. Guturov V. A., Myrikova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia concept in modern political discourse. In: *Political expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 166–177.

УДК 321

ГОРОД КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Назарова Мария Сергеевна

- e-mail: nazarova.mari1997@mail.ru
аспирант кафедры российской политики, факультета политологии
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Назарова М. С. Город как субъект современного политического процесса // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1.
URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.10.2023
- Статья размещена на сайте 04.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[О политической роли города](#)

[Как менялось понятие «город»](#)

[Что влияет на политическое значение городов](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение значения современных городов в текущих политических процессах.

Процедура и методы. В основе работы лежит анализ взглядов исследователей, занимающихся вопросами развития городов, их связью с политической сферой жизни общества, а также с текущей ролью данных населённых пунктов в управленческих и политических процессах.

Результаты. По итогам проведённого исследования был сделан вывод о возрастающей роли городов в политических процессах государств, несмотря на факторы, ограничивающие данное влияние.

Теоретическая значимость. Полученные в рамках исследования результаты актуализируют аспекты политической урбанистики, связанные с современным состоянием города как субъекта, обладающего экономическим, политическим и символическим капиталом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

город, политическая урбанистика, право на город, урбанизация, цифровизация

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время территория любого уровня представляет собой не только пространство, где взаимодействуют индивидуальные и коллективные политические акторы, но и полноценный субъект политического процесса. И очевидно, что в данном случае политическое значение государств и регионов тяжело переоценить.

При этом роль города в качестве субъекта политического процесса, на наш взгляд, видится не в той же степени очевидной. Несмотря на то, что город – это наиболее близкая для гражданина территория, где могут быть приняты политические решения, население может не осознавать потенциала влияния данной территории на крупные процессы. Следует подчеркнуть, что значение города с точки зрения социологии не ставится под сомнение. В докладе ООН 2020 г. «Социально-умные устойчивые города» отмечается, что экономические кризисы и пандемия коронавируса показали неравенство городов в возможностях противостоять этим явлениям. Тем не менее города были и остаются основой для реализации целей в области устойчивого развития. Именно в городах есть возможность

слияния научно-исследовательской сферы, эффективной инфраструктуры, человеческого капитала и экономического и культурного потенциалов [7; 11]. Таким образом, город выступает локомотивом мирового развития в различных областях, однако его политическая роль в международных документах не зафиксирована достаточно чётко.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ГОРОДА

Среди исследователей, занимающихся вопросами урбанистики, нет единого мнения относительно субъектности города в политических процессах. Авторы сходятся в одном: сегодня символическая роль города не просто сохраняется, но и усиливается. С одной стороны, высказывается точка зрения о том, что в настоящее время значение города снижается и этому есть несколько объяснений. Во-первых, в связи с развитием технологий, в том числе информационно-коммуникационных, географическое положение территории уходит на второй план и больше не соотносится с социальным пространством [4, с. 13]. Во-вторых, несмотря на то, что государство как институт уходит от прямого политического регулирования, оно не предоставляет городу его право на политическое, сохраняя за собой исключительные возможности принятия политических решений в городе. Соответственно, авторитаризм государства в отношении города приводит к снижению веса последнего на политической арене [11, с. 169].

С другой стороны, исследователи отмечают, что особенно после пандемии город возвращает себе право политического субъекта. Именно он является основой партий, элит, медиа, государств [10]. На примере распространения коронавируса мы можем отметить, что перед городами встала задача не только защитить своих жителей от негативных последствий болезни, но и принять соответствующие политические решения, которые бы способствовали решению текущих проблем. В данном случае государство обозначило вектор, а города получили определённую степень автономии в механизмах принятия политических решений, и сегодня данные территории не готовы отказаться от подобной самостоятельности. На наш взгляд, именно символическая роль, отмечаемая всеми авторами, может быть рассмотрена как одна из отправных точек в процессе возвращения городом его политической субъектности.

Исследователи уделяют особое внимание мегаполисам и крупным городам, поскольку их экономический и политический потенциал в достаточной степени велик. Немаловажную роль имеют также средние и малые города, число которых всегда будет превышать количество более крупных населённых пунктов. Малые города в ряде случаев выступают промышленными, транспортными, энергетическими, сельскохозяйственными, научными региональными центрами, способствующими развитию близлежащих территорий и государства в целом. Помимо открытых населённых пунктов, в России расположены закрытые административно-территориальные образования, где разрабатываются и производятся технологии военно-промышленного комплекса, продукция атомной и космической сфер и т. д. Соответственно, малые и средние города играют большую роль для развития государства, в том числе для поддержания национальной безопасности.

На наш взгляд, в настоящее время роль как крупных, так и более мелких городов возрастает, поскольку данные населённые пункты наращивают свой экономический потенциал, который прямо пропорционален политическому. Именно поэтому важно исследовать город с точки зрения его влияния на политическую сферу региона и государства, а также его возрастающую субъектность в данном процессе.

КАК МЕНЯЛОСЬ ПОНЯТИЕ «ГОРОД»

На протяжении долгого времени менялось не только значение города, но и его понимание в целом. Особое внимание данному населённому пункту с политико-административной точки зрения, его проблемам и влиянию на жителей стало уделяться в XX в., когда исследователи смогли отразить события прошлого, которые привели к изменению городского пространства, и наблюдать политико-общественные процессы настоящего, повлёкшие новые трансформации города.

Одним из первых, кто отметил именно политическую категорию в понятии «город», стал немецкий социолог и политический экономист М. Вебер. Автор включает в рассматриваемое понятие социально-экономические характеристики, т. е. город представляет собой большое закрытое поселение, жители которого получают свой доход не от сельскохозяйственной деятельности, а преимущественно от ремесла и торговли

[2, с. 9–10]. По мнению М. Вебера, «город» не ограничивается перечисленными выше характеристиками, но содержит «политическую категорию»: для исполнительной власти город и его население являются объектами «политического господства».

Заметное влияние на определение сущности города оказали идеи французского философа А. Лефевра. Особое внимание исследователь уделяет социальным отношениям и их территориальному расположению. По мнению автора, город представляет собой определённое пространство, не ограничивающееся физическим местоположением, которое определяет его материальные и социальные элементы. Кроме того, под городом понимается и совокупность различий между городами. А. Лефевр не останавливается на данных определениях и раскрывает город как пространство для борьбы, конфликтов и революций [3, с. 52–53]. Так или иначе, философ раскрывает город через социальное пространство, в котором существуют социальные отношения воспроизводства и производственные отношения. Главная особенность заключается в том, что, помимо данных отношений, «локализованных» в пространстве, существует также их репрезентация [6, с. 45–46], т. е. в понятие «город» закладывается его символическое значение.

Из своего понимания социального пространства А. Лефевр вывел концепцию «права на город». Данное право включает в себя большой спектр прав: от свободы и участия до творчества, – причём ключевым аспектом выступает именно отсутствие репрессий в любой форме. Право на город представляет собой право на городскую жизнь, в основе которого лежит слияние науки и искусства. Как последователь марксизма, А. Лефевр считал, что правом на город обладают рабочие, студенты, молодёжь – те, для кого населённый пункт выступает элементом повседневной жизни [3, с. 58].

Идеи А. Лефевра стали популярны среди представителей социально-гуманитарных наук и получили своё развитие в различных отраслях. Одним из значимых последователей французского философа стал американский антрополог Д. Харви. Он продолжает рассматривать право на город с политической точки зрения, однако несколько радикализирует идеи А. Лефевра. Д. Харви отмечает, что право на город – это коллективное право, поскольку оно зависит от общих повседневных политических, экономических и мыслительных усилий, благодаря которым городское пространство может соответствовать

требованиям жителей [9, с. 113]. Следовательно, право на город представляется более широким, чем свобода индивида, обеспечивающая ему доступ к городским ресурсам, т. е. в данный тезис закладывается тесная взаимосвязь между городскими и личностными изменениями. По Д. Харви, именно такая свобода является самым ценным, но наиболее пренебрегаемым правом [8, с. 7].

Свою точку зрения на проблему обладания правом на город предложил профессор гуманитарной географии Д. Митчелл. Исследователь вводит понятие «локализованного конфликта», под которым понимается противоборство акторов по поводу легитимности использования публичного пространства и отстаивания прав теми, кто их был лишён ранее в результате «объективных» социально-политических процессов. Соответственно, социальное пространство – это место, где не только оспариваются права, но также эти права производятся, а борьба за них структурируется [13, р. 290]. Города выступают местами социального взаимодействия, формирующего неоднородность, поскольку происходят интеракции между различными группами горожан. Подобным образом и происходит борьба за право на город: за изменения публичного пространства, за доступ к общественной сфере и даже за собственные права.

Дж. Шоу и М. Грэм рассмотрели концепцию А. Лефевра через призму развития цифровых технологий и онлайн-пространства. По мнению исследователей, в настоящее время право на город принадлежит крупным поисковым сервисам – фактическим монополистам в данной области (например, «Google»). Если А. Лефевр оценивал «право на информацию» как дополнительный элемент для улучшения городской среды и жизни трудящихся, то Дж. Шоу и М. Грэм пишут о том, что сегодня информация стала более сложной составляющей политического противостояния, поскольку, несмотря на более широкий доступ к информационным материалам, массовая несправедливость в городах повсеместно распространена [12, р. 908]. В результате подобной информационной монополии абстрактное цифровое пространство начинает воспроизводить и контролировать и городское пространство. Так происходит достройка пространства города – его цифрового двойника, который является более привлекательным и менее социально затратным, что, в свою очередь, оказывает влияние и на материальное пространство города [11, с. 172]. Таким образом, для

Дж. Шоу и М. Грэма город выступает в двух ипостасях: как физическое и как цифровое пространство.

ЧТО ВЛИЯЕТ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДОВ

В настоящее время город сталкивается с большим количеством проблем, которые невозможно решить в обозримом будущем. А. Лефевр в своих работах отмечал, что достаточно часто населённые пункты управляются людьми, которые не являются частью городского сообщества и до конца не осознают существующие особенности. Это приводит к тому, что города становятся идентичными и лишаются своей индивидуальности и творческой компоненты. Государство и крупные компании перетягивают на себя функции города, что разрушает его. Это и есть глобальный кризис городов [3, с. 55–56].

Кроме того, отмечается распространение социальной и ментальной нищеты, поскольку государство и экономические акторы нацелены исключительно на получение прибыли и сохранение своего влияния. Городское сообщество стремится противостоять деструктивному влиянию названных субъектов, однако текущий вектор урбанизации привёл к разрозненности жителей и их повседневной жизни [3, с. 55]. В условиях цифровизации и повсеместного распространения сети Интернет мы можем отметить, что горожане стали объединяться для решения текущих проблем и выражения своего мнения относительно развития города, тем не менее подобная активность зачастую остаётся только в онлайн-среде, а социальные связи с трудом формируются вживую.

Цифровизация должна была способствовать развитию комфортной среды и консолидации городского сообщества. Однако данный процесс привёл к тому, что социальные проблемы стали прятаться за техническими. Сохраняется изоляция некоторых социальных слоёв от процессов цифровизации и информационного общества в целом [11, с. 172]. Соответственно, социальная пропасть стала иметь цифровой характер, и это неравенство в условиях продолжающейся урбанизации только усугубляется. При этом следует отметить, что социальные медиа как часть данного пространства наращивают своё значение, поскольку они выполняют функцию катализатора общественных инициатив, направляя запросы граждан в свободной, безграничной и неиерархичной форме [1, с. 15]. Таким образом, на

наш взгляд, полноценная реализация права на город является одним из важнейших элементов в обретении городом его политической субъектности.

Очевидно, что ключевую роль в сегодняшнем положении городов сыграла урбанизация, под которой понимается процесс роста количества городских форм поселения в государстве, их значения в общественном развитии и передачи опыта развития в более слабоурбанизированные территории [5, с. 75]. Подобная экономическая и организационная эволюция городов неизбежно приводит к возрастанию их политической значимости в национальной и мировой повестке. В данном случае особую актуальность приобретает так называемая политическая урбанизация, в рамках которой политическое значение города вытекает не из его экономических характеристик, а непосредственно из моделей осуществления политической власти на территории.

Для стабильного развития городов и решения текущих системных проблем необходимо проведение грамотной городской политики, в которую включается два крупных направления. Первое связано с социально-экономической сферой городской жизни, которая является порождением межгрупповых конфликтов и разногласий. Соответственно, особое внимание необходимо уделять созидательному потенциалу данной неоднородности, который заключается в повышении терпимости социальных групп друг к другу, а также к демократизации городских процессов. Второе направление заключается в отождествлении городской политики с функциями муниципальных органов власти. В этом случае акцент смещается на выстраивание горизонтального и вертикального взаимодействий с другими политико-административными субъектами. Это, в свою очередь, определяет степень децентрализации и возможности городов реализовать собственные политические инициативы [14, р. 117–118]. Таким образом, городская политика не ограничивается регулированием отдельных сфер жизни общества, но охватывает все ключевые моменты территориального развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время города играют колоссальную роль в развитии человечества, поскольку от населённых пунктов зависит, в том числе, формирование личности. В целом мы можем говорить о ряде предпосылок, приведших к усилению значения городов. Возросла территориальная сложность городов и районов вокруг них, что привело к необходимости выстраивать связи между социальными группами, минимизируя конфликтные ситуации. Глобализация, в свою очередь, не ограничилась экономическим влиянием, проникла в органы власти всех уровней, в том числе и городские. Кроме того, на города была возложена ответственность за регулирование ряда социально-экономических и экологических вопросов. Следовательно, право города на политическую субъектность представляется логичным и целесообразным.

Таким образом, сегодня город стал одним из ведущих субъектов региональных и глобальных политических процессов, потенциал которого остаётся не до конца реализованным в силу авторитарности крупных экономических субъектов и института государства. Безусловно, большая самостоятельность городов повлечёт соответствующие риски, однако, по нашему мнению, встроенные в национальную повестку возможности свободного принятия решений населёнными пунктами приведут к росту осознанности граждан и определению их роли в городской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронников И. А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 1. С. 7–18.
2. Вебер М. Город / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
3. Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48–60.
4. Вершинина И. А., Курбанов А. Р. Социально-политические трансформации в контексте урбанистики: символические функции городского пространства // Человек в мире культуры. 2017. № 4. С. 12–17.
5. Забузов О. Н., Шушпанова И. С. Феномен «политическая урбанизация»: проблемы определения // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 74–84.

6. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
7. Организация Объединённых Наций. Социально-умные устойчивые города [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-04/ECE_INF_2020_3_RUS.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
8. Харви Д. Право на город / пер. с англ. М. А. Котлярова. Екатеринбург: Альфа Принт, 2019. 36 с.
9. Шихардин Н. В. Право на город // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 112–115.
10. Щербинин А. И. Из выступления на второй Международной научно-практической конференции «Образ будущего», Орел, 25 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://urbanru.ru/opinions/shherbinin-konferentsiya-obraz-budushhego> (дата обращения: 02.09.2023).
11. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. «Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 169–177.
12. Graham M., Shaw J. An Informational Right to the City? Code, Content, Control and the Urbanization of Information // Antipode. 2017. Vol. 49. № 4. P. 907–927.
13. Lord K. Review «Don Mitchell: The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space» // Labour / Le Travail. 2007. № 59. P. 290–292.
14. Post A. E. Cities and Politics in the Developing World // Annual Review of Political Science. 2018. № 21. P. 115–133.

ARTICLE INFORMATION

Maria S. Nazarova

- Postgraduate Student, Department of Russian Politics, Faculty Of Political Science
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

FOR CITATION

Nazarova M. S. The city as a subject of the modern political process. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Aim. To determine the importance of modern cities in current political processes.

Methodology. The research is based on the analysis of the views of researchers involved in urban development, their connection with the political sphere of society, as well as the current role of these settlements in administrative and political processes.

Results. According to the results of the study, it was concluded that cities play an important role in the political processes of states, despite the factors limiting this influence.

Research implications. The results obtained in the framework of the study actualize political urbanism aspects related to the current state of the city as a subject with economic, political and symbolic capital.

Keywords:

city, political urbanism, right to the city, urbanization, digitalization

REFERENCES

1. Bronnikov I. A. [Civic activism in network communities]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2020, no. 1, pp. 7–18.

2. Weber M. Die Stadt (Rus. ed.: Levina M. I., transl. *Gorod*. Moscow, Strelka Press Publ., 2017. 252 p.).
3. Vershinina I. A. [Anri Lefevr: from “the right to the city” to the “urbanist revolution”]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], 2018, vol. 24, no. 2, pp. 48–60.
4. Vershinina I. A., Kurbanov A. R. [Socio-political transformations within the context of urban studies: symnolic functions of urban space]. In: *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the world of culture], 2017, no. 4, pp. 12–17.
5. Zabuzov O. N., Shushpanova I. S. [The phenomenon of “political urbanization”: problems of definition]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2021, no. 4, pp. 74–84.
6. Lefebvre H. La production de l'espace (Rus. ed.: *Proizvodstvo prostranstva*. Moscow, Strelka Press Publ., 2015. 432 p.).
7. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii. Sotsial'no-umnye ustoichivye goroda* [United Nations. Socially Smart Sustainable Cities]. Available at: https://unece.org/sites/default/files/2021-04/ECE_INF_2020_3_RUS.pdf (accessed: 01.09.2023).
8. Harvey D. The Right to the City (Rus. ed.: Kotlyarova M. A. *Pravo na gorod*. Ekaterinburg, Alfa Print Publ., 2019. 36 p.).
9. Shikhardin N. V. [Right for the city]. In: *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Kurgan State University. Series: Humanities], 2017, no. 1, pp. 112–115.
10. Shcherbinin A. I. *Iz vystupleniya na vtoroi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Obraz budushchego», Orel, 25 fevralya 2022 g.* [From a speech at the second International Scientific and Practical Conference “Image of the Future”, Orel, February 25th, 2022]. Available at: <https://urbanru.ru/opinions/shherbinin-konferentsiya-obraz-budushhego> (accessed: 02.09.2023).
11. Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. [“Right to the city”: political construction of the post-pandemic world order]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University], 2022, no. 474, pp. 169–177.
12. Graham M., Shaw J. An Informational Right to the City? Code, Content, Control and the Urbanization of Information. In: *Antipode*, 2017, vol. 49, no. 4, pp. 907–927.
13. Lord K. Review «Don Mitchell: The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space». In: *Labour / Le Travail*, 2007, no. 59, pp. 290–292.
14. Post A. E. Cities and Politics in the Developing World. In: *Annual Review of Political Science*, 2018, no. 21, pp. 115–133.

УДК 32.342.1; 32.342.2

ТРАЕКТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: МЕЖДУ УНИТАРИЗМОМ И ФЕДЕРАЛИЗМОМ

Никлаус Анна Александровна

- e-mail: nicklaus.anna@gmail.com;
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Московский психолого-социальный университет
115191, г. Москва, 4-й Рощинский пр-д, д. 9А, Российская Федерация

Для цитирования

Никлаус А. А.

Траектории и перспективы эволюции территориально-политического пространства современного государства: между унитаризмом и федерализмом // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1.
URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 25.09.2023
- Статья размещена на сайте 12.03.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Тенденции и механизмы территориальной оптимизации](#)

[Оптимизация территориального пространства федеративного государства](#)

[Политика оптимизации территориального пространства в рамках унитарного государства](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Провести сравнительный анализ методов и технологий оптимизации территориального пространства в рамках федерализма и унитаризма; вывести возможные варианты эволюции территориального устройства государства между асимметричным федерализмом, деволюцией и децентрализацией унитарного государства.

Процедура и методы. В основу работы положены фундаментальные положения политической регионалистики, теории государственного управления и политологии, научные разработки по территориальной организации федеративного государства.

Результаты. Данное исследование показывает, что территориальное пространство может быть оптимизировано за счёт увеличения уровня автономии регионов, улучшения координации между центром и регионами, а также более жёсткого контроля центральной власти над регионами. Как нам представляется, внедрение элементов асимметрии в территориальную структуру государства может способствовать сохранению целостности государства и обеспечению его безопасности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в решение проблемы разработки теоретических оснований федерализма и унитаризма в целом и траекторий их эволюции в частности, способствует обогащению общих и частных концепций регионалистики, теории федерализма. Выводы и обобщения, сформулированные в статье, могут стать прикладной основой для осмысления будущего общих федеративных теорий и концепций, а также – импульсом для выявления и решения проблем, связанных с прогнозированием возможного будущего состояния федерализма в России и зарубежных странах. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные автором выводы и рекомендации целесообразно использовать для предотвращения сепаратизма и территориальных конфликтов этнополитических, этнолингвистических и т. п. характеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

государство, территория, оптимизация территориального пространства, федерализм, унитаризм

ВВЕДЕНИЕ

Одним из способов оптимизации территориального пространства в рамках федерализма является децентрализация власти и передача её на уровень регионов [1]. Это позволяет регионам принимать более эффективные решения, учитывая свои особенности и потребности.

Территориальное пространство является одним из ключевых элементов любого государства, и оптимизация этого пространства имеет большое значение для всех сторон жизни общества и государства. Данная статья посвящена исследованию современных тенденций и траекторий в оптимизации и реформировании территориального пространства в рамках двух противоположных систем: федерализма и унитаризма.

Главную роль в методологическом инструментарии нашего исследования играют теории, установки, концепты, представленные и развиваемые в рамках политической регионалистики, различные научные концепции анализа практики взаимоотношений «центр – регионы» в различных государствах мира, которые так или иначе пытались изменить, оптимизировать своё внутреннее территориальное устройство как на региональном, так и на местном уровнях.

Естественно, сравнительный анализ является для нашего исследования базовым методом, так как он помогает понять, как происходят процессы оптимизации территориального устройства в различных странах мира.

Исходя из цели исследования, следует обратиться к ключевым понятиям и концепциям. Во-первых, это *деволюция*, которая представляет собой процесс целенаправленной передачи части властных полномочий от национального уровня на региональный. Зарубежными авторами, наиболее подробно исследовавшими данное явление, являются Дж. Бредбери, Дж. Митчелл, Дж. Беттони [16; 17]. Во-вторых, это проблема *асимметричности федерализма*, которая исследована такими российскими авторами, как Е. В. Бестаева, Е. Е. Кочетков, В. Томич [2], Р. Ф. Туровский [13] и др. Среди иностранных специалистов особо отметим вклад в теорию асимметричного федерализма Дж. Элейзера [18]. Феномен *регионализации* с точки зрения *сепаратистских тенденций* исследуют А. В. Манойло, О. В. Гаман-Голутвина, М. В. Дудаева и др. [4; 11].

ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ

Одной из главных проблем территориального пространства является отсутствие эффективных механизмов управления ресурсами и инфраструктурой. В связи с этим в последнее время многие исследователи стали рассматривать проблематику повышения эффективности управления и оптимизации территориального пространства. Среди основных тенденций можно выделить такие направления, как децентрализация управления, усиление роли региональных органов власти, развитие инновационных технологий и применение новых моделей управления [17, р. 65–66].

Одним из ключевых факторов оптимизации территориального пространства является установление чётких правовых и финансовых отношений в системе взаимоотношений «центр – регионы». В этой связи многие авторы склоняются к анализу бюджетных отношений – в рамках как федерализма, так и унитаризма. Большинство из этих исследователей рекомендуют установить прозрачные механизмы распределения бюджетных средств и усиление роли региональных органов власти в процессе принятия решений.

С другой стороны, существует ряд проблем, связанных с ограничением автономии регионов и неэффективным использованием ресурсов. В то же время децентрализация управления и увеличение роли региональных органов власти также могут привести к нежелательным последствиям, таким как коррупционные риски и вероятность несоблюдения прав и свобод граждан [14, с. 62].

ОПТИМИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

В политической науке представлены различные парадигмы оптимизации территориального пространства в рамках федеративного государства. Одним из ключевых аспектов является баланс между централизацией и децентрализацией власти. Некоторые исследователи подчёркивают важность повышения уровня автономии регионов, чтобы они могли эффективно использовать свои ресурсы и развиваться в соответствии со своими потребностями и особенностями [14, с. 64]. Другие

же считают, что слишком большая автономия регионов может привести к дезинтеграции государства и необходимо ограничивать её в рамках целостности страны.

Одним из подходов к оптимизации внутрирегионального пространства в федеративном государстве является использование инструментов фискальной политики. Например, некоторые исследователи подчёркивают важность создания эффективной системы распределения налоговых доходов между центром и регионами, чтобы обеспечить равномерное развитие всей страны [16, р. 43]. Другие исследователи уделяют внимание развитию экономики и бизнеса в регионах, чтобы они могли стать более конкурентоспособными и привлекательными для инвесторов [5, с. 55].

Важным аспектом также является повышение качества жизни населения в регионах. Некоторые исследователи выделяют важность социальных программ и проектов, направленных на улучшение здравоохранения, образования и культуры в регионах, чтобы создать благоприятные условия для жизни и работы [8, с. 77–78].

Несмотря на различные подходы, важно учитывать особенности каждого региона и создавать индивидуальные программы оптимизации внутрирегионального пространства. Необходимо также обеспечивать согласованность между разными уровнями власти и эффективное управление на всех уровнях [17].

Очевидно, что оптимизация территориального пространства является важнейшим аспектом существования государства в рамках федеративного устройства [12, с. 64–65]. Грамотное использование широкого инструментария и методов региональной политики, доступных в рамках федеративных отношений, позволяет обеспечить более эффективное использование дефицитных ресурсов, улучшить качество жизни населения и приумножить экономический потенциал регионов.

Вместе с тем, как нам представляется, реализация такой политики в федеративном государстве может натолкнуться на ряд препятствий, таких как усиление сепаратистских тенденций [7, с. 59], увеличение расходов федерального бюджета, рост задолженности регионов, развитие асимметричности федерации и т. д.

Таким образом, оптимизация территориального пространства в федеративном государстве становится всё более акту-

альной и интересной задачей как для исследователей, так и для политических деятелей, которая требует неординарного и комплексного решения. Эффективное использование ресурсов и развитие экономики регионов не только способствуют укреплению экономической и политической стабильности страны в целом, но и улучшают качество жизни населения в регионах. При этом необходимо учитывать особенности федеративного устройства государства, соблюдать баланс между централизованным и децентрализованным управлением, а также обеспечивать гармоничное развитие всех регионов страны.

Одним из важных аспектов оптимизации территориального пространства является повышение качества жизни населения, что связано с развитием социальной инфраструктуры и доступностью образования, здравоохранения, культуры и спорта. При этом необходимо учитывать различия в социально-экономическом развитии между регионами и принимать меры для сокращения этих различий.

Другим важным аспектом оптимизации территориального пространства является развитие экономики региона, которое должно основываться на использовании собственных ресурсов и учёте конкурентных преимуществ региона. В этом контексте важно создание благоприятной инвестиционной и предпринимательской среды, а также развитие инновационной инфраструктуры.

Кроме того, важным аспектом оптимизации территориального пространства является развитие транспортной и логистической инфраструктуры, которая должна обеспечивать удобство перемещения товаров и услуг, а также ускорять развитие экономики региона. Необходимо также учитывать экологические аспекты при развитии транспортной инфраструктуры, что является важным условием сохранения природных ресурсов и улучшения экологической обстановки.

Таким образом, оптимизация территориального пространства в рамках федеративного государства требует комплексного подхода, который должен основываться на учёте особенностей каждого региона и установлении эффективных механизмов государственного управления.

Одним из важных аспектов является ограничение автономии регионов, которое может быть причиной неэффективного использования ресурсов [10, с. 66]. Однако в то же время децентрализация власти может способствовать более эффективно-

му управлению территориями, учитывая их особенности и потребности. Важно также учитывать социально-экономическое развитие регионов, их природные и экономические ресурсы, а также транспортную инфраструктуру и доступность образования и здравоохранения.

Многие исследования показывают, что федерализм может быть эффективным инструментом оптимизации территориального пространства. При этом важно учитывать баланс между централизацией и децентрализацией власти, чтобы обеспечить равновесие между единой политической системой и учётом местных потребностей и особенностей.

В целом оптимизация территориального пространства в рамках федеративного государства может способствовать более эффективному управлению территорией, повышению качества жизни населения и социально-экономическому развитию регионов. Однако это требует постоянного внимания и усилий со стороны государства, а также учёта многих факторов, включая баланс между централизацией и децентрализацией власти, социально-экономические и природные ресурсы, транспортную инфраструктуру и доступность образования и здравоохранения.

Для решения этих проблем необходимо создание эффективной системы государственного управления, которая будет обеспечивать координацию и контроль оптимизационных мер в рамках федеративной модели государства. Необходимо также повышение качества образования и научной деятельности, что позволит регионам более эффективно использовать свои потенциалы.

Таким образом, оптимизация территориального пространства является важным аспектом политики государства в рамках федеративного устройства, однако для её реализации необходимы сложные меры, которые требуют постоянного контроля и усилий со стороны государства и общества.

ПОЛИТИКА ОПТИМИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РАМКАХ УНИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА

В рамках унитарного государства способами оптимизации территориального пространства являются централизация власти и стандартизация правил и процедур на всей территории

страны [3, с. 35]. Это позволяет упростить управление регионами и улучшить качество предоставляемых услуг.

В настоящее время выделяют несколько основных подходов к оптимизации территориального пространства в рамках унитарного государства. Один из них – это концепция «равномерного развития», основанная на той идее, что все регионы государства должны развиваться примерно в одинаковом темпе, чтобы избежать различий в экономическом и социальном развитии. Этот подход подразумевает установление единых правил и стандартов для всех регионов и обеспечение равного доступа к ресурсам и возможностям.

Другой подход – это концепция «дифференциации», которая признаёт различия между регионами и ставит задачу развивать их в соответствии с их индивидуальными потребностями и возможностями. В этом случае государство должно разработать индивидуальные программы развития для каждого региона, учитывая его специфику, потенциал и проблемы.

Вопрос оптимизации территориального пространства в унитарном государстве также связан с проблемой распределения власти между центром и регионами. Существует несколько моделей отношений между центром и регионами, включая «централизованную модель», «децентрализованную модель» и «модель смешанного управления» [6, с. 15].

Централизованная модель предполагает, что большая часть полномочий и ресурсов концентрируется в руках центрального правительства, что может приводить к ограничению автономии регионов и неэффективному использованию ресурсов.

Стоит также отметить, что оптимизация внутрирегионального пространства может быть реализована не только через политические механизмы, но и с помощью различных программ и проектов, направленных на развитие инфраструктуры, образования, культуры и туризма.

Таким образом, для оптимизации территориального пространства в рамках унитарного государства необходимо находить баланс между сохранением единства государства и уважением прав и интересов регионов, что может привести к более эффективному использованию ресурсов и устойчивому развитию страны в целом.

Кроме того, унитарные государства часто сталкиваются с проблемой балансирования между централизованным управлением и потребностями регионального развития. В этой связи

актуальной становится задача оптимизации территориального пространства, т. е. создания условий для устойчивого развития и благоприятного экономического и социального климата на территории государства.

Одним из подходов к оптимизации территориального пространства в унитарном государстве является децентрализация власти и передача ряда полномочий на уровень регионов. Это позволяет учитывать специфические потребности и особенности каждого региона, создавать условия для развития экономики и обеспечивать качественные услуги населению. При этом центральное правительство остаётся контролирующим органом, но не вмешивается в детали регионального управления.

Ещё одним важным аспектом оптимизации территориального пространства является развитие транспортной инфраструктуры, которая обеспечивает связь между регионами и позволяет эффективно использовать ресурсы и интегрировать экономики регионов в единую систему. Например, Китай реализует проект «Один пояс, один путь», который предусматривает создание сети транспортных магистралей, связывающих страны Азии, Европы и Африки в единую экономическую зону.

Наряду с этим существует ещё один важный аспект оптимизации территориального пространства – развитие цифровых технологий, которые позволяют эффективно использовать ресурсы и повышать качество жизни населения. В этой связи необходимо проводить политику цифровой трансформации регионов, направленную на создание инновационной экономики и повышение качества предоставляемых государством услуг.

Важной составляющей оптимизации территориального пространства является развитие международного сотрудничества, основанного на взаимном интересе и учёте потребностей и интересов всех участников. Сотрудничество может быть направлено на решение совместных проблем, обмен опытом и передачу знаний, а также на реализацию совместных проектов, направленных на развитие регионов [9, с. 160].

Одной из важнейших задач оптимизации территориального пространства является создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и развития бизнеса. В этом контексте необходимо проводить политику экономической диверсификации, стимулировать развитие малого и среднего бизнесов, снижать налоговые барьеры, повышать доступность кредитных ресурсов и обеспечивать поддержку новым инвестиционным проектам.

Кроме того, оптимизация территориального пространства в унитарном государстве также связана с развитием местного самоуправления и укреплением его роли. Местные органы власти должны иметь достаточный уровень компетенции и ресурсов, чтобы эффективно решать вопросы, связанные с развитием региона и улучшением качества жизни населения.

Вместе с тем оптимизация территориального пространства в рамках унитарного государства может столкнуться с некоторыми препятствиями. Во-первых, существует опасность конфликта между центральными властями и местными органами власти, связанного с распределением ресурсов и власти. Во-вторых, унитарное государство может столкнуться с проблемами дифференциации правового регулирования разных регионов, что может привести к различным экономическим и социальным последствиям.

Тем не менее оптимизация территориального пространства в рамках унитарного государства является важным вопросом, который требует внимания со стороны государственных органов и научных кругов. Дальнейшее исследование этой темы может внести важный вклад в развитие теории и практики государственного управления в регионалистике.

Подводя итог, отметим, что оптимизация территориального пространства является важнейшей задачей для устойчивого развития государства. Решение этой задачи требует комплексного подхода, который включает в себя: развитие инфраструктуры, улучшение качества жизни населения, стимулирование экономического роста, развитие инноваций и цифровизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Федерализм и унитаризм являются разными формами территориального устройства государства, которые определяют отношения между центральными и региональными властями. Федерализм предполагает распределение полномочий между центром и регионами, при котором регионы имеют определённую степень субъектности. Унитаризм же предполагает концентрацию власти в центре и ограничение автономии.

Преимущества федерализма заключаются в том, что региональные органы могут принимать решения, учитывая особенности своего региона и интересы населения. Это также способ-

ствует более эффективному использованию ресурсов и распределению власти внутри государства.

Однако федерализм также может приводить к ограничению автономии регионов и неэффективному использованию ресурсов.

Важным различием между унитаризмом и федерализмом является также географический масштаб. В унитарной системе государство часто регулирует все аспекты жизни своих граждан, включая экономику, политику и культуру на всех уровнях. В системе федерализма, напротив, часть решений принимается на местном уровне, что позволяет учитывать местные особенности и потребности.

Однако, как и у любой формы государственного устройства, у федерализма и унитаризма есть свои достоинства и недостатки. Федерализм может способствовать развитию регионов и укреплению гражданского общества, однако и привести к сильному ограничению единства государства и увеличению расходов на управление. Унитаризм же может обеспечить сильное единство государства.

Изучение различий между федерализмом и унитаризмом является важным для понимания того, как устроены государства и как они решают свои проблемы. Оба подхода имеют свои преимущества и недостатки, которые могут быть использованы в зависимости от конкретной ситуации.

Федерализм имеет своими главными преимуществами возможность дать большую автономию регионам, что позволяет более точно учитывать местные особенности и потребности. Кроме того, федерализм может способствовать более справедливому распределению ресурсов между различными регионами и обеспечивать более эффективное использование этих ресурсов. Наконец, федерализм может способствовать увеличению гражданского участия в принятии решений.

С другой стороны, у федерализма есть свои недостатки. В частности, федерализм может привести к ограничению единства государства и более сложному принятию решений на национальном уровне [15, с. 71–72]. Кроме того, федерализм может создавать проблемы в сфере экономической интеграции и снижать конкурентоспособность государства в мировом экономическом пространстве.

Унитаризм же может обеспечить единство государства и уменьшить проблемы в области принятия решений на национальном уровне. Кроме того, унитаризм может способствовать

более эффективному использованию ресурсов и увеличению конкурентоспособности государства в мировом экономическом пространстве.

Однако у унитаризма также есть свои недостатки. В частности, унитаризм может приводить к недостаточному учёту местных особенностей и потребностей. Кроме того, он может создавать проблемы в области гражданского участия в принятии решений.

В целом выбор между федерализмом и унитаризмом зависит от конкретной ситуации и потребностей государства.

Унитаризм может обеспечить сильное единство государства и уменьшить риски конфликтов между регионами за власть и ресурсы, но может также приводить к ограничению прав и автономии отдельных регионов и централизации власти. В целом выбор между федерализмом и унитаризмом зависит от конкретных условий и потребностей государства, а также от уровня развития гражданского общества и культуры диалога между регионами и центром власти.

Таким образом, сравнительный анализ федерализма и унитаризма показывает, что федерализм обеспечивает большую степень децентрализации власти, что позволяет более эффективно управлять регионами [9, с. 160]. В то же время унитаризм обеспечивает более простую и удобную систему управления регионами, что позволяет более быстро реагировать на изменения в ситуации.

Исходя из сравнительного анализа федерализма и унитаризма, можно сделать вывод, что каждая из этих форм территориального устройства имеет свои достоинства и недостатки. Федерализм предоставляет регионам большую автономию и учитывает их специфику и потребности, но может приводить к конфликтам и неэффективному использованию ресурсов. Унитаризм же обеспечивает единство государства, но может ограничивать права регионов и приводить к централизации власти.

Однако выбор между федерализмом и унитаризмом не является единственным решающим фактором для оптимизации внутрирегионального пространства в рамках федеративного государства. Другие факторы, такие как уровень экономического развития, социальные условия и культурные особенности регионов, также играют важную роль в этом процессе. Поэтому оптимизация внутрирегионального пространства должна осуществляться с учётом всех этих факторов и с помощью

широкого диалога между центром и регионами, обеспечивая тем самым сбалансированное и устойчивое развитие всего государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. А., Грибанова О. А. Федерализм и его роль в современной России // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 85–88.
2. Бестаева Е. В., Кочетков Е. Е., Томич В. Этнофедерализм и политическая модернизация в Малайзии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 11–21.
3. Богомолов Д. В. Централизация власти в унитарном государстве // Политическая наука. 2019. № 4. С. 35–42.
4. Гаман-Голутвина О. В., Дудаева М. В. Центр-региональные отношения в Италии в свете категориальной рефлексии, исторического опыта и испытания пандемией Covid-19 // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 1. С. 6–37.
5. Гусев А. Д. Развитие регионов России в контексте цифровой экономики // Экономика и предпринимательство. 2019. № 3. С. 53–57.
6. Дмитриева Н. М. Децентрализация власти в федеративном государстве // Государство и право. 2020. № 8. С. 14–19.
7. Звягельская И. Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 55–66.
8. Иванова Н. С., Исаев В. С. Особенности оценки влияния инновационных технологий на развитие региона // Экономическая наука современной России. 2020. № 1. С. 76–83.
9. Ирхин И. В. Принцип субсидиарности: в поисках баланса между централизацией и децентрализацией (государственно-правовой аспект) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 160–171.
10. Каримов А. А., Гришина О. В. Оценка эффективности программ государственной поддержки регионов // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 3. С. 70–78.
11. Манойло А. В. Сравнительный сепаратизм // Международные отношения. 2015. № 1. С. 98–108.
12. Орлова Н. Н. Устойчивое развитие регионов: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2019. № 2. С. 161–170.

13. Туровский Р. Ф., Джаватова К. Ю. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Политическая наука. 2019. № 2. С. 48–73.
14. Шлапентокх Р., Калинин А. Оптимизация региональной экономической политики в России: новые вызовы // Экономист. 2021. № 1. С. 43–52.
15. Шумилов С. В. Федерализм и унитаризм: проблемы и перспективы // Политические исследования. 2020. № 3. С. 62–69.
16. Bradbury J., Mitchell J. Devolution: Between Governance and Territorial Politics // Parliamentary affairs. 2005. Vol. 58. № 2. P. 287–302.
17. Bettoni G. Constitutional Reform and Territorial organization in Italy // The Palgrave Handbook of Decentralisation in Europe / ed. J. Ruano, M. Proffiroiu. New York: Springer, 2016. P. 103–122.
18. Elazar D. J. Political Science, Geography, and the Spatial Dimension of Politics // Political Geography. 1999. Vol. 18. № 8. P. 875–886.

ARTICLE INFORMATION

Author

Niklaus Anna Alexandrovna

- e-mail: nicklaus.anna@gmail.com
Cand. Sci. (Political Sciences),
Assoc. Prof., Department of Humanities and Natural Sciences;
Moscow Psychologic-Social University
4 Roshchinskiy proezd 9A, Moscow 115191, Russian Federation

For citation:

Niklaus A. A. Trajectories and prospects of evolution of the territorial and political space of the modern state: between unitarianism and federalism. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To conduct a comparative analysis of methods and technologies for optimizing territorial space within the framework of federalism and unitarianism, and to deduce possible options for the evolution of the territorial structure of the state between asymmetric federalism, devolution and decentralization of the unitary state.

Methodology. The work is based on the fundamental provisions of the theory of public administration and political science, scientific developments on the territorial organization of a federal state.

Results. This research shows that the territorial space can be optimized by increasing the level of regional autonomy, improving coordination between the center and the regions, as well as tighter control of the central government over the regions. It seems to us that the introduction of elements of asymmetry into the territorial structure of the state can contribute to preserving the integrity of the state and ensuring its security.

Research implications. The theoretical significance of the research lies in the fact that it contributes to solving the problem of developing the theoretical foundations of federalism and unitarianism in general and the trajectories of their evolution in particular, contributes to the enrichment of general and particular concepts of regionalism, the theory of federalism.

The conclusions and generalizations formulated in the article can become an applied basis for understanding the future of general federal theories and concepts as well as an impulse for identifying and solving the problems related to forecasting the possible future state of federalism in Russia and foreign countries. The practical significance of the research lies in the fact that the conclusions and recommendations obtained by the author should be used to prevent separatism and territorial conflicts of ethnic-political, ethnic-linguistic, and the like nature.

Keywords:

state, territory, optimization of territorial space, federalism, unitarianism

References

1. Andreev A. A., Griбанова O. A. [Federalism and its role in modern Russia]. In: *Mir novoi ekonomiki* [The world of new economy], 2017, no. 3, pp. 85–88.
2. Bestaeva E. V., Kochetkov E. E., Tomić V. [Ethno-federalism and political modernization in Malaysia]. In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2022, vol. 12, no. 2, pp. 11–21.
3. Bogomolov D. V. [Centralization of power in a unitary state]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2019, no. 4, pp. 35–42.
4. Gaman-Golutvina O. V., Dudaeva M. V. [Center-regional relations in Italy. Categorical reflection, historical experience and Covid-19 pandemic tests]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2022, vol. 20, no. 1, pp. 6–37.
5. Gusev A. D. [Development of Russian regions in the context of the digital economy]. In: *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and entrepreneurship], 2019, no. 3, pp. 53–57.
6. Dmitrieva N. M. [Decentralization of power in a federal state]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 8, pp. 14–19.
7. Zvyagelskaya I. D. [New regionalism and old issues in the Middle East]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2022, no. 6, pp. 55–66.
8. Ivanova N. S., Isaev V. S. [Features of assessing the impact of innovative technologies on the development of the region]. In: *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2020, no. 1, pp. 76–83.

9. Irkhin I. V. [Subsidiarity principle: in search of a balance between centralization and decentralization (state legal aspect)]. In: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2020, no. 11, pp. 160–171.
10. Karimov A. A., Grishina O. V. [Evaluation of the effectiveness of state support programs for regions]. In: *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of theory and practice of management], 2019, no. 3, pp. 70–78.
11. Manoylo A. V. [Comparative separatism]. In: *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations], 2015, no. 1, pp. 98–108.
12. Orlova N. N. [Sustainable development of regions: theoretical and applied aspects]. In: *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2019, no. 2, pp. 161–170.
13. Turovsky R. F., Dzhavatova K. Yu. [Regional disparity in Russia: Can centralization become a remedy?]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2019, no. 2, pp. 48–73.
14. Shlapentokh R., Kalinin A. [Optimization of regional economic policy in Russia: new challenges]. In: *Ekonomist* [Economist], 2021, no. 1, pp. 43–52.
15. Shumilov S. V. [Federalism and unitarianism: problems and prospects]. In: *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 2020, no. 3, pp. 62–69.
16. Bradbury J., Mitchell J. Devolution: Between Governance and Territorial Politics. In: *Parliamentary affairs*, 2005, vol. 58, no. 2, pp. 287–302.
17. Bettoni G. Constitutional Reform and Territorial organization in Italy. In: Ruano J., Profiroiu M., eds. *The Palgrave Handbook of Decentralisation in Europe*. New York, Springer, 2016, pp. 103–122.
18. Elazar D. J. Political Science, Geography, and the Spatial Dimension of Politics. In: *Political Geography*, 1999, vol. 18, no. 8, pp. 875–886.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЯН В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Неволин Борис Сергеевич

- e-mail: b.nevolin@ya.ru;
проректор по развитию;
Государственный музыкально-педагогический институт
имени М. М. Ипполитова-Иванова
109147, г. Москва, ул. Марксистская, д. 36, Российская Федерация

Ницевич Виктор Францевич

- e-mail: dr.nitsevich@mail.ru;
доктор политических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Центра цифровой экономики;
Государственный университет управления
109542, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99, Российская Федерация

Для цитирования

Неволин Б. С., Ницевич В. Ф.

Электоральные предпочтения россиян в период политической турбулентности // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1.
URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 20.12.2023
- Статья размещена на сайте: 06.03.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Специфика политических предпочтений граждан России](#)

[Особенности электоральных предпочтений россиян](#)

[Партийные предпочтения российского электората](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление особенностей проявления политических и электоральных предпочтений граждан России в период политической турбулентности.

Процедура и методы. В исследовании использованы метод анализа вторичных данных, метод сравнительного анализа, методы группировки и систематизации.

Результаты. Выявлена тесная взаимосвязь предпочтений российских избирателей и психологического состояния общества. Установлено, что политическая турбулентность и специфика политической культуры граждан являются важнейшими факторами, определяющими особенности политических предпочтений россиян в целом и электоральных предпочтений в частности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты имеют значение для развития теории политических предпочтений. Выводы также могут быть использованы политическими партиями при проведении избирательных кампаний разного уровня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

политические предпочтения, электоральные предпочтения, выборы, политическая культура современной России

ВВЕДЕНИЕ

Значительный интерес к исследованиям политических предпочтений в научной среде возник в середине XX в. Исследование указанной проблемы предопределили научные труды М. Вебера [3], Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна [8], Д. Канемана [5], А. А. Ивина [4], Ю. Козельского [6] и др. В результате плодотворных усилий учёных появилась возможность изучить механизм формирования предпочтений, используя междисциплинарный подход.

Проблематика предпочтений продолжает привлекать внимание исследователей и в настоящее время [10; 11]. Так, на момент написания данной статьи электронный библиотечный ресурс «eLIBRARY.RU» содержал 23 090 статей, соответствующих поисковому запросу «предпочтение», при этом 2 784 статьи были посвящены именно рассмотрению различных аспектов предпочтения в политической сфере.

Эмпирическая часть настоящего исследования основана на результатах социологических опросов, выполненных

В. К. Левашовым, Н. М. Великой, И. С. Шушпановой [7]. Выбор эмпирических данных обусловлен тем обстоятельством, что исследования данной группы учёных систематически проводятся с 1995 г., следовательно, позволяют проследить динамику изменений политических, и в частности электоральных, предпочтений россиян в долгосрочном периоде. Кроме того, в исследованиях использовалась квотно-пропорциональная всероссийская выборка, что даёт возможность полнее охватить контингент, проживающий в разных уголках страны. Для уточнения отдельных вопросов мы также будем использовать данные опросов Социологического центра ХИ-квадрат.

Авторами использованы метод анализа вторичных данных, метод сравнительного анализа, методы группировки и систематизации.

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ГРАЖДАН РОССИИ

Исследование следует начать с определения того, как граждане России оценивают свой политический вес в обществе (рис. 1). Этот показатель является значимым не только для определения типа политической культуры современных россиян, но и для разьяснения мотивов, которыми руководствуются граждане при формировании и выражении своих политических, и в том числе электоральных, предпочтений по наиболее острым и актуальным вопросам.

Материалы исследовательской группы В. К. Левашова [7] позволяют выявить две важные закономерности. Во-первых, речь идёт о стабильном росте численности опрошенных респондентов, полагающих, что мнение россиян никак не влияет на проводимый в стране политический курс. В среднем такого мнения придерживаются 68% респондентов, что может говорить либо о преобладании подданнического типа политической культуры среди опрошенных россиян, либо о политической апатии, вызванной внешними факторами.

Во-вторых, при определении своей политической значимости сохраняется значительная доля неопределившихся респондентов (примерно 22%). Отметим, что за тридцатилетний период мониторинга количество неопределившихся респондентов снизилось, однако большинство из тех, кто утвердился в своём мнении, лишь дополнили число тех, кто уверен в невозможности повлиять на ситуацию в стране. Примерно 68% опрашиваемого населения не воспринимают себя в качестве субъектов политической деятельности. Уровень оптимистически настроенных респондентов, полагающих, что голос народа будет услышан властью, составляет примерно 14% опрошенных.

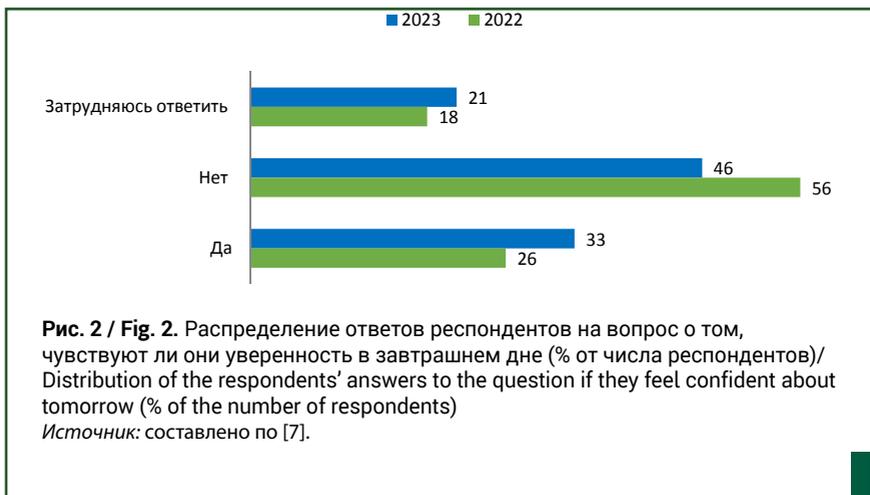
Относительно причин скептицизма опрашиваемых граждан в отношении их влияния на определение политического курса развития страны мы выдвинули две гипотезы. Первая заключается в том, что скепсис вызван снижением качества жизни, утратой уверенности в завтрашнем дне. Вторая гипотеза заключается в низком уровне развития политической культуры респондентов, отсутствии потребности самореализации в политической сфере деятельности.

Для проверки первой гипотезы были проанализированы оценки уровня уверенности респондентов в собственном будущем (рис. 2). Итоги опроса в 2022 г. показали, что лишь 26% ре-

спондентов испытывают чувство уверенности в завтрашнем дне и более половины респондентов (56%) такой уверенности лишены. В 2023 г. ситуация начала выравниваться, и уже 33% респондентов начали с большим оптимизмом оценивать шансы на будущее. На наш взгляд, такие ответы опрашиваемых обусловлены их реакцией на события 2022 г. Фрустрация была вызвана резким ростом цен на отдельные виды товаров (например, бумагу, сахар, средства личной гигиены и т. д.) и боязнью их исчезновения с прилавков магазинов. Однако ситуация довольно быстро нормализовалась, что снизило обеспокоенность граждан в 2023 г.

Ещё одной важной темой выступает выявление причин тревожности граждан (рис. 3). Данный график отражает только наиболее часто выражаемые страхи россиян. Полный их перечень значительно шире [7]. Для удобства анализа все выраженные опасения граждан авторами данной статьи были классифицированы, а затем сгруппированы.

Традиционно самые многочисленные страхи россиян имеют финансовую основу: граждане опасаются роста цен на продукты питания, коммунальные платежи, тревожатся по поводу обесценивания собственных накоплений, безработицы и иных обстоятельств, приводящих к снижению качества жизни (рис. 3, 4).

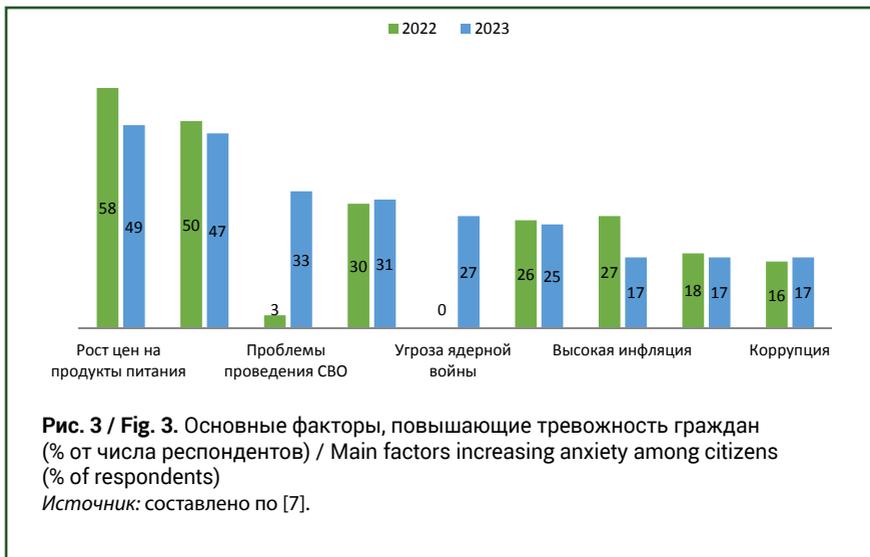

Рис. 3 / Fig. 3. Основные факторы, повышающие тревожность граждан (% от числа респондентов) / Main factors increasing anxiety among citizens (% of respondents)

Источник: составлено по [7].

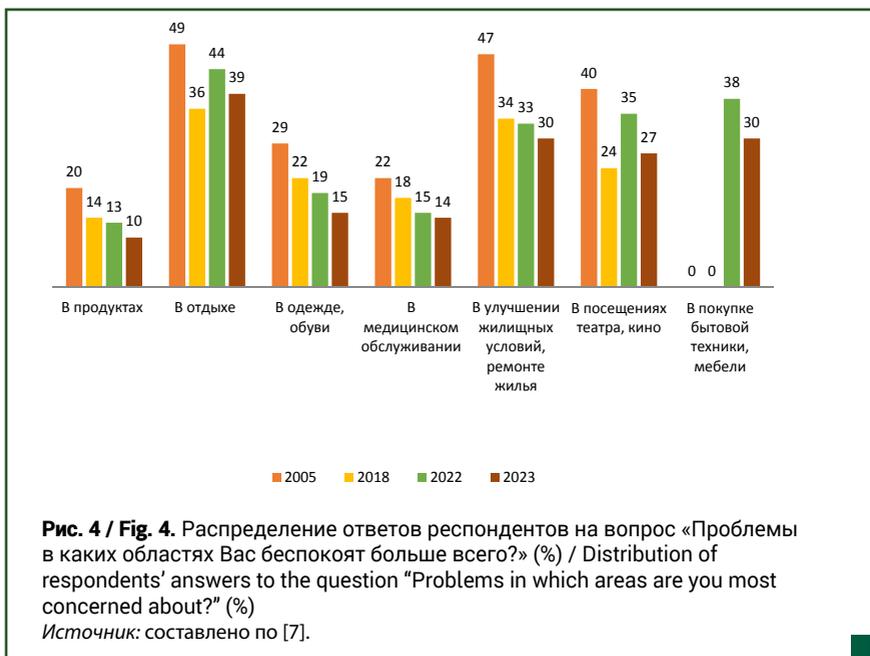
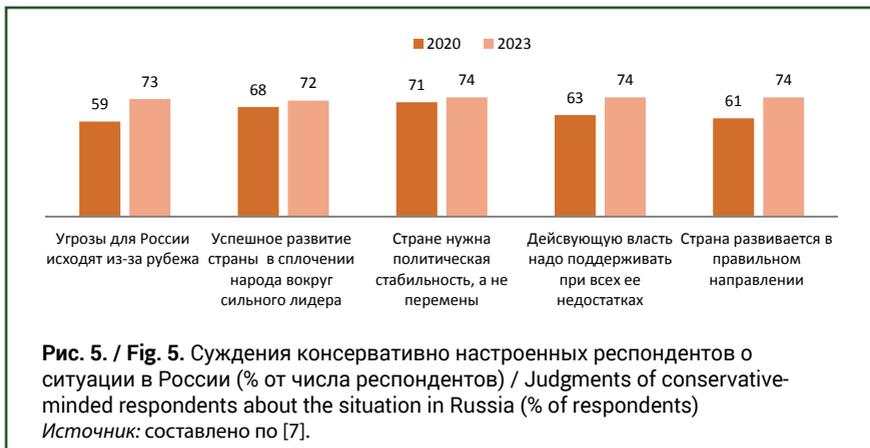

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Проблемы в каких областях Вас беспокоят больше всего?» (%) / Distribution of respondents' answers to the question "Problems in which areas are you most concerned about?" (%)

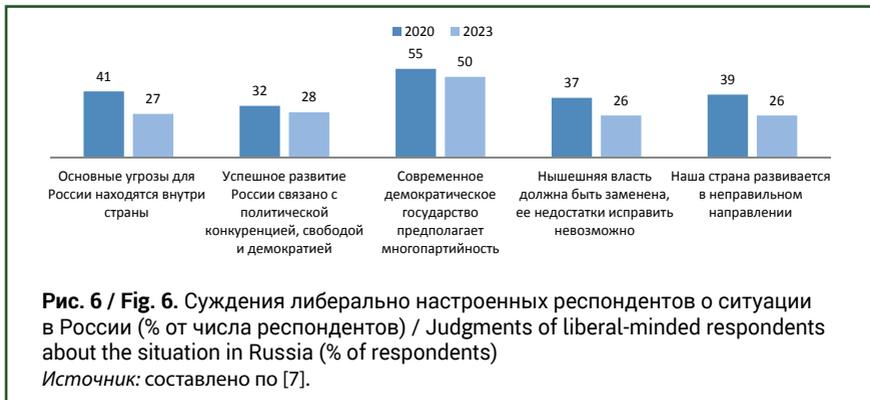
Источник: составлено по [7].

Далее следуют страхи, связанные с обеспечением безопасности. Людей беспокоят угрозы, связанные с увеличением террористических актов, повышением уровня преступности, масштабов коррупции и последствий экологических катастроф, в том числе возникающих в результате техногенных факторов. Согласно приведённым данным [7], начиная с 2022 г. у россиян возникли новые страхи, связанные с проблемами проведения Специальной военной операции (СВО) и повышением рисков начала ядерной войны. Ещё в 2022 г. указанные страхи носили точечный характер: так, проблемы, связанные со сложностью проведения СВО, беспокоили только 3% опрошенных, а гипотетическая возможность начала ядерной войны вообще никого не беспокоила. Однако уже в 2023 г. указанные опасения начали принимать массовый характер. Таким образом, в 2023 г. вопросы обеспечения хлебом насущным и безопасности стали преобладающими у населения.

С учётом того, что значительная группа граждан выражает озабоченность своим будущим, неудовлетворённостью финансовым положением, а также выказывает опасения относительно своей безопасности, важно соотнести указанные настроения с отношением граждан к действующей власти. Ответы респондентов (рис. 5, 6, 7) дают понять, что, с одной стороны, общество отмечает существующие недостатки проводимой политики и формулирует социальный запрос на проведение реформ, корректирующих недостаточную эффективность функционирования политической системы. С другой стороны, итоги ряда опросов [1; 2] позволяют констатировать, что уровень лояльности к власти в обществе высок и ухудшение международной ситуации, крайне негативно влияющее на экономические процессы в стране, укрепляет авторитет правящей власти. Подавляющее число респондентов склонны объяснять имеющиеся проблемы негативным влиянием недружественных стран и необходимостью России отвечать на внешние угрозы. Так, респонденты, придерживающиеся консервативных взглядов, утверждают, что в настоящее время необходимо сплотиться вокруг сильного лидера, гарантирующего стабильность страны (рис. 5).

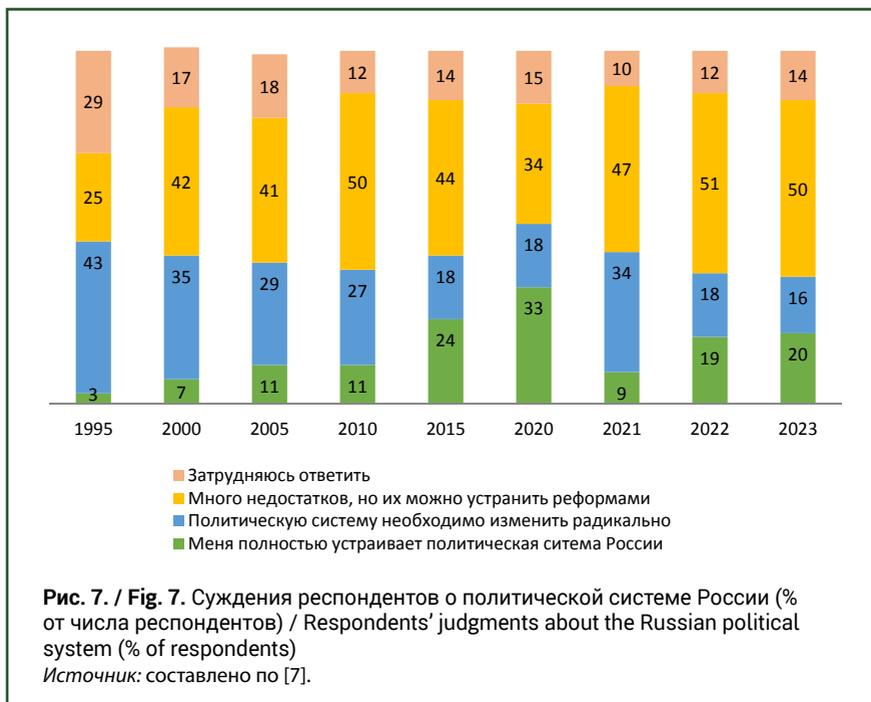
Имеется и иная позиция. Странники либеральных взглядов убеждены, что успешное развитие страны заключается в систематическом обновлении правящей элиты, создании условий для конкурентной борьбы на выборах, развитии многопартийности и т. п. (рис. 6).

Приведённые данные позволяют говорить о преобладании консервативных настроений в российском обществе и одновременном снижении популярности политических предпочтений либерального характера.

С одной стороны, такое положение вещей может быть связано с подсознательным стремлением россиян найти защиту в лице сильного лидера, переложив на него ответственность за принятие политических решений. Следует также учитывать,

что основной контингент опрашиваемых составляют граждане, работающие в бюджетной сфере, следовательно, в полной мере зависящие от правящей власти, и серьезные политические изменения могут негативно отразиться на их личных интересах. С другой стороны, сами сторонники перемен осознают, что либеральные взгляды в настоящее время весьма непопулярны, поэтому часть респондентов отказывается участвовать в опросах или предпочитает давать несодержательный ответ [9; 10]. В доказательство данного тезиса можно привести данные Социологического центра ХИ-квадрат, который отмечает, что несодержательные ответы на прямые вопросы с упоминанием слов «Президент РФ» и «В. В. Путин» составляют от 10 до 25% всех полученных ответов¹.

¹ Социологические и маркетинговые исследования. Аналитика. Инсайты. Маркеры неоткровенности респондентов при проведении формализованных количественных опросов общественно-политической тематики Маркеры неоткровенности (2022) [Электронный ресурс]. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/prof_conversion/svoya_atmosfera/15-09-22-Golubev.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

Ещё одно объяснение указанной тенденции может быть связано с тем обстоятельством, что респонденты могут просто выражать социально одобряемые точки зрения, так как желают производить хорошее впечатление, внушить уважение к себе или, напротив, опасаются вызвать своими ответами общественное порицание. Так, по мнению профессора психологии П. Экмана, даже в обычном диалоге без затрагивания острых тем за 10 минут общения большинство собеседников успевают 3 раза обмениваются ложными сообщениями [12]. Таким образом, данные социологических опросов могут создать лишь общее представление людей о конкретной проблеме.

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЯН

Переходя непосредственно к изучению особенностей электорального процесса в России, определим прежде всего мотивацию граждан РФ, принимающих участие в политических выборах. Данный опрос проводился непосредственно в 2023 г., что важно для данного исследования (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты опроса респондентов на вопрос: «Что Вас побуждало принять участие в политических выборах?» (% от числа респондентов) / The results of a survey of respondents to the question: "What prompted you to take part in political elections?" (% of respondents)

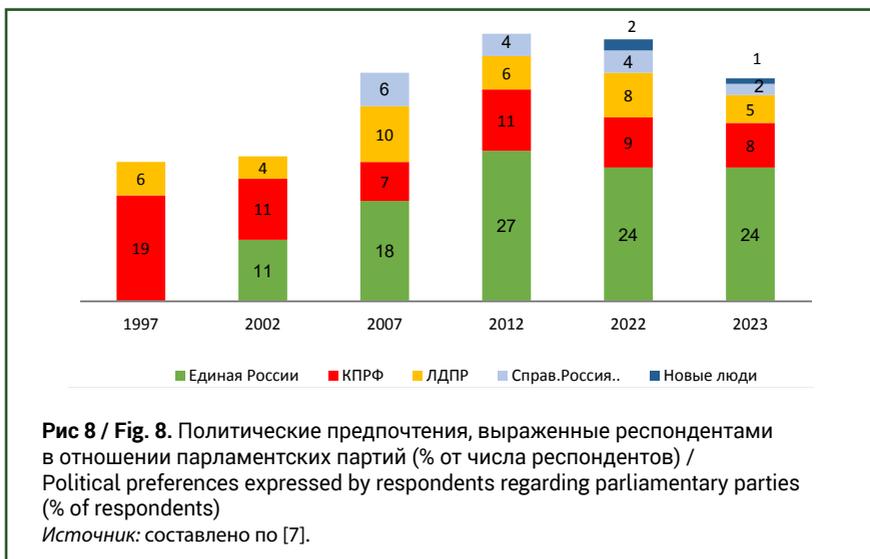
Не принимали участие в выборах	25
Хотели выразить отношение к ситуации в стране	20
Хотели уменьшить возможность к фальсификации	17
Хотели поддержать одну партию	15
Хотели поддержать действующую власть	14
Хотели поддержать понравившихся кандидатов	6
Удовлетворение просьбы руководства	4
Выражение протеста	5
Привычка	2
Затрудняюсь ответить	6

Источник: составлено по [7].

Результаты опроса показывают, что лишь 25% респондентов заявляют о том, что не участвуют в выборах. Однозначно заявили о стремлении поддержать действующую власть только 15% респондентов, еще 6% признались, что приняли участие в политических выборах под воздействием административного ресурса. Об участии в протестном голосовании заявили только 4% респондентов, хотя следует отметить, что 17% респондентов сообщили о том, что используют свой голос самостоятельно, чтобы им не воспользовались заинтересованные лица как инструментом фальсификации, следовательно, данный ответ можно расценивать как завуалированное сообщение о протестном голосовании.

ПАРТИЙНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЭЛЕКТОРАТА

Изучив политическую мотивацию граждан, следует выяснить, какие политические силы в России пользовались и продолжают пользоваться наиболее полной и устойчивой поддержкой общества (рис. 8).

Для получения более полной информации в фокус исследования следует включить и оценки гражданами других политических партий. Для начала отметим, что в 2023 г. в России

официально функционируют 25 политических партий², большинство из которых не имеет значительной электоральной поддержки. Более того, о наличии многих партий, указанных в официальном реестре, потенциальные избиратели часто даже не имеют представления. В силу этого обстоятельства расширим круг изучаемых политических партий, включив в него одну из известнейших оппозиционных партий «Яблоко» (рис. 9).

Данные опросов достаточно точно отражают распределение народной поддержки партий. Так, например, наибольшее число мандатов в Государственной Думе принадлежит партии «Единая Россия», за ней следует партия «КПРФ», «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», «ЛДПР» и партия «Новые люди». В интерпретации респондентов указанный перечень был нарушен всего однажды, когда они поменяли местами партию «ЛДПР» и партию «Справедливая Россия – Патриоты – За правду».

Изучив уровень электоральной поддержки, продемонстрированный респондентами в процессе исследования (рис. 9), было установлено, что большая часть населения не испытывает потребности и желания взаимодействовать с политической системой страны посредством политических партий. Так, в 2023 г. 38% респондентов заявили об отказе поддерживать имеющиеся политические партии, ещё 10% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос.

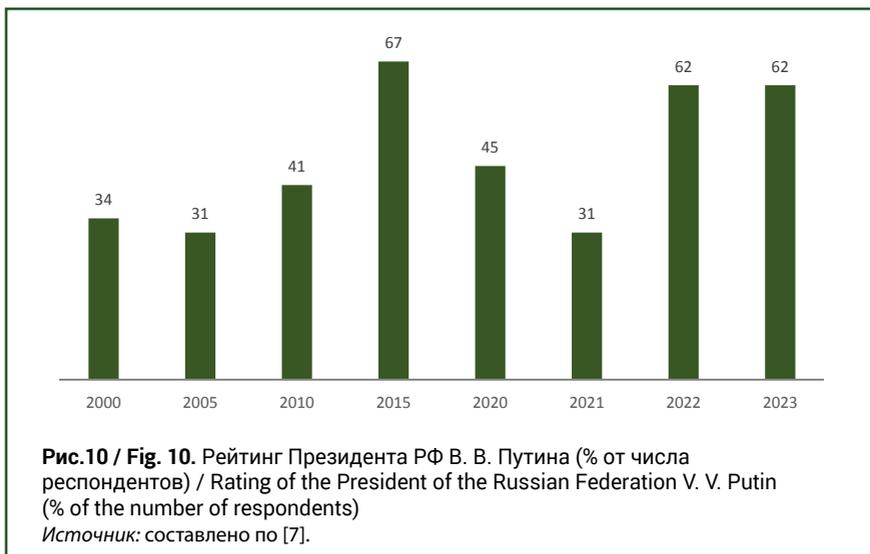
Политическую поддержку «Единой России» как наиболее востребованной партии выражает 24% респондентов. Партии, представляющие системную оппозицию, пользуются популярностью среди 5–8% голосов респондентов, партия «Яблоко», представляющая внесистемную оппозицию и имеющая только одного представителя в Государственной Думе, и то в статусе самовыдвиженца, продолжает сохранять поддержку 1–2% респондентов.

Как представляется, указанные результаты могут быть связаны с традиционно низким уровнем доверия россиян к политическим институтам.

Достаточно низкая поддержка населением партий контрастирует с высоким уровнем доверия к Президенту (рис. 10).

² Политические партии, отвечающие требованиям пункта 2 статьи 36 ФЗ закона «О политических партиях», согласно информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/MinUst/last> (дата обращения: 20.12.2023).

При этом необходимо отметить, что политический рейтинг Президента РФ значительно возрос именно в последние два года, когда уровень политической турбулентности многократно усилился.

Таким образом, российский электорат демонстрирует, что на политические предпочтения граждан России влияют два фактора: долговременный – политическая культура – и кратковременный – политическая турбулентность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятия политического и электорального предпочтения в существующих научных исследованиях раскрываются очень ограниченно и противоречиво, более того, многие формулировки имеют расплывчатый характер.

В качестве важнейших факторов, определяющих специфику политических предпочтений, следует рассматривать особенности политической культуры граждан и показатели, оценивающие социально-психологическое состояние общества в данный момент.

Указанная тенденция проявляется прежде всего в электоральных предпочтениях граждан. Как показывает анализ приведённых данных, психологическое состояние российского общества может характеризоваться как пассивно-неудовлетворительное. Политические предпочтения россиян неоднозначны. С одной стороны, общество демонстрирует достаточно высокую приверженность правящей партии, с другой – значительная часть респондентов заявляет о полном недоверии любым партиям и невозможности повлиять на политическую ситуацию в стране. Вместе с тем уровень поддержки Президента В. В. Путина за последние два года значительно вырос, что даёт основание считать, что именно он победит на выборах, запланированных на март 2024 г.

Как представляется, полученные в ходе настоящего исследования результаты имеют значение для развития теории политических предпочтений, а также могут быть использованы политическими партиями на практике: например, при проведении избирательных кампаний разного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова Е. А., Злотникова Е. В., Ницевич В. Ф. Актуальные вопросы политического управления электоральным участием студенческой молодежи в России // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 80–88.
2. Беликова Е. А., Злотникова Е. В., Ницевич В. Ф., и др. Политическая активность молодежи в электоральном участии в России. М.: Государственный университет управления, 2023. 185 с.

3. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост. Ю. Н. Давыдова. М.: Свобода, 1990. С. 547–643.
4. Ивин А. А. Человеческие предпочтения. М.: Издательство ИФ РАН 2010. 121 с.
5. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / пер. с англ. А. Андреева. М.: АСТ, 2014. 653 с.
6. Козельский Ю. Психологическая теория решений / пер. с польск. Г. Е. Минца, В. Н. Поруса. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
7. Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53-й этап социологического мониторинга, июнь 2023 года. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с.
8. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ. Н. Н. Воробьева. М.: RUGRAM, 2013. 708 с.
9. Подчасов Н. А. Политические «горки» в Болгарии: электорат «статус-кво» vs электорат «перемен» // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 4. С. 33–41.
10. Старцева С. Г. Динамика политических предпочтений региональной молодежи в условиях трансформации современного российского общества: на примере Вологодской области: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013. 26 с.
11. Садулаева Т. Б. Политические предпочтения как объект политологического исследования // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2021. № 1. С. 58–60.
12. Экман П. Психология эмоций / пер. с англ. В. Кузина. СПб.: Питер, 2021. 336 с.

ARTICLE INFORMATION

Author

Nevolin Boris Sergeevich

- e-mail: b.nevolin@ya.ru;
Vice-Rector for Development;
The State Musical Pedagogical Institute
named after M. M. Ippolitov-Ivanov
ul. Marksistskaya 36, Moscow 109147, Russian Federation

Nitsevich Victor Frantsevich

- e-mail: dr.nitsevich@mail.ru;
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Leading Researcher
at the Center for Digital Economy;
State University of Management
Ryzanskiy pr-t 99, Moscow 109542, Russian Federation

For citation:

Nevolin B. S., Nitsevich V. F. Electoral preferences of Russians in the period of political turbulence. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the features of the manifestation of electoral preferences of the Russian citizens during the period of political turbulence.

Methodology. The study used the method of secondary data analysis, the method of comparative analysis, methods of grouping and systematization.

Results. A close relationship between voters' preferences and the psychological state of society has been revealed. It has been established that political turbulence and the specifics of the citizens' political culture are the most important factors which determine the peculiarities of the political preferences of Russians in general and the electoral preferences in particular.

Research implication. The results obtained are important for the development of the theory of political preferences. They can be used by political parties in conducting election campaigns at various levels.

Keywords:

elections, electoral preferences, political culture of modern Russia, political preferences

References

1. Belikova E. A., Zlotnikova E. V., Nitsevich V. F. [Political management of youth students' electoral participation in Russia: topical issues]. In: *Upravleniye* [Management (Russia)], 2022, vol. 10, no. 3, pp. 80–88.
2. Belikova E. A., Zlotnikova E. V., Nitsevich V. F., et al. *Politicheskaya aktivnost' molodezhi v elektoral'nom uchastii v Rossii* [Political activity of youth in electoral participation in Russia]. Moscow, Gosudarstvennyi universitet upravleniya Publ., 2023. 185 p.
3. Weber M. [The meaning of “freedom from evaluation” in sociological and economic science]. In: Weber M. *Ausgewählte Werke* (Rus. ed.: Davydova Yu. N., ed. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Svoboda Publ., 1990, pp. 547–643).
4. Ivin A. A. *Chelovecheskie predpochteniya* [Human preferences]. Moscow, Izdatel'stvo IF RAN Publ., 2010. 121 p.
5. Kahneman D. *Thinking, fast and slow* (Rus. ed.: Andreev A., transl. *Dumai medlenno... reshay bistro*. Moscow, AST Publ., 2014. 653 p.).
6. Kozielecki J. *Psychologiczna teoria decyzji* (Rus. ed.: Mintz G. E., Porus V. N., transls. *Psikhologicheskaya teoriya reshenii*. Moscow, Progress Publ., 1979. 504 p.).
7. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. *Kak zhivesh', Rossiya? Ekspres-informatsiya. 53-I etap sotsiologicheskogo monitoringa, iyun' 2023 goda* [How are you living, Russia? Express information. 53rd stage of sociological monitoring, June 2023]. Moscow, FNISTS RAN Publ., 2023. 91 p.
8. Neumann J., Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior* (Rus. ed.: Vorobyov N. N., transl. *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie*. Moscow, RUGRAM Publ., 2013. 708 p.).
9. Podchasov N. A. [Political slides in Bulgaria: status quo electorate vs electorate of “changes”]. In: *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS], 2023, no. 4, pp. 33–41.
10. Startseva S. G. *Dinamika politicheskikh predpochtenii regional'noi molodezhi v usloviyakh transformatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva: na primere Vologodskoi oblasti: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Dynamics of political preferences of regional youth in the conditions of transformation of modern Russian society: using the example of the Vologda region: abstract of Cand. Sci. thesis in Political Sciences]. St. Petersburg, 2013. 26 p.
11. Sadulaeva T. B. [Political preferences as an object of political

science research]. In: *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch. E. Akhrieva* [Bulletin of the Ingush Research Institute of Humanities named after P. E. Akhrieva], 2021, no. 1, pp. 58–60.

- Ekman P. *Emotions Revealed* (Rus. ed.: Kuzin V., transl. *Psikhologiya emotsii*. St. Petersburg, Piter Publ., 2021. 336 p.).

ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Окуджава Хатиа Зауриевна

- e-mail: okudzhavakz@mosreg.ru
аспирант кафедры российской политики
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Окуджава Х. З.

Центр управления регионом (ЦУР): особенности применения цифровых технологий в Московской области // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию: 02.11.2023
- Статья размещена на сайте: 04.03.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова:](#)

[Введение](#)

[Оценки эффективности ЦУР](#)

[ЦУР при губернаторе Московской области: концепция](#)

[ЦУР при губернаторе Московской области: практика](#)

[Повышение эффективности работы ЦУР](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследовать уникальное структурное подразделение, аккумулирующее все поступившие обращения граждан в адрес высшего должностного лица субъекта, руководителей центральных исполнительных органов власти региона, руководства муниципальных образований Московской области, – Центр управления регионом (ЦУР).

Процедура и методы. На основе эмпирических данных (обращений граждан) осуществлён анализ особенностей применения цифровых технологий в Московской области.

Результаты. В статье показано, как межведомственная коммуникация на базе цифровых платформ позволяет фиксировать запросы населения, внедрять новые технологии для удобства граждан и реализовывать управленческие решения, удовлетворяющие потребности большинства.

Теоретическая значимость. Цифровой опыт Московской области может быть тиражирован, новые алгоритмы межведомственной коммуникации ЦУР – применимы в других субъектах Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Московская область, Центр управления регионом, цифровые технологии, межведомственное взаимодействие, региональное управление

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационных технологий в цифровую эпоху предполагает применение нового инструментария для организации более эффективной коммуникации между государством и обществом, которое становится активным соучастником формирования государственной политики путём выражения личного мнения и формирования предложений по развитию муниципальных услуг [3, с. 19]. Рост количества обращений, поступающих в органы власти, требует постоянного поиска новых подходов и пересмотра управленческих решений, позволяющих сделать процесс взаимодействия с гражданами оперативным и результативным, а такой новый инструмент, как Центр управления регионами (ЦУР), даёт возможность «принимать обоснованные управленческие решения на основе анализа результатов мониторинга обращений на ближайшую и долгосрочную перспективу» [8, с. 51].

В 2019 г. в Доме Правительства Московской области был создан ситуационный Центр управления регионом при Губернаторе Московской области (далее – ЦУР). Его запуск стал одним из этапов цифровизации Подмоскovie и обеспечил взаимодействие органов власти и организаций, ориентируясь на потребности и проблемы населения, их максимально оперативное решение. Президент Российской Федерации В. В. Путин, посетив ЦУР Московской области, дал высокую оценку его работе, подчеркнув, что опыт региона необходимо тиражировать на все субъекты Российской Федерации [4, с. 649].

В этой статье предпринимается попытка исследовать практику применения цифровых технологий в этом уникальном структурном подразделении, аккумулирующем все поступившие обращения граждан в адрес высшего должностного лица субъекта, руководителей центральных исполнительных органов власти региона и руководства муниципальных образований Московской области.

ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦУР

Вопросы трансформации общественных структур под воздействием новых средств коммуникации и риски, связанные с развитием информационных технологий, рассматривают в своих работах такие представители отечественной политической науки, как Л. В. Сморгун, А. И. Соловьев, В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, И. А. Бронников, С. В. Володенков и др.

Развитие практической деятельности ЦУР в регионах страны вызвало дискуссию среди экспертного сообщества. Так, например, советник министра государственного управления, информационных технологий и связи Московской области (2019–2020 гг.) А. Курманов предлагал рассматривать ЦУР в качестве «драйвера не только цифровой трансформации страны, но и проектного управления»¹.

К. Истомин, первый заместитель генерального директора АНО «Диалог Регионы», считает ЦУР «центрами интернет-коммуникаций по всем вопросам», а также «вспомогательным инструментом» в руках органов власти и руководителей. На основе аналитики ЦУР, заявил К. Истомин, «принимаются ка-

¹Курманов А. А. ЦУР в умном городе. Инструкция по применению: доклад на форуме, Белгород, апрель 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://smartforum.gorodsreda.ru> (дата обращения: 30.05.2023).

дровые, управленческие решения, корректируются стратегии развития»².

А. Курманов указывает на то, что целью ЦУР в перспективе является человекоцентричность, в основу которой положена идеология «предвидения» государством потребностей граждан. Он обозначает важность сетевого и типового подходов к анализу проблем для унификации и ускорения их решения, что должно в перспективе помочь реагировать на потенциальную угрозу и повысить эффективность работы региональных органов власти³.

Однако К. Истомин, напротив, уверен, что «высшее должностное лицо субъекта само должно определять формат работы исходя из ситуации в конкретном регионе; и погружать ЦУР в те процессы, которые считает первостепенными» [2, с. 395]. ЦУР должны стать «единым окном» исполнения Федерального закона № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁴, считает Истомин. Регламент ЦУР Московской области предполагает рассмотрение обращений в течение 8 дней, тогда как федеральный закон – в течение 30.

Положительное мнение о работе ЦУР в регионах высказывает Е. Ю. Башкуева, которая провела анализ данного инструмента в сфере здравоохранения Республики Бурятия. Автор отмечает, что ЦУР – «новый и востребованный вспомогательный инструмент управления, работу которого можно и нужно выстроить с учётом максимальной интеграции современных технологий и знаний, а также проводить регулярные аудиты его деятельности» [1, с. 151]. Важным фактором в данном случае является то, что такой инструмент активно развивается в разных регионах Российской Федерации, не только в столице или нескольких крупных городах.

Помимо внедрения ЦУР, одновременно идёт процесс его трансформации и улучшения за счёт анализа результатов работы. Как пишет А. В. Шалаев, «повышение сложности задач

²Истомин К. ЦУР – не «щупальца Москвы» // News.ru: [сайт]. [15.11.2021].

URL: <https://news.ru/vlast/pervyj-zamestitel-generalnogo-direktora-ano-dialog-regiony-podvel-itogi-goda-raboty-struktury/?ysclid=lsd378rmuo516174609> (дата обращения: 30.05.2023).

³Курманов А. А. ЦУР в умном городе. Инструкция по применению: доклад на форуме, Белгород, апрель 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://smartforum.gorodsreda.ru> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/?ysclid=lsd33y0qfg766778528 (дата обращения: 30.05.2023).

перед системами обработки обращений граждан потребует развития подхода, которое непременно отразится на оптимизации центров управления регионами» [10, с. 145]. Представляется, что с каждым годом ЦУР будет выполнять всё более сложные новые задачи, например, в случае затруднительного принятия решения со стороны администрации региона ЦУР мог бы сформировать альтернативные варианты «управленческих решений для региональной власти» [7, с. 34]. Среди потенциальных направлений развития ЦУР в будущем также предлагаются «развитие мониторинговых систем и платформ интернета вещей для получения в ЦУР информации о проблемах ещё до поступления жалоб от граждан»⁵, например, в вопросе уборки дорог и прилегающих территорий, а также «мониторинг предоставления государственных услуг очно через МФЦ и в электронном виде»⁶, что позволит узнавать гражданину о статусе своей заявки в реальном времени. Существует также точка зрения, что в будущем будет разработана «модель экосистемы взаимодействия граждан и власти», которая будет анализировать «реальные эмпирические данные и выделять технически различные типы основных медийно-коммуникационных сред», т. е. это уже будет новый уровень анализа и обработки поступающих от граждан обращений [9, с. 133].

Хотя ЦУР как инструмент публичного управления появился всего несколько лет назад, уже наметился ряд проблем, которые необходимо изучать с целью их дальнейшего устранения. П. А. Козлов отмечает, что ЦУР имеет организованную систему функционирования, но его сотрудники столкнулись с многозадачностью, обрабатывая текущие запросы в ЦУР и параллельно выполняя свои прямые обязанности на административной должности. Кроме того, скорость ответа снижается из-за дополнительной проверки модератором регионального ЦУР, который может внести свои правки, иногда не всегда корректные [5, с. 402].

⁵Разумовский Д. О. ЦУР – новый инструмент управления регионом // Бюджет. 2020. № 12. С. 26–28.

⁶Бочаров С. В. ЦУР – это прежде всего система // Бюджет.ru: [сайт]. URL: <https://bujet.ru/article/414521.php?ysclid=lphbiwl1wq866461265> (дата обращения: 30.05.2023).

ЦУР ПРИ ГУБЕРНАТОРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: КОНЦЕПЦИЯ

Московская область занимает лидирующие позиции по внедрению цифровых технологий в повседневную жизнь человека. В регионе созданы платформы, позволяющие выстраивать эффективную коммуникацию с жителями региона. На сегодняшний день ЦУР объединяет представителей 30 отраслевых министерств и ведомств Правительства Московской области. В нём с помощью информационных систем – регионального портала «Добродел», социальных сетей, горячих линий, официальных обращений и т. д. – в круглосуточном режиме происходят сбор и анализ данных всех сфер жизнедеятельности региона.

Концепция ЦУР заключается в трёх основных постулатах: «Всё знаем. Быстро решаем. Не допускаем». Его основная задача – оперативное информирование о текущей ситуации в Московской области с последующей трансформацией процессов в целях недопущения типовых жалоб жителей региона.

«Первый этап предполагает создание “тепловой” карты, позволяющей выявление точек напряжённости и отображение динамики проблем, волнующих жителей Подмосковья. Второй этап подразумевает оперативное доведение обращений до исполнителей и их качественное решение в регламентированные сроки» (от 3 часов до 8 дней)⁷. Третий этап направлен на предотвращение аналогичных проблем в будущем с помощью выявления первопричин для последующей трансформации и масштабирования процессов. Собранная информация аккумулируется в единой информационной системе для последующего доклада руководству региона.

Цифровизация управления предполагает постоянное совершенствование системы, использование новой методологии принятия решений на основе анализа данных. Ежедневно в ЦУР анализируются сотни тысяч сообщений, требующих реагирования со стороны представителей областных структурных подразделений. Формируются перечень актуальных проблем и список муниципальных образований с наибольшим потенциалом протестной активности. Уполномоченные лица, занимающиеся сводом поступивших сообщений, выявляют системные проблемы и привлекают высших должностных лиц для их оперативного решения.

⁷ Кто и как помогает жителям решить проблемные вопросы в здравоохранении Орехово-Зуевского округа // Regions.ru: [сайт]. URL: <https://inorehovo.ru/news/zdravoohranenie/kto-i-kak-pomogaet-zhitelyam-reshit-problemnye-voprosy-v-zdravoohranenii-orehovo-zuevskogo-okruga> (дата обращения: 30.05.2023).

ЦУР ПРИ ГУБЕРНАТОРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРАКТИКА

Алгоритм работы ЦУР по обращению с гражданами следующий:

1. Житель субъекта заявляет о своей проблеме или недовольстве групп граждан любым удобным для него способом: через «горячую линию» губернатора Московской области, диспетчерскую службу, областной портал «Добродел», обращается с электронным сообщением к руководителям отраслевых министерств и ведомств, направляет письмо через «Почту России» и т. д.

2. Сотрудники ЦУР структурируют поступившие обращения граждан по следующим категориям: социальная сфера, ЖКХ, здравоохранение, образование, дороги и общественный транспорт, строительство и безопасность, государственные услуги и МФЦ, экология.

3. В каждой отрасли определяется перечень системных проблем для проработки, закрепляется лицо, отвечающее за оптимизацию процессов, связанных с сокращением срока решения задач и контролем их внедрения для дальнейшего масштабирования на уровне субъекта. Как пример – ранее рассмотрение жалоб по уборке мусора с контейнерных площадок могло занимать больше недели, так как с жалобой проводились многочисленные бюрократические манипуляции. Сейчас обращение напрямую попадает к исполнителю, а срок модерации (т. е. определение исполнителя), не превышает 24 часов, в связи чем жалобы по вывозу отходов решаются в течение 1–2 дней.

Цифровые технологии используются и в других отраслях в регионе: система контроля в транспортном блоке Подмосковья отслеживает передвижение, график работы и исправность 10 тыс. автобусов, выходящих на линию ежедневно. Это позволяет координировать пассажирские перевозки, бороться с опозданиями и случаями, когда маршруты не выходят на рейсы.

Благодаря региональному школьному portalу каждый родитель, проживающий на территории региона, владеет информацией об успеваемости своего ребёнка. Система также отражает сведения о просмотрах электронного дневника родителя-

ми. Благодаря таким инструментам количество двоечников за 2022 г. снизилось в два раза – с 12,7 тыс. до 6,1 тыс.⁸.

Работа мобильного приложения в жилищно-коммунальном хозяйстве обеспечивает контроль над графиком вывоза мусора региональными операторами, снизив количества жалоб в прошлом году на 84%⁹.

В ЦУР решение каждой проблемы оценивается жителем. Если качество решения удовлетворяет заявителя, пользователь отмечает её как успешно завершённую, если нет – отправляет на доработку. Таким образом, мнение жителей учитывается на каждом этапе. Коллективные жалобы рассматриваются в первоочередном порядке, оперативно «эскалируются» на уровень руководства ведомств. Их решение – приоритетная задача любого отраслевого министра подмосковного Правительства.

За 5,5 лет работы портала «Добродел» жители Подмосковья прислали 4,5 млн сообщений и подтвердили решение 3 млн проблем в ЦУР¹⁰.

Платформа пользуется большой популярностью и доверием – еженедельно к работе с онлайн-сервисом присоединяется порядка 6 тыс. человек. Введение обязательной регистрации через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) полностью исключила возможность фальсификации обращений, т. к. по каждой проблеме компетентные органы могут провести полноценную проверку. Результаты можно увидеть на рисунке 1.

⁸Курятник Н. В. Отчёт о работе Министерства государственного управления, информационных технологий и связи Московской области: доклад, прочитанный на заседании Правительства Московской области 12 декабря 2022 г. (не опублик.).

⁹Там же.

¹⁰Курятник Н. В. Отчёт о работе Министерства государственного управления, информационных технологий и связи Московской области (не опублик.).

ПРИНЯТЫЕ РЕШЕНИЯ ПО ОТРАСЛЯМ

Рис. 1 / Fig. 1. Принятые решения по отраслям в Московской области за 2022 г. / Decisions made on industries in the Moscow region for 2022

Источник: аналитическая информация с портала Добродел: [сайт]. URL: dobrodel.mosreg.ru (дата обращения: 28.05.2023).

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ЦУР

Сегодня на территории Подмосковья создано 58 муниципальных ЦУР, сотрудники которых снабжены всей методологией и инструментарием работы с жалобами граждан. «Таким образом, Центр управления регионом и его муниципальные филиалы совместно в круглосуточном режиме занимаются мониторингом и контролем исполнения управленческих решений, помогают значительно сократить время решения проблем жителей и отслеживают общую социально-экономическую ситуацию в Подмосковье»¹¹. Открытие ЦУР на муниципальном

¹¹ Краснов А. ЦУР – единая платформа управления Подмосковьем в режиме 24/7 // Системы безопасности: [сайт]. [10.04.2020]. URL: <https://www.secuteck.ru/articles/cur-edinaya-platforma-upravleniya-podmoskovem-v-rezhime-24-7> (дата обращения: 30.05.2023).

уровне важно, так как половина обращений граждан направлена именно в местную администрацию [6, с. 67].

Однако повышение эффективности работы ЦУР возможно при решении двух важных задач. Первая – повысить уровень компетенции отдельных сотрудников ЦУР в муниципалитетах Подмосковья, вторая – наладить систему оперативного информирования жителей.

Вместо решения конкретной проблемы жители зачастую получают стандартизированные ответы. В качестве примера может служить проблема, связанная с транспортным обслуживанием. Жители часто жалуются на технические неисправности транспортных средств, отмену рейсов, переполненность автобусов в часы-пик, а также на несоблюдение расписания движения по утверждённому маршруту. Написав жалобу в профильное ведомство, жители могут получить, например, следующий ответ: «Все транспортные средства полностью соответствуют нормам перевозки пассажиров по маршрутам. Интервал движения составляет от 10 до 15 минут, выпуск транспортных средств на линию производится в полном объёме, рейсы выполняются без отмен. Увеличение интервалов движения и соответствующее скопление пассажиров на остановочном пункте происходит по независящим от перевозчика причинам, вследствие дорожно-транспортных затруднений по трассе следования маршрута. По всему водительскому составу проведён инструктаж о неукоснительном соблюдении расписания движения согласно схеме маршрута, а также о допустимой вместимости в транспорт общего пользования»¹².

Сотрудники ЦУР в отдельных муниципалитетах могут ответить на жалобу таким образом в том числе и потому, что данный вопрос лежит вне зоны их компетенции. Однако их задача состоит в оперативной передаче информации в региональное министерство транспорта и «эскалировании» жалобы на уровень главы муниципального образования и профильного заместителя министра, которые обладают полномочиями наказать перевозчика за систематическое нарушение условий договора о транспортном обслуживании. Если исполнительская дисциплина сотрудником муниципального ЦУР не соблюдена, житель остаётся наедине с нерешённым вопросом.

¹² Письмо № 22/23 от 01.03.2023 ООО «РАНД-ТРАНС». Ответ на обращение по вопросу неудовлетворительного качества транспортного обслуживания пассажиров на смежном межрегиональном маршруте №1224к «Суханово – Москва (м. Бульвар Дмитрия Донского)» (не опубл.).

Что же касается проблемы оперативного информирования жителей, она может быть решена посредством создания чат-ботов, различных онлайн-платформ и приложений, призванных обеспечить удобство для человека. Например, находящееся в разработке приложение «Транспорт Подмосковья» даёт возможность решить целый ряд проблем: увидеть актуальное расписание маршрута, прогнозируемое время прибытия общественного транспорта на остановку, узнать, где находится нужный автобус, а также оставить отзыв о работе компании-перевозчика или о водителе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Запуск Центра управления регионом в Московской области в 2019 г. привёл к всплеску обращений жителей региона и обнажил самые чувствительные темы, касающиеся их повседневной жизни. Этот всплеск показал возрастающий запрос на оперативную коммуникацию граждан с центральными исполнительными органами власти и органами местного самоуправления Подмосковья. Решения, принятые руководством региона на основе системного анализа поступивших обращений в ЦУР, обеспечили уже в 2020 г. рост уровня доверия жителей к Губернатору Московской области на 26%¹³.

Количество решённых за 2020 г. проблем привело к возрастанию запроса жителей региона на качество исполнения принятых решений. К примеру, если раньше жители просто просили убрать бытовой мусор с контейнерных площадок, то теперь их беспокоит соблюдение графика вывоза мусора. В связи с этим в 2021 г. была проведена оценка эффективности деятельности людей, занимающихся обращениями граждан, результатом которой стали выработка новых алгоритмов и поэтапный переход от рутинных / машинальных действий сотрудников к использованию искусственного интеллекта. Именно с этим связано дальнейшее развитие ЦУР.

В настоящее время в ЦУР Московской области искусственный интеллект уже используется в восьми основных сферах жизнедеятельности людей: в здравоохранении и образовании, в ЖКХ и транспорте, торговле и энергетике, в строительном блоке и в сфере безопасности. К концу 2023 г. в ЦУР Москов-

¹³ Курятник Н. В. Отчёт о работе Министерства государственного управления, информационных технологий и связи Московской области (не опубликован).

ской области планируется запуск ещё десяти пилотных проектов, призванных оптимизировать управленческие процессы и обеспечить высокое качество коммуникации между властью и людьми в будущем. Но уже сейчас цифровой опыт Московской области может быть тиражирован, новые алгоритмы межведомственной коммуникации ЦУР – применимы в других субъектах Российской Федерации.

Таким образом, в статье показано, какие технологии используются в ЦУР, каким именно образом обрабатываются обращения граждан, решение каких задач может привести к повышению эффективности ЦУР для обеспечения удобства жителей Подмосковья и доверия к власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакшуева Е. Ю. Проблемы и перспективы деятельности Центра управления регионов (ЦУР) по Республике Бурятия как эффективного инструмента повышения доступности, качества и безопасности медицинской помощи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 3. С. 141–155.
2. Большакова К. Ю., Климова А. В. Центры управления регионом как новая форма управленческой деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. № 4. С. 391–400.
3. Голованов В. И. Передовой опыт использования цифровых технологий в системе работы с обращениями граждан в органах государственной власти субъектов РФ // Муниципальная академия. 2020. № 3. С. 13–20.
4. Демина Ю. А. Выбор технологий и икт-инфраструктуры «Умного города» для решения городских задач // Интеллектуальный потенциал молодых учёных как драйвер развития АПК: материалы международной научно-практической конференции молодых учёных и обучающихся, Санкт-Петербург, 24–26 марта 2021 г. / под ред. Ю. В. Морозова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2023. С. 648–650.
5. Козлов П. А. ЦУР: проблемы функционирования на местном уровне // Государственное и муниципальное управление: актуальные проблемы и современные тренды: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2022 г. / под ред. Е. В. Ушаковой,

Т. А. Борисовой. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2023. С. 395–405.

6. Наумов А. А. Информационные технологии в практике государственного и муниципального управления Московской области // Единство публичной власти в условиях современного общества: сборник трудов Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления / под ред. В. В. Балытникова. М.: Московский государственный областной университет, 2020. С. 67–73.
7. Никишин В. В. Сервисный механизм принятия решений (на примере регионального уровня управления) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 2. С. 32–35.
8. Стрекаловская Е. В. Центр управления регионом как элемент ситуационного центра // Педагогика. Образование. Инновации – 2022: сборник научных трудов по материалам V Международного научно-исследовательского конкурса, Анапа, 27 августа 2022 г. Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2022. С. 47–54.
9. Филатова О. Г., Чугунов А. В. Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. № 2. С. 120–137.
10. Шалаев А. В. Управление регионом в период цифровой трансформации на примере обращений граждан в органы исполнительной власти // Экономика и современный менеджмент: теория, методология, практика: сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Пенза, 5 мая 2021 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 143–146.

ARTICLE INFORMATION

Author

Kh. Z. Okudzhava

- e-mail: okudzhavakz@mosreg.ru
Postgraduate student, Department of Russian Politics,
Lomonosov Moscow State University;
Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation:

Okudzhava Kh. Z. Regional management center: features of the use of digital technologies in the Moscow region. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To study a unique structural unit that accumulates all received appeals from citizens addressed to the highest official of the subject, heads of central executive authorities of the region, management of municipalities of the Moscow region – the Regional Management Center (RMC).

Methodology. Based on empirical data (requests from citizens), an analysis of the features of digital technologies use in the Moscow region was carried out.

Results. The article shows how interdepartmental communication on digital platforms makes it possible to record the needs of the population, introduce new technologies for the convenience of citizens and implement management decisions that satisfy the needs of the majority.

Research implications. The digital experience of the Moscow region can be replicated, and new algorithms for interdepartmental RMC communication are applicable in other regions of the Russian Federation.

Keywords:

Moscow region, Regional Management Center, digital technologies, interdepartmental interaction, regional management

References

1. Bakshueva Ye. Yu. [Challenges and prospects for the Regional Management Center in the Republic of Buryatia as an effective tool to improve availability, quality and safety of medical care]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin], 2021, no. 3, pp. 141–155.
2. Bolshakova K. U., Klimova A. V. [Regional management centers as a new form of management activity]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* [RUDN Journal of Public Administration], 2022, vol. 9, no. 4. pp. 391–400.
3. Golovanov V. I. [Best practices in using digital technologies in the system of working with citizens' appeals in state authorities of the subjects of the Russian Federation]. In: *Munitsipal'naya akademiya* [Municipal Academy], 2020, no. 3, pp. 13–20.
4. Demina Yu. A. [The choice of technologies and ICT infrastructure of the "Smart City" for solving urban problems]. In: Morozov Yu. V., ed. *Intellektual'nyi potentsial molodykh uchenykh kak draiver razvitiya APK: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh i obuchayushchikhsya, Sankt-Peterburg, 24–26 marta 2021 g.* [The intellectual potential of young scientists as a driver for the development of the agro-industrial complex: materials of the international scientific and practical conference of young scientists and students, St. Petersburg, March 24–26, 2021]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2023, pp. 648–650.
5. Kozlov P. A. [RMC: problems of functioning at the local level]. In: Ushakova E. V., Borisova T. A., eds. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie: aktual'nye problemy i sovremennye trendy: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 17–18 noyabrya 2022 g.* [State and municipal management: current problems and modern trends: collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 17–18, 2022]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet tekhnologii upravleniya i ekonomiki Publ., 2023, pp. 395–405.
6. Naumov A. A. [Information technologies in the practice of state and municipal government of the Moscow region]. In: Balytnikov V. V., ed. *Edinstvo publichnoi vlasti v usloviyakh sovremennogo obshchestva: sbornik trudov Tsentra issledovaniy problem territorial'nogo upravleniya i samoupravleniya* [Unity of public authority in the conditions of modern society. Collection of works of the Center for Research on Problems of

Territorial Administration and Self-Government]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet Publ., 2020, pp. 67–73.

7. Nikishin V. V. [Service decision-making mechanism (case of regional management level)]. In: *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* [Theory and practice of service: economics, social sphere, technology], 2022, no. 2, pp. 32–35.
8. Strekalovskaya E. V. [Regional Management Center as an element of the situational center]. In: *Pedagogika. Obrazovanie. Innovatsii – 2022: sbornik nauchnykh trudov po materialam V Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Anapa, 27 avgusta 2022 g.* [Pedagogy. Education. Innovations 2022: a collection of scientific papers based on materials from the V International Research Competition, Anapa, August 27, 2022.]. Anapa, NITS ESP v YUFO Publ., 2022, pp. 47–55.
9. Filatova O. G., Chugunov A. V. [Development of the e-participation ecosystem in Russia in the early 2020s: the role of social media and regional governance centers]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 2022, no. 2, pp. 120–137.
10. Shalaev A. V. [Managing a region during the period of digital transformation using the example of citizens' appeals to executive authorities]. In: *Ekonomika i sovremennyi menedzhment: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik statei XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 5 maya 2021 g.* [Economics and modern management: theory, methodology, practice: collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference, Penza, May 5, 2021]. Penza, Nauka I prosveshcheniye Publ., 2021, pp. 143–146.

ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БРАЗИЛИИ)

Стригунов Константин Сергеевич

- e-mail: sks6891@gmail.com
кандидат политических наук, ведущий аналитик,
Ассоциация специалистов по информационным операциям
124617, г. Москва, г. Зеленоград, корп. 1425, кв. 109,
Российская Федерация

Манойло Андрей Викторович

- e-mail: 9315891@gmail.com
доктор политических наук, профессор кафедры
международных отношений и внешней политики,
Московский институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стригунов К. С., Манойло А. В. Преступные организации как деструктивные политические акторы (на материалах Бразилии) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.06.2023
- Статья размещена на сайте 12.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Бразильские преступные организации как де-факто политические субъекты
Анализ взаимовлияния преступных организаций Бразилии и государственных институ-
тов в соответствии с трилатеральным континуумом \(КТГ-анализ\)](#)

[Криминальные квазигосударства и КТГ-сингулярность](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение механизмов деструктивного влияния преступных организаций на бразильское государство.

Процедуры и методы. Исследование проведено на примере бразильских преступных организаций с использованием трилатерального континуума «криминал–терроризм–государство». Использовались также методы системного и сравнительного анализа, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Выявлен механизм деструктивного влияния преступных сообществ на бразильское государство в соответствии с предложенным методом. Были также выявлены условия, при которых преступные сообщества Бразилии де-факто следует приравнять к террористическим организациям. Дано объяснение тому, что территориальный контроль и усиление преступных и / или террористических организаций теснейшим образом взаимосвязаны с деградацией государства и его институтов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования расширяют понимание влияния преступных сообществ на государство на примере Бразилии. Использование континуума «криминал–терроризм–государство» в качестве метода исследования позволяет графически отобразить влияние криминальных и террористических организаций на государство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Бразилия, преступные организации, банды, ополчения, КТГ-континуум, КТГ-сингулярность

ВВЕДЕНИЕ

Существующие в Бразилии преступные организации (ПО) банды и ополчения – оказывают огромное влияние на само государство и общественную жизнь. Причины, лежащие в основе появления этих организаций, привели к девальвации человеческой жизни и экстремальному гипернасилию. В целом за последние несколько десятилетий произошло скачкообразное увеличение количества самих ПО вместе с ростом их численности. Однако данный процесс не ограничивался исключительно увеличением количественных характеристик бразильских ПО. Сами криминальные структуры формировались с разными мотивационными принципами. Например, Первая

столичная команда (Primeiro Comando da Capital, PCC) формировалась на антигосударственной основе и осуществляет масштабные атаки против полиции, судей, начальников тюрем и прочих ведомств, что неоднократно отмечали бразильские исследователи [4; 8; 9; 10]. Одна из наиболее известных подобных акций была осуществлена в т. н. День матери¹. Однако PCC не занимается только криминальной деятельностью, хотя в политической сфере пока данная ПО ограничивается тактическими целями (подкуп, облегчение тюремной жизни и т. п.). По мнению исследователей, общая безнаказанность и коррупция судебной системы Бразилии предполагает, что любое движение к большей интеграции между PCC и политическими элитами встретит препятствия², однако есть основания считать, что у PCC есть политические цели, а если учесть размах деятельности этой банды, то выход на политический уровень возможен. Впрочем, как будет показано дальше, в реальности PCC и подобные ей ПО или транснациональные преступные организации (ТПО), конкретно – банды третьего поколения, в соответствии с классификацией Дж. Салливана³, уже де-факто оказывают политическое влияние.

Ситуация ещё специфичнее в случае с ополчениями (милициями, порт. *milícias*). Согласно работе Залуара, Консейсана [15] термин «ополчение» / «милиция» относится к полицейским и бывшим полицейским (в основном военным), пожарным и тюремным надзирателям, прошедшим военную подготовку и принадлежащим к государственным учреждениям. Они берут на себя ответственность защищать и обеспечивать «безопасность» в районах, которым предположительно угрожают торговцы наркотиками. Согласно авторам эти группы бывших полицейских представляют собой то же явление, которое в 1960–1980-х гг. называлось группами истребления (порт. *grupos de extermínio*, т. е. «эскадроны смерти») в Байшада-Флуминенсе и в Западной зоне города Рио-де-Жанейро. Новизна ополченцев

¹ Downie A. Behind Brazil's Killing Spree // Time: [сайт]. URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1195272,00.html> (дата обращения: 11.06.2023).

² Ibid. P. 49.

³ Согласно классификации Дж. Салливана выделяется 3 поколения банд (Generation Gangs). Наиболее "продвинутые" банды – третьего поколения (в данной работе 3GG) – действуют на глобальном конце спектра и являются более изошёнными по своей природе. Этот тип банд может использовать либо квазитерроризм, либо настоящий терроризм для усиления своего влияния. Такие банды – сетевые воины, бросающие вызов национальному государству [12; 13].

состоит только в расширении бизнеса за счёт «продажи» товаров и услуг. Отмечается, что данная характеристика ополченцев в Рио-де-Жанейро также присутствовала в начале деятельности итальянской и североамериканской мафий. Кроме того, контроль над территорией, на которой в настоящее время преобладает военная сила, также становится центральной чертой ополченцев в Рио-де-Жанейро, где эти акторы, незаконно действующие во многих нищих районах, установили тесную связь с политическим миром.

Ополчения не подкупают государственных чиновников, а действуют рука об руку с политиками того или иного штата с единой целью – устранять конкурентов, доминировать в поставках товаров на местном уровне и контролировать незаконные рынки. Фактически ополчения и другие ПО 3GG по типу РСС в состоянии выполнять ряд социальных функций и тем самым в этом аспекте заменять государство. Другими словами, на территориях, находящихся вне контроля со стороны государства, действует параллельный суверенитет ПО, частично или полностью вытеснивших государственную власть. Фактически установление полного или частичного контроля идёт со стороны криминальных структур, которые постепенно, через насилие, перехватывают контроль над территорией.

Однако наблюдается движение и с противоположного направления, когда государственные чиновники и структуры становятся неотличимы от криминальных лидеров (действующие полицейские одновременно являются ополченцами). В таком случае контроль ими территорий ведёт к формированию альтернативного суверенитета со стороны негосударственного делинквентного актора.

Целью данной работы является определение механизмов деструктивного влияния преступных организаций на бразильское государство. Исследование проведено на примере бразильских преступных организаций с использованием трилатерального континуума «криминал–терроризм–государство». Использовались также методы системного и сравнительного анализа, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

БРАЗИЛЬСКИЕ ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДЕ-ФАКТО ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ

Бразильские банды и ополчения влияют на реконфигурацию государства и формируют зоны беззакония с параллельным суверенитетом. Первичным фактором выступает насилие, т. е. препятствие доступа на подконтрольную территорию враждебным группировкам и захват новых районов силой оружия. Кроме того, существуют разновидности контроля в виде реагирования на какие-либо инциденты (подобным образом действуют некоторые ополчения в Рио-де-Жанейро). Важнейшим признаком является монопольное право на насилие, и неважно, осуществляется ли оно лично членами ПО или же с их разрешения, – главное, чтобы в конечном итоге дозволение на него оставалось за ПО [6]. Несмотря на то, что зоны контроля ПО являются частью города и всего государства, по сути, наблюдается эффект *фактической сецессии*, т. к. государство там либо не присутствует, либо его влияние несущественно.

Немаловажно дать и оценку тому, насколько ПО Бразилии схожи с террористическими организациями (ТО). Для этого существует соответствующий инструмент – континуум «криминал-терроризм» (англ. The Crime–Terror Continuum [11]), разработанный Т. Макаренко (рис. 1). Практически не вызывает сомнений, что по целому ряду признаков отдельные бразильские банды и ополчения двигаются в сторону от левого края континуума к центру, находясь ближе к синдрому «чёрной дыры» (где стираются различия между ПО и ТО), поскольку в Бразилии фиксируются случаи союза с террористическими группировками. В частности, взаимодействие осуществляется с Хезболлой⁴, например, со стороны РСС⁵. Хезболла помогает РСС получать оружие на чёрном рынке, в то время как крупнейшая бразильская банда помогает Хезболле с её потребностями в т. н. Трёхграничной зоне (англ. the Tri-Border Area [5]), расположенной на стыке Бразилии, Аргентины и Парагвая.

⁴ В России данная организация не причисляется к террористическим, однако США, Израиль и ряд других стран относят её к террористическим организациям.

⁵ Keshavarz A. Iran and Hezbollah in the Tri-Border Areas of Latin America: A Look at the «Old TBA» and the «New TBA» // Small Wars Journal: [сайт]. URL: https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/iran-and-hezbollah-in-the-tri-border-areas-of-latin-america-a-look-at-the-%E2%80%9Cold-tba%E2%80%9D-and-the#_ednref32 (дата обращения: 13.06.2023).

Криминальные структуры в своей первичной форме являются собой паразитарные негосударственные насильственные акторы в общественно-государственной системе вследствие несовершенства государственного устройства и других негативных факторов (в Бразилии это – коррупция, экономические проблемы, ликвидация социальных лифтов, сегрегационные расовые / классовые явления по типу апартеида; в других государствах наблюдается также инфильтрация чужеродных этнорелигиозных и этноконфессиональных групп и т. п.), а также присутствия в любом обществе делинквентных элементов. На определённом этапе некоторые ПО (как это было в случае с РСС) могут для улучшения собственной организации и мобилизации использовать идейно-политическую мотивацию. Тогда с увеличением их территориального господства и вытеснением с захваченных территорий властей и конкурирующих групп они могут достичь уровня ЗГГ. С этого момента ПО уже слабо отличаются (а в некоторых случаях – вообще неотличимы) от насильственных негосударственных акторов с политической мотивацией – будь то повстанческое движение или ТО (различие между которыми часто довольно условное и во многом зависит от точки зрения того или иного государства или власти). Следовательно, у отдельных ПО (бразильских, в частности) *де-факто* политические цели могут формироваться тогда, ког-

да они оказываются в состоянии удерживать территорию под своим контролем в течение длительного времени. Террористические же организации имеют изначальные политические цели независимо от того, контролируют ли они территорию или нет, влияют ли они на принятие решений органами государственной власти или не влияют, но пытаются.

В целом с развитием глобальных кризисных явлений и ухудшением социально-экономических условий в государствах появление террористических, экстремистских и криминальных организаций с де-факто политическими целями получит новый мощный импульс. ПО уровня 3GG с наибольшей вероятностью могут появляться, с одной стороны, в тех государствах, которые в силу исторических причин так и не сумели стать полноценными, а с другой стороны, в тех из них, которые в кризисный период понесут самые тяжёлые потери. Тогда с наибольшей вероятностью появятся ПО, способные осуществлять длительный территориальный контроль и заменять там государство, а значит, де-факто добиваться политических целей. Бразилия – в числе таких государств.

Сам факт контроля ПО значительных территорий, где присутствие государства либо нулевое, либо минимальное, уже де-факто приводит к политическому результату, поскольку такие территории больше напоминают квазигосударственные анклавы, которые только формально считаются частью Бразилии.

АНАЛИЗ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БРАЗИЛИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В СООТВЕТСТВИИ С ТРИЛАТЕРАЛЬНЫМ КОНТИНУУМОМ (КТГ-АНАЛИЗ)

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что отдельные бразильские ПО в соответствии с континуумом Т. Макаренко имеют все признаки конвергенции с террористическими организациями, как минимум на третьей фазе интеграции левой части спектра – политической преступности. Таким образом, колоссальный ресурсный потенциал, перманентный социально-экономический кризис и привлечение лиц, обладающих значительным опытом и навыками подрывной работы (например, FARC [14]), массовый переход действующих или бывших государственных служащих в криминальную сферу, исполь-

зование в ряде случаев религиозной составляющей для обоснования территориальной экспансии и мобилизации сторонников указывают на то, что, во-первых, эти ПО – уровня 3GG в соответствии с классификацией Дж. Салливана, а во-вторых, их влияние на государство, специфика организации, боевая мощь, использование тактических приёмов, характерных для военизированных групп, и – что следует признать – наличие частичной поддержки среди населения делают данные ПО весьма схожими с крупнейшими ТО. Разумеется, это не может не сказываться на самом бразильском государстве, что в действительности и происходит практически на всех уровнях государственной организации и сферах жизни, оказывая влияние на жизнь десятков миллионов человек, отражаясь на культуре, на безопасности и пр.

Параллельно с усилением криминальных структур происходит ослабление государственных институтов, их трансформация в ПО, но имеющие государственное прикрытие. Причём государственный чиновник (военный, полицейский или др.), ставший на преступный путь и действующий в банде или ополчении при сохранении своей должности не является *де-факто* госслужащим, но сохраняет формально данный статус. Более того, если ПО, членом которой является этот госслужащий, контролирует территорию, где государство фактически вытеснено, то относительно ПО это лицо является его (ПО) участником высокого ранга, которое действует по отношению к государству как внедрённый в него преступный агент. В таком случае на указанной территории государство вторично по отношению к ПО. Из этого следует, что подобное состояние сильно отличается от обычного коррупционера или чиновника (например, высокопоставленного полицейского), который скрытно управляет какой-либо криминальной группировкой в собственных интересах. В рассматриваемом случае государство превалирует над преступной организацией, а замаранный чиновник представляет собой только классического «оборотня в погонах». Однако, когда ПО *доминирует* над государством на той территории, которую она контролирует, всё в точности наоборот: криминальный элемент с высоким иерархическим статусом внутри ПО мимикрирует под государственного чиновника.

Разница между этими явлениями может показаться не принципиальной, но только до тех пор, пока не будет дана оценка степени влияния ПО, к которой относится обсуждаемый пре-

ступник, на той или иной территории. Когда государство контролирует свою территорию, хотя и может иногда встречать ожесточённое противодействие своему контролю со стороны ПО, тогда такой криминальный элемент можно считать только «оборотнем в погонах», поскольку государственные институты сохраняются, пусть и демонстрируют невысокую степень эффективности, а также поражены коррупцией. Обсуждаемый субъект являет собой лишь пример морально деградировавшего человека, использующего своё служебное положение в узкокорыстных целях, но всё же встроенного в более-менее функционирующий институт власти. Однако если государство присутствует лишь номинально, а подобных зон беззакония на его территории много (и, следовательно, можно говорить о системном явлении, а не о печальном исключении из общего правила), тогда обсуждаемый субъект в гораздо большей степени криминальный элемент, чем государственный чиновник, поскольку институты власти не просто плохо работают, а почти полностью отсутствуют в данной зоне, будучи не более чем оболочкой, имитирующей присутствие государства, однако де-факто его там нет. И хотя между описанными состояниями не существует чёткой разграничительной линии, разница между ними принципиальна. Она выражается в том, что сильно коррумпированное государство с тесно интегрированными криминальными элементами даже на высоких должностях (по сути, совмещающими в себе официальный и криминальный статус) сохраняет свою государственность. Однако в ситуации, когда ПО вытесняет государство, статус криминального элемента уничтожает статус госчиновника. Данное лицо находится вне государства, т. е. не как преступник, действующий вне правового поля на территории своего государства, опасаясь, что к нему в любой момент могут прийти из службы собственной безопасности, прокураторы или контрразведки, а будучи элементом негосударственного делинквентного субъекта и актора, заместившего государство на части его территории. *Следовательно, способность насильственным путём установить территориальный контроль есть системообразующий фактор, наличие которого позволяет различить вышеупомянутые случаи.* Отметим, что в феноменах банд и ополчений Бразилии данный фактор присутствует в полной мере.

Важно подчеркнуть, что по мере усиления территориального контроля сами ПО уже не являются в чистом виде только

криминальными структурами, но всё больше приобретают черты государства. В этой связи целесообразно рассмотреть эволюцию бразильских банд поколения 3GG не только через призму континуума Макаренко, но и в соответствии с моделью, которая в себе совмещает не только криминальные организации и терроризм, но и государство – т. н. трилатеральный, или КТГ-континуум (криминал–терроризм–государство [3], рис. 2).

Рис. 2 / Fig. 2. Континуум «криминал–терроризм–государство» (КТГ-континуум). Сингулярность – полная интеграция криминальных и / или террористических структур с государством вследствие деградации его институтов / Continuum «Criminal-Terrorism-State» (CTS-continuum). Singularity is the integration of criminal and/or terrorist structures with the state due to the degradation of its institutions

Источник: [3]

Данный континуум является модификацией континуума Т. Макаренко, но с одним принципиальным дополнением, а именно с интеграцией в его схему третьего субъекта – государства. Введение третьей вершины в континуум Т. Макаренко было обусловлено тем, что с усилением криминальных или террористических организаций государство не может сохранять эффективность своих институтов и собственную структуру. Более того, системные проблемы государства и общества создают импульс к деструкции государственных институтов,

и здесь наблюдается явная зависимость. Невозможно состояние, когда государство сохраняет или тем более усиливает собственные институты власти при одновременном и повсеместном усилении криминала и / или терроризма. Как показала практика, деградация государства и усиление преступных и / или террористических организаций теснейшим образом взаимосвязаны, а значит, из этого логически следует необходимость расширить континуум с включением в него государственного субъекта.

КРИМИНАЛЬНЫЕ КВАЗИГОСУДАРСТВА И КТГ-СИНГУЛЯРНОСТЬ

В работе над КТГ-континуумом мы показали, как преступные и террористические организации в состоянии сражаться с государством, переходя от стадии антагонизма к симбиозу. Следующий эволюционный этап данного процесса представляет собой появление на некоторой территории криминального либо террористического квазигосударства, но с уточнением, что на практике трудно найти «чистое» криминальное квазигосударство или террористическое квазигосударство. В результате возможна интеграция всех трёх субъектов в одной *сингулярной* точке (КТГ-сингулярность, на рис. 2 в центре треугольника). Иными словами, *сингулярность* полная интеграция криминальных и / или террористических структур с государством вследствие деградации его институтов. Однако из такой конфигурации следует, что, в отличие от континуума Т. Макаренко (см. рис. 1), положение состояния того или иного субъекта (криминального, террористического или государства) не может быть отображено одной точкой. Поясним: на континууме Т. Макаренко, например, положение ПО меняется слева направо по мере того, как ПО становится всё более похожей на ТО; и наоборот, по мере того, как ТО становится похожей на ПО, её положение на континууме Т. Макаренко смещается влево. Однако в трилатеральном континууме положение субъекта отображается не на линии, а на плоскости, образуемой третьей вершиной треугольника – государством. В этом состоит отличие, поскольку состояние государства и ПО / ТО не может быть

отображено одной точкой на КТГ-континууме, если речь идёт сразу о двух субъектах – государственном и негосударственном (ПО или ТО). Отображать положение только одного субъекта нецелесообразно, т. к. это лишь снизит исследовательский потенциал, а также не отвечает одной из основных целей данной работы, а именно – выявлению деструктивного влияния эволюции бразильских ПО на государство Бразилию.

При этом возникает довольно примечательный эффект. Деструктивное воздействие на государство (или его часть – штат, провинцию и т. п.) со стороны ПО было бы неверно рассматривать, отталкиваясь от одной отдельно взятой ПО, ведь разрушительное воздействие на государство (или его часть, например, на уровне штатов) осуществляется не одной бандой или ополчением, а их совокупностью, т. е. криминальный субъект в Бразилии с этой точки зрения следует рассматривать как *интегральную* величину. Данный вывод следует из того факта, что никакая, даже самая мощная банда 3GG, например РСС или CV (Comando Vermelho), не даёт решающего вклада в этот деструктивный эффект, но совокупное воздействие на бразильское государство (или его регионы) всех бразильских ПО, в т. ч. транснациональных, массированно разрушает институты, на что указывает значительный территориальный контроль бандами и ополчениями⁶. В таком случае положение ПО на КТГ-континууме (рис. 3) показывает то, насколько бразильские ПО продвинулись в трансформации в де-факто криминальное квазигосударственное(ые) образование(ия), имеющее(ие) ряд признаков, отображённых на КТГ-континууме (сторона «организованная преступность–государство»).

⁶ Исследования территориального контроля ПО в Бразилии проводили бразильские специалисты из Группы по изучению нового нелегализма в Федеральном университете Флуминенсе (г. Рио-де-Жанейро) и Центра изучения насилия в университете Сан-Паулу. См.: Mapa dos grupos armados do Rio de Janeiro // Núcleo de Estudos da Violência da USP: [сайт]. URL: <https://nev.prp.usp.br/mapa-dos-grupos-armados-do-rio-de-janeiro> (дата обращения: 15.06.2023).

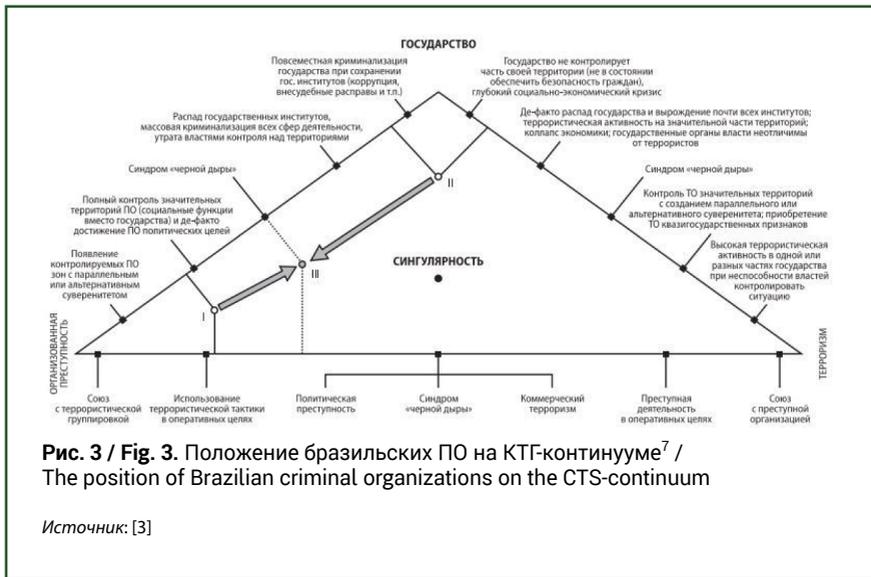

Рис. 3 / Fig. 3. Положение бразильских ПО на КТГ-континууме⁷ /
The position of Brazilian criminal organizations on the CTS-continuum

Источник: [3]

Исходя из примечания к рисунку, положение криминально-го субъекта (интегральное, синергетическое воздействие всех бразильских ПО) и стадия деградации государства (либо на субгосударственном уровне) отображаются отдельно – точкой I и точкой II соответственно. Если бы речь шла только о ТО, оказывающих на государство схожее воздействие (а само государство также деградировало бы вследствие распада институтов и утраты контроля над территориями), на КТГ-континууме интегральное воздействие этих ТО отобразилось бы точкой I, но в области между сингулярностью и стороной «терроризм–государство». Отметим, что положение ПО или ТО (точка, отображающая их эволюцию на КТГ-континууме) не является интегральной величиной только в тех случаях, когда одна ПО или

⁷ Положение бразильских ПО на КТГ-континууме (характеризует интегральное разрушительное воздействие ПО на Бразилию как государство или отдельные его регионы) обозначено кружком с римской цифрой I. Степень деградации государственных институтов обозначена кружком с римской цифрой II. Предположительно, при сохранении текущих тенденций интегральное разрушительное воздействие бразильских ПО на государство (либо его отдельные области / штаты) окажется настолько значимым, а степень деэволюции государственных институтов настолько глубокой, что они могут совпасть в положении III. На этой стадии ПО достигают уровня криминального(ых) квазигосударства(в), близкого к КТГ-сингулярности.

ТО оказывает решающий вклад в деструкцию государства, а влиянием остальных подобных субъектов можно пренебречь. Примером подобного доминирующего негосударственного субъекта (с признаками квазигосударства) можно считать «Талибан»⁸ в Афганистане. «Талибан» стал доминирующей силой в Афганистане с претензией на легитимизацию международным сообществом. Ещё одним примером можно считать «Исламское государство»⁹, которое на протяжении длительного времени удерживало под оккупацией значительную часть территории Сирии и Ирака [1; 2].

Примечательно, что даже при изначально высоком уровне криминализации государства (и Бразилия здесь не исключение) ПО не оказывают фундаментального разрушительного влияния на него, поскольку у них изначально не было мотива сецессировать из состава государства или изменить его социально-политическое устройство. Террористические организации, иногда – национально-освободительные движения, действующие террористическими методами, – напротив, сразу активируются в военно-повстанческой форме. Это логично: вставшая на путь преобразования общественно-политического устройства сообразно собственным представлениям организация изначально должна резко интенсифицировать градус противостояния с государством и его органами безопасности – настолько, насколько это ей позволяют ресурсы и ряд других факторов. Поэтому динамика развития повстанческих / террористических организаций при условии, что государство не в состоянии эффективно им противодействовать, с ранних этапов их деятельности развивается стремительно. Криминальные организации изначально не стремятся к подобным целям и действуют лишь ради извлечения прибыли незаконным путём, вследствие чего у них нет мотива для разрушения или изменения государства. Однако по мере своей эволюции ПО проходят ряд стадий, после которых ситуация начинает радикально меняться. Постепенно их деятельность разрастается, осуществляется экспансия сначала в сопредельные территории, контролируемые криминальными конкурентами, после чего деятельность ПО интернационализируется и ПО трансформируется в ТПО. Более того, у них появляются признаки выхода в политическую область и легитимизации своей деятельности

⁸ Террористическая организация, запрещённая в России.

⁹ Террористическая организация, запрещённая в России.

[7], в т. ч. через указанный ранее фактор территориального контроля, который, по сути, практически не отличается от инсurreкции в отдельно взятом государстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В силу специфики любых сложных социальных систем и усложнения их организации (крупные криминальные структуры являются разновидностью таких систем), ПО стремятся к увеличению своей экспансии. Основных причин тому две:

1) всякое достаточно крупное, сложное и высокоорганизованное сообщество, будь то государственное ведомство или негосударственные насильственные акторы по типу ПО, стремится к расширению своего влияния и контроля над ресурсной базой, и сдерживается либо балансом сил и интересов (если речь идёт о государственных ведомствах), либо с помощью прямого насилия (если речь ведётся о противодействии государства по отношению к ПО); разумеется, есть и промежуточные версии, но сути это не меняет;

2) значительная часть даже высокоразвитых ПО, будучи не в состоянии что-либо производить, т. е. создавать настоящую многоукладную экономику, сосредотачиваются лишь на присвоении и перераспределении ресурсов незаконным путём и стремятся к расширению своих владений.

Чем больше криминальная организация, тем больше растёт её необходимость захвата новых территорий и вытеснения с них конкурентов и государства. Это обусловлено организационным усложнением, когда для поддержания прежней эффективности потребность в новых ресурсах растёт нелинейно. В сложных системах более всего проявляется синергия, поэтому для поддержания достаточной эффективности для организации в 10 тыс. человек нужно больше ресурсов в пересчёте на одного её участника, чем для организации в 100 человек. Для существования крупной ПО требуется больше ресурсов для обеспечения конспиративной деятельности, происходит неизбежное структурное усложнение ПО из-за всё более углубляющегося разделения труда, необходимости привлечения высококвалифицированных специалистов для выполнения заданий и работы, требующих специальных навыков, а значит, для этого необходимо соответствующее оборудование, для приобретения которого также нужны новые ресурсы, и т. д. Рост

территориального контроля обуславливает необходимость увеличения количества транспортных средств, чтобы обладать физической возможностью реагировать на вторжение конкурентов, мобилизовать боевиков на отдельном участке в короткие временные сроки. Следовательно, для этого нужно увеличение количества единиц транспорта, топлива, средств связи и пр. Поскольку ПО ничего не производят (возможно, за исключением некоторых банд ЗГГ и картелей), а лишь присваивают и перераспределяют ресурсы, получить они их могут только тремя основными путями:

1) когда поток наркотиков, оружия, контрабанды бытовых товаров и пр. увеличивается в силу ряда обстоятельств: политических аспектов (войны и другие формы социально-политической нестабильности, ведущие к росту «серого» и «чёрного» трафика), социальных (например, рост потребления дешёвых наркотиков, а также в целом пауперизация населения, провоцирующая его криминализацию), вопросов безопасности (дальнейшее усугубление коррупции властей, органов безопасности, военных, а также следствие, снижение эффективности их борьбы с преступностью), логистики (например, строительство новых портов, увеличивающее пропускную способность поставок запрещённых товаров) или комбинации вышеперечисленного;

2) за счёт захвата новых территорий, вытеснения оттуда конкурентов и государства, а также выхода на транснациональный уровень;

3) комбинацией двух вышеозначенных путей.

Разумеется, существует множество препятствующих этому факторов – противодействие государства, в т. ч. в форме борьбы с ПО, реформы, направленные на решение самых острых социально-экономических проблем, и т. п., однако не в ситуации, когда эффективность работы государства низка, а системные факторы деградации общества сами порождают новые ПО и ведут к росту их влияния.

При этом на определённом этапе для ПО всё больше требуется легитимизация своей деятельности в глазах населения, дабы оно не противодействовало распространению ПО, а напротив, частично или полностью поддерживало её. Отчасти это связано с принципом выбора меньшего из зол, отчасти – с принятием того факта, что ПО в ряде случаев выполняют более эффективно социальные функции, чем государство. Тогда уже

нельзя говорить о чисто криминальных мотивах ПО (извлечение прибыли незаконным путём); напротив, на отдельных территориях они приобретают всё больше государственных признаков. В Бразилии им соответствуют некоторые ополчения и самые крупные банды. На данном этапе такого типа ПО уже мало чем отличаются от террористических организаций, поскольку они *де-факто* меняют общественное устройство на значительных территориях и вытесняют оттуда государство, представляя угрозу его суверенитету.

Таким образом, результаты данного исследования расширяют понимание влияния преступных сообществ на государство на примере Бразилии. Подобные деструктивные явления необходимо учитывать органам государственной власти Российской Федерации, которые участвуют в выработке российской внешней политики в отношении государств, в которых ПО в состоянии осуществлять территориальное доминирование и *де-факто* стремиться достичь политических целей.

Наконец, использование континуума «криминал–терроризм–государство» в качестве метода исследования позволяет графически отобразить влияние криминальных и террористических организаций на государство. Данный метод может быть использован для дальнейших исследований преступности высокой интенсивности, деструктивно влияющей на государственный суверенитет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голунов С. В. Террористический «халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 2. С. 87–103.
2. Степанова Е. А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 198 с.
3. Стригунов К. С., Манойло А. В., Петренко А. И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет тёмной глобализации. М.: Горячая линия-Телеком, 2022. 304 с.
4. Andrade F., Almeida F. Organização criminosa transnacional: respondendo ao risco com Inteligência // Revista Brasileira de Ciências Policiais, Brasília, Brasil. 2022. Vol. 13. № 8. P. 333–358. (на порт. яз.)

5. Bunker R. Criminal-States and Criminal-Soldiers. NY: Routledge, 2008. 368 p.
6. Cano I. Seis por Meia Dúzia?: um estudo exploratório do Fenômeno das Chamadas 'Milícias' no Rio de Janeiro // Justiça Global. Segurança, Tráfico e Milícias no Rio de Janeiro. Rio de Janeiro: Fundação Heinrich Böll, 2008. P. 48–103. (на порт. яз.)
7. Carnevale D. Criminal humanitarianism. A visual exploration of criminal legitimisation, between alternative moralities and the political vacuum // Interdisciplinary Political Studies. 2019. Vol. 5. № 1. P. 79–125.
8. Diogo P. O Cartel e o Comando: território e territorialidade no Cartel de Sinaloa e no Primeiro Comando da Capital: dis. ... Doutorado em Ciências Sociais. Brasília, 2021. 287 p. (на порт. яз.)
9. Duarte T. Vácuo no poder? Reflexões sobre a difusão do Primeiro Comando da Capital pelo Brasil // Revista Crítica de Ciências Sociais. 2020. № 122. P. 77–96. (на порт. яз.)
10. Lima M., Oliveira A., Leão S. O impacto das organizações criminosas na sociedade Brasileira luz da serie Guerra sem fim: o Povo // Revista Científica Multidisciplinar. 2022. Vol. 3. № 6. P. 1–26. (на порт. яз.)
11. Makarenko T. The Crime-Terror Continuum: Tracing the Interplay between Transnational Organized Crime and Terrorism // Global Crime. 2004. Vol. 6. № 1. P. 129–145.
12. Sullivan J. Third Generation Street Gangs: Turf, Cartels and Netwarriors // Crime & Justice. International. 1997. Vol. 13. № 9. P. 95–108.
13. Sullivan J., Bunker R. Rethinking insurgency: Criminality, spirituality, and societal warfare in the Americas // Small Wars & Insurgencies. 2001. Vol. 22. № 5. P. 742–763.
14. Urban Conflict and Transnational Crime in Latin American Cities. In New Global Cities in Latin America and Asia: Welcome to the Twenty-First Century / ed. P. Baisotti. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022. 364 p.
15. Zaluar A., Conceição I. S. Favela sob o controle das milícias no Rio de Janeiro: que paz? // São Paulo em Perspectiva. 2007. Vol. 21. № 2. P. 89–101. (на порт. яз.)

ARTICLE INFORMATION

Authors

Konstantin A. Strigunov

- e-mail: sks6891@gmail.com
Cand. Sci. (Political Sciences), Leading Analyst,
Association of Information Warfare Specialists
korp.1425 kv. 109, Moscow, Zelenograd 124617, Russian Federation

Andrey V. Manoilo

- e-mail: 9315891@gmail.com
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department
of International Relations and Foreign Policy of Russia,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

FOR CITATION

Strigunov K. A., Manoilo A. V. Criminal organizations as destructive political actors (on materials of Brazil). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To determine the mechanisms of the destructive influence of criminal organizations on the Brazilian State.

Methodology. The study was conducted on the example of Brazilian criminal organizations using the trilateral continuum "Crime-Terrorism-State". The methods of systemic and comparative analysis, synthesis, generalization, and interpretation of the results were also used.

Results. The mechanism of the destructive influence of criminal organizations on the Brazilian State is revealed in accordance with the proposed method. The conditions under which Brazilian criminal organizations should de facto be equated with terrorist organizations were also identified. An explanation is given to the fact that territorial control and the strengthening of criminal and/or terrorist organizations are closely interconnected with the degradation of the state and its institutions.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the influence of criminal organizations on the state on the example of Brazil. The use of the “Criminal-Terrorism-State” continuum as a research method makes it possible to graphically display the influence of criminal and terrorist organizations on the state.

Keywords

Brazil, criminal organizations, gangs, militias, CTS-continuum, CTS-singularity

REFERENCES

1. Golunov S. V. [The terrorist “caliphate” as quasi-state: problem of conceptualization]. In: *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia], 2020, no. 2, pp. 87–103.
2. Stepanova E. A. *IGIL i fenomen inostrannykh boevikov-terroristov v Sirii i Irake* [ISIS and the phenomenon of foreign terrorist fighters in Syria and Iraq]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2020. 198 p.
3. Strigunov K. S., Manoilo A. V., Petrenko A. I. *Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii* [Drug cartels and criminal networks. The dawn of dark globalization]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2022. 304 p.
4. Andrade F., Almeida F. Organização criminosa transnacional: respondendo ao risco com Inteligência. In: *Revista Brasileira de Ciências Policiais, Brasília, Brasil*, 2022, vol. 13, no. 8, pp. 333–358.
5. Bunker R. *Criminal-States and Criminal-Soldiers*. New York, Routledge, 2008. 368 p.
6. Cano I. Seis por Meia Dúzia?: um estudo exploratório do Fenômeno das Chamadas ‘Milícias’ no Rio de Janeiro. In: *Justiça Global. Segurança, Tráfico e Milícias no Rio de Janeiro*. Rio de Janeiro, Fundação Heinrich Böll, 2008, pp. 48–103.
7. Carnevale D. Criminal humanitarianism. A visual exploration of criminal legitimisation, between alternative moralities and the political vacuum. In: *Interdisciplinary Political Studies*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 79–125.
8. Diogo P. O Cartel e o Comando: território e territorialidade no Cartel de Sinaloa e no Primeiro Comando da Capital: dis. ... Doutorado em Ciências Sociais. Brasília, 2021. 287 p.
9. Duarte T. Vácuo no poder? Reflexões sobre a difusão do Primeiro Comando da Capital pelo Brasil. In: *Revista Crítica de Ciências Sociais*, 2020, no. 122, pp. 77–96.

10. Lima M., Oliveira A., Leão S. O impacto das organizações criminosas na sociedade Brasileira luz da serie Guerra sem fim: o Povo. In: *Revista Científica Multidisciplinar*, 2022, vol. 3, no. 6, pp. 1–26.
11. Makarenko T. The Crime-Terror Continuum: Tracing the Interplay between Transnational Organized Crime and Terrorism. In: *Global Crime*, 2004, vol. 6, no. 1, pp. 129–145.
12. Sullivan J. Third Generation Street Gangs: Turf, Cartels and Netwarriors. In: *Crime & Justice. International*, 1997, vol. 13, no. 9, pp. 95–108.
13. Sullivan J., Bunker R. Rethinking insurgency: Criminality, spirituality, and societal warfare in the Americas. In: *Small Wars & Insurgencies*, 2001, vol. 22, no. 5, pp. 742–763.
14. Baisotti P., ed. Urban Conflict and Transnational Crime in Latin American Cities. In *New Global Cities in Latin America and Asia: Welcome to the Twenty-First Century*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2022. 364 p.
15. Zaluar A., Conceição I. S. Favela sob o controle das milícias no Rio de Janeiro: que paz? In: *São Paulo em Perspectiva*, 2007, vol. 21, no. 2, pp. 89–101.

ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Уразбаев Евгений Евгеньевич

- e-mail: urazbaev@gmail.com
кандидат политических наук,
доцент образовательно-научного кластера
«Институт образования и гуманитарных наук»,
руководитель образовательных программ направления
«Политология», «Социология» Высшей школы философии,
истории и социальных наук,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14,
Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Уразбаев Е. Е. Проблемы стандартизации российского политологического образования // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 18.01.2024
- Статья размещена на сайте 06.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Новые образовательные стандарты](#)

[Отсутствие профессионального стандарта](#)

[О концептуальных основаниях политологического образования](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Сформулировать основные вопросы, требующие рассмотрения при разработке и апробации новых российских образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки «Политология», и предложить направления их решения.

Процедура и методы. Публикация подготовлена с использованием методов анализа литературы и документов, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Автором выделены факторы, определяющие актуальность дискуссии о переосмыслении стандартизации политологического образования в России: указывается на то, что в процессе разработки и апробации новых образовательных стандартов в связи с переходом на обучение по новой системе высшего образования необходимо учитывать ряд проблем, возникших при реализации действующих стандартов – расплывчатое разделение уровней образования, избыточный набор общепрофессиональных компетенций, отсутствие ориентации на единый образовательный результат. Для обсуждения предлагаются формулировки указанного результата в зависимости от уровней и квалификаций выпускников программ направления «Политология». Автором были подчёркнуты проблемы позиционирования и восприятия политологов как внутри профессионального сообщества, так и со стороны представителей рынка труда. Были разобраны основные доводы экспертов о концептуальных и парадигмальных основаниях современного российского политологического образования, проект профессионального стандарта для политологов.

Практическая значимость заключается в возможности расширить экспертную дискуссию о стандартизации российского политологического образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

компетенции, образовательная программа, политология, профессия политолога, стандарт

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность дискуссии о стандартизации российского политологического образования детерминирована несколькими факторами. В первую очередь этот вопрос нельзя оставить без внимания по причине планируемого с 1 сентября 2025 г. перехода на обучение по новой системе высшего образования, а

также по причине предшествующего ей процесса разработки и апробации самостоятельно устанавливаемых высшими учебными заведениями образовательных стандартов и федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) четвертого поколения.

Согласно документам Министерства науки и высшего образования РФ «Политология», входившая по ФГОС третьего поколения в укрупнённую группу специальностей и направлений 41.00.00 «Политические науки и регионоведение», войдёт в состав новой укрупнённой группы направлений (УГН) 13.00.00 «Политика, социология и международные процессы», к которой также будут относиться «Регионоведение», «Публичная политика», «Международные отношения», «Социология», «Демография». Здесь стоит отметить, что одно из значимых изменений – уже предполагаемое в макетах новых стандартов наличие базовых компетенций, которые будут едиными для всей УГН.

Несмотря на то, что для направления «Политология» останется возможность реализовать два уровня (ступени) образования – уровень базового высшего образования и уровень магистратуры (или специализированного высшего), – стандарты нового поколения потребуют структурных и содержательных изменений в сравнении с действующими ФГОС высшего образования третьего поколения для бакалавриата по направлению подготовки 41.03.04 «Политология» и магистратуры по направлению подготовки 41.04.04 «Политология».

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы сформулировать основные вопросы, требующие рассмотрения при разработке и апробации новых российских образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки «Политология», и предложить направления их решения.

Реализация цели предполагает использование соответствующего научного инструментария. Публикация подготовлена с использованием методов анализа литературы и документов, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ

Очевидно, что разработчикам новых требований предстоит обратиться к нерешённым проблемам, которые связаны с указанными стандартами. Среди них можно выделить отсутствие

явно очерченных границ между уровнями образования и нечёткий компетентностный портрет выпускников.

Реализация ФГОСов третьего поколения, по оценкам экспертов [13], изначально сопровождалась двумя трудностями. В целом следствием реформ в сфере образования в рамках присоединения к Болонскому процессу стало отсутствие достаточной содержательной проработки стандартов, образовательных программ, профилей и учебных планов со стороны регулирующих органов. С другой стороны, высшие учебные заведения, получившие большую самостоятельность в решении перечисленных вопросов, столкнулись с проблемой качественного разделения политологического образования бакалавриата и магистратуры. В ряде вузов первый уровень ориентировался на опыт реализации и набор дисциплин специалитета, став его «уменьшенной копией». На втором уровне встал вопрос о необходимости фундаментальной теоретической подготовки магистрантов, не имеющих профильного образования. Для магистратуры он особенно сложен с учётом требования стандарта заложить не менее 32,5% общего объёма программы для практической подготовки. Практико-ориентированность второго уровня образования выглядит логичной, однако следовать данному принципу представляется затруднительным, когда часть студентов на программе по первому полученному образованию никак не относится к представителям квалификаций социо-гуманитарной направленности. Вытекающая из этого проблема – необходимость «усреднения» сложности преподаваемого материала, который в рамках отдельных теоретических дисциплин начал дублировать то, что изучается на уровне бакалавриата.

Как и прежде, новые стандарты будут устанавливать общепрофессиональные компетенции (ОПК) по направлениям подготовки. ФГОСы третьего поколения для «Политологии» определяли, что не менее 40% общего объёма программы бакалавриата должны быть распределены на дисциплины, модули и практики, формирующие ОПК¹. В случае магистратуры речь шла не менее чем о 20%. При этом предполагалось, что обязательная часть программ должна отвечать за формирование

¹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 № 814 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 41.03.04 Политология» [Электронный ресурс]. URL: <http://fgos.ru/fgos/fgos-41-03-04-politologiya-814> (дата обращения: 15.12.2023).

целого перечня способностей, среди которых: выстраивать профессиональную коммуникацию; применять информационно-коммуникативные технологии и программы; давать экспертно-аналитические оценки социальным, и в частности политическим, процессам различных уровней; вести публицистическую, а также организационно-управленческую деятельность. В случае магистратуры, объём программ которой в два раза меньше, к указанному прибавлялись способности проводить как научные, так и прикладные исследования, вести педагогическую и консалтинговую работу².

В целом устоявшимся трендом в России остаётся представление о «Политологии» преимущественно как о гуманитарном направлении подготовки [10]. Но стоит отметить, что согласно сравнительному исследованию И. А. Бронникова и М. В. Цыбряевой [3, с. 132–134] в 2017–2021 гг. российские ведущие вузы в области политической науки, руководствуясь ФГОС, совершенно по-разному содержательно формировали образовательные программы, в том числе в обязательной части. На примере программ бакалавриата очевидно, что часть учебных заведений делала особый акцент на фундаментальной составляющей, часть – уделяла внимание отдельным предметным областям, а часть программ позволяла студентам самостоятельно выбирать прикладные модули, иностранные языки, дисциплины о региональной политической специфике, а также заниматься проектной работой.

В соответствие общепрофессиональному компетентностному портрету не менее широко ФГОСы третьего поколения для бакалавриата и магистратуры «Политологии» трактуют возможные сферы профессиональной деятельности выпускников, среди которых: научные исследования по тематике политической науки; экспертно-аналитическая деятельность в органах власти, иных институтах и организациях; публицистическая деятельность и распространение информации; урегулирование и администрирование отношений политических акторов и т. п. По мнению исследователей, указанные направления требуют конкретизации и профессиональной спецификации, так как не дают ответа на вопрос о разграничении компетенций политоло-

² Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 13.07.2017 № 654 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 41.04.04 Политология» [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-41-04-04-politologiya-654> (дата обращения: 15.12.2023).

логов и, к примеру, специалистов в сфере государственного и муниципального управления [5, с. 91–92]. Эксперты считают, что на практике освоение всех заявленных во ФГОС компетенций является невозможным [9, с. 58]. Более того, весь набор универсальных компетенций и ОПК, по оценкам исследователей, очевидно не соответствует национально-государственным интересам, что, в частности, выражено в отсутствии запроса на выпускника, готового работать на реализацию решений во внутренней и внешней политике России [2, с. 337].

Новые стандарты будут предполагать самостоятельное определение вузами профессиональных компетенций на основе профессиональных стандартов или с учётом перспектив развития рынка труда. При наличии базовых для УГН компетенций и запроса на какую-либо углублённую специализацию на конкретном рынке ориентация на широкий набор перечисленных ранее ОПК и сфер деятельности при разработке обновлённых требований к политологическому образованию кажется излишней. Однако видится уместным сразу указать в образовательном стандарте перечень обязательных дисциплин и модулей, формирующих фундаментальные знания теории науки, исследовательские, аналитические и организационно-управленческие компетенции. Возможный перечень соответствующих ОПК, на наш взгляд, можно раскрыть при помощи ориентации на единый образовательный результат (в контексте способов деятельности), который будет различаться в зависимости от уровня образования и объёма образовательной программы. К примеру, если для уровня базового высшего образования в качестве результата установить формулировку «Организация и управление прикладными, фундаментальными политологическими исследованиями; осуществление аналитического и организационного сопровождения процесса принятия политических решений, деятельности политических акторов», что одновременно направлено на политическую науку, прикладную аналитику, навыки политического управления и менеджмента и может соответствовать получению квалификации «политолога-эксперта», то для уровня магистратуры (специализированного высшего образования) потребуется изменить акценты.

Согласно пояснениям руководства Минобрнауки России пятилетнее базовое высшее образование, как и специализированное, откроет возможность выпускникам инкорпориро-

ваться в систему подготовки научных и научно-педагогических кадров³. Вторая ступень будет предполагать и однолетнее обучение, и двухлетнее. Учитывая это, логично предположить, что среди программ специализированного высшего образования усилятся разделение на академические и прикладные. Если отталкиваться от сформулированного ранее образовательного результата, вторая, академическая ступень «Политологии» должна быть направлена на углублённую научно-исследовательскую и преподавательскую работу, что соответствует условной квалификации «политолог-исследователь, преподаватель политологии». Прикладная программа будет ставить целью выпуск «политолога-аналитика» или «политолога-консультанта», ориентируясь на определённый профиль, связанный с запросом рынка.

Содержание и результат реализации образовательных программ двух ступеней в любом случае должны быть соотнесены с требованиями профильных организаций и представителей работодателей (исполнительные, законодательные, представительные государственные и муниципальные органы власти; подведомственные им некоммерческие организации; партии; общественные организации и средства массовой информации), которые необходимо вовлекать в образовательный процесс в целях как решения проблемы нехватки специалистов-прикладников в вузах, так и ознакомления: студентов – с актуальными проблемами политики и государственного управления, работодателей – со спецификой и уровнем подготовки обучающихся.

Привнесение прикладных задач в образовательный процесс уместно с учётом возрастающей необходимости применения активных и практико-ориентированных методов обучения. Это позволяет развивать и проблемное обучение, использовать групповые формы работы, ролевые, деловые и имитационные игры, вовлекать студентов в аналитическую и исследовательскую работу и т. п. Работодатель также может не только сформулировать «заказ» в отношении компетентного портрета выпускника, но и поручить обучающемуся решение прикладных задач в рамках практик, подготовки курсовых и выпускных квалификационных работ.

³ В Минобрнауки рассказали о новой системе высшего образования // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20230419/obrazovanie-1866291666.html> (дата обращения: 15.12.2023).

Несмотря на позитивные перспективы изложенного подхода, одной из главных проблем при выстраивании взаимодействия с профильными организациями и работодателями остаётся отсутствие «формализованных представлений» о профессии политолога, утверждённого профессионального стандарта и, как следствие, непонимание функций политологов подавляющим большинством представителей рынка труда.

ОТСУТВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА

Парадоксальность сложившейся ситуации заключается в том, что выпускник, представляющийся по ФГОС профессионалом широкого гуманитарного профиля, не имеет ясных перспектив трудоустройства: потенциальные работодатели не проявляют достаточного интереса к «специалистам в вопросах политики»; соответствующей профессии или должности нет в официальных государственных классификаторах [1, с. 101], – поэтому и представить «политолога» как штатную единицу какого-либо учреждения на сегодняшний день представляется затруднительным. Усугубляет проблему «турбулентность и кризисность» в развитии российского рынка политических профессий [15, с. 75].

Как дополняют С. В. Деманова и В. Г. Семенова: «Кроме того, не понятно, можно ли универсализировать должностные обязанности политолога и, соответственно, какие требования необходимо предъявлять к специалистам такой квалификации, так как каждой организации, исходя из специфики её деятельности, требуются специалисты с политологическим образованием, выполняющие совершенно разные функции. Если же данные требования нельзя универсализировать, то также встаёт вопрос, сколько профессиональных стандартов политолога должно существовать, на какие сферы деятельности данная профессия может быть разделена?» [5, с. 93].

Сложность в трудоустройстве молодых политологов была заявлена в качестве одной из главных проблем сообщества более 10 лет назад на учредительном Съезде Российского общества политологов (РОП) [12, с. 90]. Организация стала ответственным разработчиком⁴ проекта профстандарта, опубликованного в 2015 г.

⁴ Разработка профессионального стандарта «Политолог» // Российское общество политологов: [сайт]. URL: <https://ruspolitology.ru/proecty/18226> (дата об-

В проекте профстандарта от РОП деятельность политолога предлагается направить на «разработку, принятие и реализацию политических и управленческих решений структурами государственной власти и управления (федеральный, региональный и муниципальные уровни), политическими партиями, международными организациями, общественными и социокультурными институтами, субъектами экономической деятельности на основе методологии политической науки»⁵. Среди обобщённых трудовых функций были выделены:

- экспертно-аналитическая деятельность;
- политико-управленческая деятельность;
- взаимодействие с органами государственной власти, управления, негосударственными и международными организациями;
- преподавание обществоведческих и политологических дисциплин, воспитательная и научная работа с обучающимися;
- научно-исследовательская и научно-педагогическая деятельность в области политических наук.

Как подчёркивали О. В. Столетов и И. А. Чихарев, проект РОП является комплексным, в отличие от ряда профстандартов, близко примыкающих к политическим профессиям, и в высокой степени детализирован [14, с. 68]. Указанный проект, по их мнению, логично соотносит компетенции и уровни квалификации, а также учитывает опыт ведущих российских вузов, которые, выделяя схожие специализации, самостоятельно занимались профессиональной ориентацией абитуриентов и студентов направления «Политология» [15, с. 71].

На наш взгляд, проект профстандарта РОП, с одной стороны, претендовал на формирование целостного представления о сущности профессии политолога, с другой – чётко указывал на специализированные «ниши»: аналитика; научные исследования; политическое управление, менеджмент и технологии; педагогическая деятельность. Однако к 2024 г. проект так и не был утверждён, как и не стал предметом широких дискуссий между работодателями и политологами. Более того, академическое сообщество в последние годы активно обсуждает концептуальные основания политологического образования в целом.

ращения: 15.12.2023).

⁵ Профессиональный стандарт «Политолог» // Российское общество политологов: [сайт]. URL: <https://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/docs/Profstandart.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассуждая о проблемах российского политологического образования, И. Н. Гукова, Ж. В. Бойко и Л. С. Половнева резюмируют, что исследователями среди них выделяются не только несоответствие образовательных программ требованиям политического и экономического рынков, нехватка специалистов, необходимость применения практико-ориентированных методов обучения, но и зависимость от зарубежных концептов и моделей [4, с. 242].

Ряд исследователей сходятся во мнении, что по традиции, заложенной в 1980–1990-е гг., в основу преподавания политологии в России, действительно, легла зависящая от «либерально-плюралистического догматизма» теория [11, с. 67]. Так, например, А. Б. Шатилов указывает на идеологическую ангажированность западной политологии, которая в рамках «либерально-прогрессивистской парадигмы» оправдывала передовой характер западной цивилизации и преувеличивала значимость её опыта в развитии политических институтов [16, с. 94]. Таким образом, некоторые фундаментальные политологические концепции опрометчиво абсолютизировали либеральные идеологии и предлагали «универсальные» пути развития, во многом игнорируя национальные политические уклады, культуру и ценности, а также не обращали внимания на альтернативность, исторические особенности социального и государственного развития.

С начала 2000-х гг. исследователи, дискутируя о данной проблеме, всё чаще предлагают опираться не только на труды западных политологов, но и на работы отечественных исследователей, которые обособляли российские, посткоммунистические или региональные особенности политического развития. «До недавнего времени большинство изданных в России учебников политологии отличались стремлением авторов максимально использовать достижения своих западных коллег, выводы которых естественно базировались на анализе западноевропейского и североамериканского политических процессов. Анализ аналогичных процессов в посткоммунистическом мире, к которому принадлежат наряду с Россией страны Центральной и Восточной Европы, как правило, выносился за пре-

дела учебных пособий», – отмечали, к примеру, Н. И. Изергина и Д. А. Курзин [7, с. 150]. По мнению авторов, «прогрессистский» подход служит, скорее, препятствием для объективного анализа. С ними можно согласиться ввиду того, что политолог должен по умолчанию учитывать всю сложность, включая самобытность, политических процессов и систем во всех регионах мира, а также опираться на релевантные подходы и концепции для каждого конкретного случая.

Обращение к отечественному опыту развития знания о политике – один из способов избежать переоценки западной политологической традиции, как указывает Ю. В. Ирхин [8, с. 94]. В. Ю. Зорин и А. В. Абрамов, в свою очередь, фиксируют тенденцию сохранения интереса исследователей к внутрироссийской проблематике, что также говорит о поиске политологами национальной специфики. «От подражательства и некритичного применения западных научных концепций для объяснения российских политических реалий, что было характерно для начала 1990-х гг., российская политология постепенно переходит к вдумчивому и основательному анализу проблем, актуальных для страны», – пишут авторы [6, с. 13].

Работы отечественных экспертов свидетельствуют о продолжении дискуссии о концептуальных и парадигмальных основаниях российского политологического образования. Не менее интересным представляется и поиск миссии образования, ведь попытки её сформулировать возвращают нас к вопросу о стандартах для направления «Политология».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, образовательный стандарт нового поколения для направления подготовки «Политология» должен ориентироваться на чётко сформулированный образовательный результат, раскрывающий общеобязательные требования к выпускнику, в числе которых: способность проводить политологические исследования; обладание навыками политического управления и менеджмента.

Перечень профессиональных компетенций и возможных прикладных специализаций должен ориентироваться на запрос рынка, что необходимо обеспечить за счёт привлечения к обсуждению требований к профессии, а также к образовательному процессу в целом представителей профильных орга-

низаций из сферы политики, и в частности государственного управления.

Исходя из сложившейся дискуссии о концептуальных основаниях российского политологического образования, следует, что его задачами должны стать не только подготовка специалистов в сфере проработки и реализации политических решений, но и формирование у студентов понимания многосложной картины политической реальности, в том числе, за счёт развития навыков критического анализа как политических процессов и систем, так и теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В., Воробьев А. П. Проблемы политологического образования в современной России. Попытка количественного исследования // Обозреватель. 2021. № 7. С. 96–110.
2. Афанасьева К. А. Политический интерес Российского государства к участию в образовательных реформах: проблема невысказанности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. № 3. С. 334–340.
3. Бронников И. А., Цыбряева М. В. Политологическое образование в современных российских вузах (2017–2021 гг.) // Дискурс-Пи. 2021. № 4. С. 125–138.
4. Гукова И. Н., Бойко Ж. В., Половнева Л. С. Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения // *Via in tempore*. История. Политология. 2021. № 48. С. 238–248.
5. Деманова С. В., Семенова В. Г. Правовое обеспечение подготовки юристов и политологов в условиях внедрения профессиональных стандартов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 89–96.

6. Зорин В. Ю., Абрамов А. В. Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.12.2023).
7. Изергина Н. И., Курзин Д. А. Интеграция отечественного политологического сообщества в условиях социальной трансформации: некоторые проблемы политологического образования // Интеграция образования. 2006. № 1. С. 145–151.
8. Ирхин Ю. В. Российская политология: этапы генезиса и особенности институализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 94–102.
9. Медовщиков З. Н. Формирование профессиональной культуры студента-политолога // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 55-1. С. 56–59.
10. Никипорец-Такигава Г. Ю. Каким быть политологу? Существующие тренды и возможные перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 1. С. 17–35.
11. О социализирующей роли политологии как учебной дисциплины в условиях критического переосмысления либеральных западных доктрин / Г. Б. Орланов, П. Я. Фельдман, А. В. Федякин, Д. А. Ежов // Свободная мысль. 2022. № 2. С. 63–76.
12. Российское общество политологов – новый этап развития политологии в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 2. С. 89–91.
13. Семенова В. Г., Сергеева Е. П. Политологическое образование в условиях адаптации государственных стандартов третьего поколения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. № 1. С. 94–100.
14. Столетов О. В., Чихарев И. А. К вопросу о профессионализации деятельности в сфере политики: российская практика // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 59–71.
15. Столетов О. В., Чихарев И. А. Политические профессии и образовательные стандарты: Российский опыт // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 1. С. 66–76.
16. Шатилов А. Б. Российская политология: настало время модернизации и национализации? // Власть. 2022. № 4. С. 9–14.

ARTICLE INFORMATION

Evgenii E. Urazbaev

- e-mail: yrazbaev@gmail.com
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof.,
Institute of Education and Humanities,
head of educational programs in the areas of Political Science
and Sociology, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences,
Immanuel Kant Baltic Federal University
ul. Aleksandra Nevskogo 14, Moscow 236041, Kaliningrad,
Russian Federation

FOR CITATION

Urazbaev E. E. Problems of standardization of Russian political science education. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To formulate the main issues that require consideration when developing and testing new Russian educational standards for higher education in the training program “Political Science”, and to suggest ways of their solution.

Methodology. The publication was prepared using methods of analysis of literature and documents, synthesis, generalization and interpretation of results.

Results. The author highlights the factors that determine the relevance of the discussion about reinterpretation of political science education standardization in Russia: it is pointed out that in the process of developing and testing the new educational standards in connection with the transition to studying in a new higher education system, it is necessary to take into account a number of problems that arose during the implementation of existing standards: vague division of education levels, an excessive set of general professional competencies, lack of focus on a single educational result. Formulations of this result are proposed for discussion depending on the levels and qualifications of graduates majoring in “Political Science”. The author emphasized the problems of positioning and perception of political scientists both within the professional community and on the part of representatives of the labor market. The main arguments of experts

about the conceptual and paradigmatic foundations of modern Russian political science education, as well as a draft of professional standard for political scientists, were analyzed.

Research implications. The practical significance of the publication lies in the opportunity to expand the expert discussion on the standardization of Russian political science education.

Keywords:

competencies, educational program, political science, profession of political scientist, standard

REFERENCES

1. Abramov A. V., Vorobiev A. P. [Problems of political science education in modern Russia. An attempt at quantitative research]. In: *Obozrevatel* [Observer], 2021, no. 7, pp. 96–110.
2. Afanasyeva K. A. [Political interest of the Russian state in participation in educational reforms: the problem of unspokenness]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology], 2023, vol. 23, no. 3, pp. 334–340.
3. Bronnikov I. A., Tsybryaeva M. V. [Political science education in contemporary Russian universities (2017–2021)]. In: *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2021, no. 4, pp. 125–138.
4. Gukova I. N., Boyko Z. V., Polovneva L. S. [State of political education in modern Russia: problems and ways of their solution]. In: *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History and political science], 2021, no. 48, pp. 238–248.
5. Demanova S. V., Semenova V. G. [Legal provision and political scientists' training under the introduction of professional standards]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law], 2019, vol. 19, no. 1, pp. 89–96.
6. Zorin V. Yu., Abramov A. V. [State national policy, the consolidation of society and political science in modern Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 15.12.2023).

7. Izergina N. I., Kurzin D. A. [Integration of the domestic political science community in conditions of social transformation: some problems of political science education]. In: *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 2006, no. 1, pp. 145–151.
8. Irkhin Yu. V. [Russian political science: stages of genesis and features of institutionalization]. In: *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2011, no. 1, pp. 94–102.
9. Medovshikov Z. N. [Formation of professional culture of a political science student]. In: *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* [The National Association of Scientists], 2020, no. 55-1, pp. 56–59.
10. Nikiporets-Takigawa G. Yu. [What is a political scientist? Existing trends and possible perspectives]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLI-TEKS* [Political expertise: POLITEX], 2019, vol. 15, no. 1, pp. 17–35.
11. Orlanov G. B., Feldman P. Ya., Fedyakin A. V., Ezhov D. A. [On the socializing role of political science as an academic discipline in the context of a critical rethinking of liberal Western doctrines]. In: *Svobodnaya mys'* [Free thought], 2022, no. 2, pp. 63–76.
12. [Russian Society of Political Scientists – a new stage in the development of political science in Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], 2014, no. 2, pp. 89–91.
13. Semenova V. G., Sergeeva E. V. [Political science education in terms of adaptation state standards of third-generation]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology], 2012, no. 1, pp. 94–100.
14. Stoletov O. V., Chiharev I. A. [The issue of performance professionalization in the political sphere: Russian practice]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2016, special issue, pp. 59–71.
15. Stoletov O. V., Chikharev I. A. [Political professions and educational standards: the Russian experience]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], 2017, no. 1, pp. 66–76.
16. Shatilov A. B. [Russian political science: is it the time for modernization and nationalization?]. In: *Vlast'* [The Authority], 2022, no. 4, pp. 9–14.

УДК 159.9.072.432

ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ О СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Селезнева Елена Владимировна

- e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru;
доктор психологических наук, профессор,
эксперт научно-образовательного центра современных кадровых
технологий факультета оценки и развития управленческих кадров
Института «Высшая школа государственного управления»,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1,
Российская Федерация

Демидов Станислав Александрович

- e-mail: demidov-sa@ranepa.ru;
директор Центра развития лидерских и управленческих компетенций
Института «Высшая школа государственного управления»,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1,
Российская Федерация

Для цитирования

Селезнева Е. В., Демидов С. А.

Женское и мужское в представлениях государственных служащих
о современном российском руководителе // Российский социально-
гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.01.2024
- Статья размещена на сайте 27.03.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)
[Ключевые слова](#)
[Введение](#)
[Выборка и методы](#)
[Обсуждение результатов](#)
[Заключение](#)
[Литература](#)
[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности представлений государственных служащих – мужчин и женщин – о психологических характеристиках современного российского руководителя.

Процедура и методы. Было проведено эмпирическое исследование с использованием опросника, разработанного авторами на основе полученных ранее данных. Для обработки результатов использовался факторный анализ с varimax-вращением.

Результаты. В результате анализа эмпирических данных были выявлены психологические характеристики и описаны образы современных российских руководителей, которые присутствуют в представлениях государственных служащих независимо от их пола, а также показано, что содержание этих образов может варьироваться в зависимости от пола респондентов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие как психологии управления, так и теории социальных представлений, и могут быть использованы в практике кадровой работы, личностно-профессионального консультирования руководителей, а также в ходе организационного консультирования для выявления проблем во взаимодействии между руководителем и членами коллектива и выбора наиболее продуктивных методов преодоления конфликтов между руководителем и подчинёнными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

руководитель, современный российский руководитель, психологические характеристики, социальные представления, образ, половые особенности, государственные служащие

ВВЕДЕНИЕ

Качество деятельности и успешность развития любой социальной структуры, будь то организация, отрасль производства, регион или государство, определяется качеством управления этой структурой и, соответственно, качеством деятельности реализующих этот процесс специалистов в области управления. И, как показывает анализ управленческой практики, успехи или неудачи той или иной социальной структуры всегда и всюду оказываются связаны с деятельностью её управленческого состава.

Именно поэтому деятельность руководителя и его профессионально значимые личностные качества многие годы остаются постоянными объектами исследований в рамках теории менеджмента, психологии, социологии. При этом целью исследований может быть не только прямое изучение качеств руководителей как субъектов управленческой деятельности [см., например: 12; 20; 22; 23], но и выявление значимых личностных и деятельностных характеристик руководителя опосредованно – через изучение социальных представлений о нём [см., например: 13; 19].

Социальные представления, выступая как инструменты социального познания, поддержания стабильности психологической жизнедеятельности и формирования картины мира социума и / или индивида, детерминируют индивидуальное и групповое поведение [6], в том числе определяют особенности организационных и управленческих взаимодействий и тем самым – продуктивность деятельности организационной структуры и качество результата этой деятельности.

Детерминируя отношения и взаимодействия в социуме, социальные представления сами оказываются детерминированы социально-демографическими и психологическими особенностями группы, которая выступает как пространство формирования этих социально-когнитивных образований, а также практикой её социальной активности и опытом социальных взаимодействий. Поэтому представления об одном и том же объекте (будь то общественное событие, конкретная личность, социальная роль и т. п.), сформированные в разных группах, могут различаться в самой разной степени и, соответственно, приводить к самым разным результатам в области социальных взаимодействий и деятельности.

Обусловленность социальных представлений особенностями социальной группы, в которой они сформированы, проявляется и в представлениях о руководителе. Чаще всего в качестве выборки в таких исследованиях выступает та или иная профессиональная или должностная группа [см., например: 3; 7; 11], что естественно, так как опыт взаимодействия с руководителями человек получает, исполняя определённую профессиональную роль в организационной среде, и его наиболее полные и точные представления о руководителе формируются в профессиональной практике.

Однако каждый человек в рамках профессиональной деятельности и в ходе организационных взаимодействий сохраняет свою принадлежность и к иным социальным группам. Прежде всего это группы, в которые человек оказывается включён с момента своего рождения и принадлежность к которым формирует его картину мира, т. е. группы, выделяемые по половому, возрастному и этническому признакам.

Таким образом, в процессе формирования представлений человека о руководителе «участвуют», с одной стороны, специфика его профессии и той организационной структуры, в которой он трудится, а с другой стороны, – заданные психофизиологически, психологически и культурно особенности социального познания и закреплённые в сознании гендерные, возрастные, этнические стереотипы¹ относительно социальной роли и личностных качеств участников процесса управления.

В данной статье мы рассматриваем половые особенности представлений государственных служащих о современном российском руководителе.

На наш взгляд, актуальность подобного исследования связана с тем, что на уровне государственного управления деятельность и личность руководителей всех должностных уровней всегда, а особенно в переломные моменты жизни общества, «чувствительно» сказываются на качестве деятельности в целом органов государственной власти, а значит, и на политическом, экономическом, социальном, культурном развитии страны. Кроме того, половые особенности представлений о руководителе являются значимыми факторами качества орга-

¹ Следует подчеркнуть, что мы рассматриваем стереотипы как социальные представления, которые имеют предельно низкую когнитивную сложность, тем самым отражая воспринимаемый объект схематически, т. е. упрощённо и обобщённо, содержание которых застыло и не изменяется, несмотря на изменения, происходящие с объектом восприятия.

низационных отношений, в том числе преобладающего в организации психологического климата и возникающих в организационной среде межличностных и должностных конфликтов. Следовательно, знание особенностей представлений о руководителе государственных служащих – мужчин и женщин – может использоваться как при разработке программ личностно-профессионального развития кадров управления, так и при организационном консультировании по вопросам улучшения организационного климата и разрешения конфликтов.

В то же время анализ научных публикаций показывает, что учёные в основном сосредоточены на изучении либо личностных и деятельностных характеристик руководителей – мужчин и женщин [см., например: 14; 15; 35], либо различий в восприятии и самовосприятии мужчин и женщин, занимающих руководящие должности [см., например: 5; 31; 34], либо роли гендерных стереотипов в процессах управления [см., например: 9; 30; 32; 33], и практически нет исследований, направленных на изучение представлений мужчин и женщин – государственных служащих о руководителе с точки зрения соответствия его личностных качеств и особенностей поведения требованиям современности.

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выявить представления государственных служащих – мужчин и женщин – о психологических характеристиках современного российского руководителя.

При этом мы исходили из предположения о том, что сходство в содержании и структуре представлений участников исследования о современном российском руководителе связано с их принадлежностью к одной профессиональной группе, а различия обусловлены половыми различиями в процессах социального познания и сформированными в сознании респондентов гендерными стереотипами относительно социальной роли и личностных качеств руководителя.

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ

В диагностике, которая позволила выявить структуру представлений государственных служащих о психологических характеристиках современных российских руководителей, участвовали 375 сотрудников региональных и муниципальных органов государственной службы. Средний возраст по вы-

борке – 41,3 года, минимальный – 24 года, максимальный – 68 лет. 40,27% выборки (151 человек) составляли мужчины, 59,73% (224 человека) – женщины. Разницы по возрасту между мужчинами и женщинами выявлено не было.

Чтобы исследовать представления о психологических характеристиках современных российских руководителей, мы разработали опросник, в качестве основы для которого были использованы данные, полученные в ходе первого этапа исследования [21]. Каждое из 69 понятий, включённых в опросник, описывало определённое личностное качество или особенность поведения. В список вошли как социально одобряемые (положительные), так и социально неодобряемые (отрицательные) характеристики. Респонденты должны были по 7-балльной шкале оценить, насколько характерно то или иное качество для современных российских руководителей.

Для обработки данных мы использовали факторный анализ с varimax-вращением. Так как представления о современных российских руководителях являются когнитивными образованиями, которые по субъективным критериям объединяются в сознании респондентов в описывающие различные образы руководителя латентные структуры, этот метод следует считать наиболее релевантным целям исследования.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В подгруппах мужчин и женщин было выделено по десять факторов, в совокупности описывающих соответственно 65,8% и 63,1% выявленной дисперсии. При анализе полученных результатов мы учитывали только те показатели, факторный вес которых был выше 0,500, при этом, если показатель с весом выше 0,500 входил в несколько факторов, учитывалось только наибольшее значение.

В обеих подгруппах часть показателей оказалась полностью исключена из факторной структуры. В мужской подгруппе один показатель из шести исключённых традиционно рассматривается как положительный и профессионально важный для руководителя (активность), а остальные относятся к отрицательным и затрудняющим деятельность руководителя (жадность, необоснованные претензии на что-либо, самоуверенность, чинопочитание) или трактуются неоднозначно (жесткость). В женской подгруппе из факторной структуры

оказались исключены четыре положительные характеристики (интеллигентность, независимость, открытость, принципиальность), семь отрицательных (авторитарность, бюрократизм, высокомерие, закрытость, равнодушие к людям, склонность к самовосхвалению, тревожность) и одно неоднозначное (склонность к контролю).

Мы предположили, что респонденты независимо от пола неосознанно соотносят роль руководителя преимущественно с мужским полом. Это подтверждают и другие исследователи. Так, С. А. Ильиных отмечает, что «образ руководителя всегда связывался с мужчиной, его личностными качествами, способностью быть ведущим» [8, с. 60], а Б. Штрайбих и Ш. Дежарден пишут, что программы подготовки и переподготовки управленческих кадров направлены на укрепление в первую очередь «классически мужских» добродетелей, поскольку они считаются необходимыми для того, чтобы быть сильным и успешным лидером [34].

Таким образом, сформированные в соответствии с собственным полом представления о «правильном» мужском поведении и о том, что «хороший руководитель должен обладать “мужскими” качествами, чтобы добиться успеха» [8, с. 60], определяют различия в осознании тех или иных характеристик как присутствующих, отсутствующих или мало выраженных у современных российских руководителей [см., например: 1; 16]. Поэтому в мужской выборке как недостаток рассматривается отсутствие или малая выраженность у руководителей активности и жёсткости – качеств, которые именно мужчины воспринимают как безусловно положительные характеристики мужчины и руководителя, а в женской выборке как недостаток рассматривается отсутствие или малая выраженность у руководителей интеллигентности, независимости, открытости и принципиальности, т. е. качеств, которые женщины считают для руководителя-мужчины необходимыми, но редко встречающимися у них в реальности. То же самое касается осознания отсутствия или малой выраженности у руководителей отрицательных характеристик как достоинства.

Анализ силы и содержания выделенных факторов показал, что в обеих подгруппах максимальную по сравнению со всеми другими факторами силу имеет первый фактор (табл. 1), который при этом включает наибольшее число шкал (сорок пять в мужской подгруппе и двадцать шесть – в женской).

Таблица 1 / Table 1²

Содержание первого фактора в структуре представлений о современном российском руководителе в подгруппах государственных служащих – мужчин и женщин / The content of the first factor in the structure of ideas about the modern Russian leader in subgroups of civil servants - men and women

Шкалы	Факторный вес	Шкалы	Факторный вес
Мужчины (34,1% выявленной дисперсии)		Женщины (20,4% выявленной дисперсии)	
Справедливость	0,823	Умение разрешать конфликты	0,813
<i>Умение разрешать конфликты</i>	<i>0,808</i>	<i>Умение слушать</i>	<i>0,779</i>
<i>Организаторские способности</i>	<i>0,790</i>	<i>Человечность</i>	<i>0,749</i>
Высокий интеллект	0,776	<i>Эмпатия (чуткость к эмоциям других людей)</i>	<i>0,720</i>
<i>Стремление находить индивидуальный подход к сотрудникам</i>	<i>0,770</i>	<i>Тактичность</i>	<i>0,716</i>
<i>Человечность</i>	<i>0,769</i>	<i>Стремление находить индивидуальный подход к сотрудникам</i>	<i>0,711</i>
<i>Образованность (широкий кругозор)</i>	<i>0,764</i>	<i>Честность</i>	<i>0,711</i>
<i>Трудолюбие</i>	<i>0,759</i>	<i>Умение убеждать других людей</i>	<i>0,707</i>
<i>Эффективность</i>	<i>0,759</i>	<i>Харизматичность</i>	<i>0,683</i>
<i>Обучаемость</i>	<i>0,758</i>	<i>Справедливость</i>	<i>0,673</i>
<i>Компетентность (умение разбираться в профессиональных вопросах)</i>	<i>0,751</i>	<i>Целеустремлённость</i>	<i>0,633</i>
<i>Умение слушать</i>	<i>0,749</i>	<i>Стратегическое мышление</i>	<i>0,618</i>

² Курсивом выделены шкалы, входящие в содержание первого фактора одновременно в подгруппах и в выборке в целом.

Продолжение Таблицы 1

Шкалы	Факторный вес	Шкалы	Факторный вес
Стратегическое мышление	0,748	Эффективность	0,611
Проницательность	0,747	Решительность	0,608
Тактичность	0,739	Объективность	0,607
Умение убеждать других людей	0,737	Умение делегировать	0,602
Стремление к постоянному саморазвитию	0,733	Стремление к постоянному саморазвитию	0,593
Объективность	0,722	Организаторские способности	0,568
Способность реализовать роль лидера	0,714	Проницательность	0,558
Ответственность	0,713	Способность реализовать роль лидера	0,549
Мудрость	0,701	Стрессоустойчивость	0,541
Открытость	0,701	Трудолюбие	0,539
Честность	0,699	Обучаемость	0,537
Способность к самодисциплине	0,693	Позитивность	0,536
Стрессоустойчивость	0,690	Способность к самодисциплине	0,524
Интеллигентность	0,690	Мудрость	0,519
Эмпатия (чуткость к эмоциям других людей)	0,687		
Работоспособность	0,686		
Вовлечённость в работу	0,684		
Харизматичность	0,675		
Доброжелательность	0,674		
Решительность	0,660		
Позитивность	0,646		
Демократичность	0,618		
Независимость	0,596		
Исполнительность	0,594		

Шкалы	Факторный вес	Шкалы	Факторный вес
Рациональность	0,586		
Целеустремлённость	0,585		
Умение делегировать	0,580		
Коммуникабельность	0,574		
Креативность	0,554		
Равнодушие к людям	-0,554		
Принципиальность	0,551		
Страх нового	-0,515		
Гибкость в мышлении и поведении	0,514		

При сравнении содержания первого фактора в подгруппах мужчин и женщин с содержанием первого фактора по выборке в целом было установлено следующее:

- в подгруппе мужчин в первый фактор входят все тридцать две шкалы, составляющие содержание первого фактора по выборке в целом;
- все двадцать шесть шкал, составляющие содержание первого фактора в подгруппе женщин, входят в первый фактор и в выборке в целом, и в подгруппе мужчин.

Таким образом, можно предположить, что в сознании участников исследования существует некий базовый образ современного российского руководителя, содержание которого зависит не от пола участников исследования, а скорее от общности их профессионального и организационного опыта.

Этот базовый образ составляют:

- в сфере субъектности: два качества, обеспечивающие внутренне детерминированную целенаправленную творческую активность руководителя (способность реализовать роль лидера и эффективность), и три качества, обеспечивающие процессы самоуправления (решительность, способность к самодисциплине, стрессоустойчивость);
- в сфере целеполагания и целедостижения: одно качество, обеспечивающее высокую направленность на

достижения (целеустремлённость), два качества, обеспечивающие проработанность и реалистичность целей (стратегическое мышление и объективность), пять качеств, обеспечивающих преодоление внешних и внутренних препятствий при достижении поставленной цели (мудрость, пронциательность, стремление к постоянному саморазвитию, обучаемость, трудолюбие);

- в эмоциональной сфере: одно качество, определяющее общий эмоциональный настрой (позитивность);
- в сфере общения и взаимодействия: два качества, определяющие отношение к другим и характер общения (человечность и справедливость), девять качеств, обеспечивающих продуктивность общения и совместной деятельности (эмпатия, харизматичность, тактичность, умение делегировать, умение разрешать конфликты, умение слушать, умение убеждать других людей, организаторские способности, стремление находить индивидуальный подход к сотрудникам);
- в ценностно-смысловой и мотивационной сфере: одно качество, определяющее ценностное отношение к своей деятельности (честность).

Таким образом, участники исследования независимо от их пола считают, что для современного российского руководителя характерны прежде всего личностные качества и особенности поведения, выступающие как внутренние ресурсы для реализации основной – организационной – функции субъекта управления, в рамках которой руководитель обеспечивает эффективную работу своего коллектива и достижение успеха в этой работе за счёт управления деятельностью подчиненных и её координирования [2; 27]. Именно поэтому закономерно, что в базовом образе преобладают личностные качества и особенности поведения, обеспечивающие, с одной стороны, непосредственное взаимодействие участников совместной деятельности, а с другой стороны, – определение целей управленческой деятельности и путей их достижения.

Следует отметить также, что составляющие базовый образ современного российского руководителя личностные качества и особенности поведения в рамках психологии управления и теории менеджмента рассматриваются как профессионально важные для руководителя как субъекта управленче-

ской деятельности, и исследования подтверждают значение этих качеств для повышения эффективности управления [см., например: 18; 24]. Таким образом, можно говорить о том, что базовый образ, составляющий ядро представлений участников исследования о современном российском руководителе, является не просто типичным, а идеальным.

Мы обобщённо обозначили отражающийся в содержании первого фактора в выделенных подгруппах базовый образ современного российского руководителя как *образ обеспечивающего достижение общегрупповых целей стратегически мыслящего организатора, умеющего находить индивидуальный подход к сотрудникам и стремящегося к постоянному саморазвитию*.

В мужской подгруппе в содержание первого фактора, помимо шкал, соответствующих содержанию первого фактора по выборке в целом, входят ещё тринадцать шкал. Одиннадцать из них так или иначе дополняют базовый образ современного российского руководителя:

- в сфере субъектности это два качества, выражающие степень автономности руководителя (независимость и принципиальность), и одно качество, обеспечивающее возможность выходить за пределы заданной ситуации (гибкость в мышлении и поведении);
- в сфере целеполагания и целедостижения это одно качество, обеспечивающее проработанность и реалистичность целей (рациональность), и три качества, обеспечивающие преодоление внешних и внутренних препятствий при достижении поставленной цели (высокий интеллект, исполнительность и работоспособность);
- в сфере общения и взаимодействия это одно качество, определяющее стиль общения и взаимодействия в организационной среде (демократичность), два качества, обеспечивающие продуктивность общения и совместной деятельности (коммуникабельность и доброжелательность);
- в ценностно-смысловой и мотивационной сфере одно качество, определяющее ценностное отношение к своей деятельности (вовлечённость в работу).

Можно говорить о сверхвысокой когнитивной сложности [26] образа современного российского руководителя в сознании респондентов-мужчин и, безусловно, об идеальном, а не

типичном характере этого образа (что, впрочем, справедливо и для женской подгруппы, и для выборки в целом).

Мы обозначили отражающийся в содержании первого фактора в мужской подгруппе образ современного российского руководителя как *образ обеспечивающего достижение общегрупповых целей независимого, демократичного, рационально и стратегически мыслящего организатора, вовлечённого в работу, умеющего находить индивидуальный подход к сотрудникам и стремящегося к постоянному саморазвитию*.

Однако в мужской подгруппе в содержание первого фактора входят не только шкалы, описывающие идеального руководителя. Этот фактор является двухполюсным: с противоположным знаком в его содержание входят шкалы «равнодушие к людям» и «страх нового».

Можно говорить о том, что в центре сознания респондентов-мужчин существуют два альтернативных образа современного российского руководителя: с одной стороны, образ руководителя, способного продуктивно совмещать заботу о деле с заботой о коллективе, а с другой стороны, – образ руководителя, безразличного к своей деятельности и своим подчинённым, страшась нового и методов деятельности и нежелающего отрываться от рутины.

Различия в содержании первого фактора в подгруппах не исчерпываются разницей в числе входящих в него шкал. Важно также, что системообразующим показателем в первом факторе в мужской подгруппе является справедливость как склонность действовать беспристрастно, а в женской – умение разрешать конфликты, т. е. целенаправленно воздействовать на процесс конфликта, обеспечивая решение социально значимых задач. Можно предположить, что эти различия, с одной стороны, отражают различия в представлениях респондентов – мужчин и женщин – об основной цели руководителя как организатора коллективной работы, а с другой стороны, являются проекцией их собственного управленческого опыта и результатом рефлексии особенностей женского и мужского стилей управления [см., например: 4].

Помимо центрального, сложного и имеющего явно идеальный характер образа, зафиксированного в первом факторе в обеих подгруппах, а также схематичного негативного образа, отражённого в первом факторе в мужской подгруппе, в созна-

нии участников исследования, как показывают полученные в результате факторного анализа данные, присутствуют ещё восемь образов современного российского руководителя.

Эти образы, в большей или меньшей степени схематичные, отражают представления участников исследования о разных типах руководителей и, безусловно, являются результатом осмысления опыта взаимодействия респондентов с подобными управленцами.

Два образа из восьми зафиксированы только в одной из выделенных подгрупп.

В мужской подгруппе это максимально схематичный, стереотипный образ *авторитарного руководителя*. В содержание описывающего этот образ седьмого фактора (2,6% выявленной дисперсии) входит только одна шкала – «авторитарность» (факторный вес 0,548). Можно предположить, что в сознании участников исследования – мужчин – образ авторитарного руководителя отражает существующие в их сознании социальные стереотипы мужественности. В соответствии с этими стереотипами «типично мужскими» характеристиками среди всех прочих являются агрессивность, доминантность и властность, выступающие как атрибуты личностной авторитарности³. И так как, с одной стороны, роль руководителя преимущественно соотносится с мужским полом (о чём мы уже писали выше), а с другой стороны, пол респондента и сформированные в соответствии с этим полом стереотипы мужественности влияют на оценку той или иной характеристики, авторитарность превращается в типизирующий признак.

Только в женской подгруппе зафиксирован образ *руководителя, имеющего высокий интеллектуальный потенциал и умеющего эффективно взаимодействовать с подчинёнными*. В отличие от образа авторитарного руководителя, этот образ достаточно сложен (табл. 2).

³ На наш взгляд, наиболее точное определение понятия «авторитарный» по отношению к личности дано в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, где «авторитарный» это «властный, с непререкаемым авторитетом». См.: Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=162> (дата обращения: 18.12.2023).

Таблица 2 / Table 2

Содержание пятого фактора в структуре представлений о современном российском руководителе в подгруппе государственных служащих – женщин (10,1% выявленной дисперсии) / The content of the fifth factor in the structure of ideas about the modern Russian leader in the subgroup of female civil servants (10.1% of the identified variance)

Шкалы	Факторный вес
Активность	0,669
Высокий интеллект	0,599
Креативность	0,588
Демократичность	0,583
Доброжелательность	0,564
Компетентность (умение разбираться в профессиональных вопросах)	0,564
Коммуникабельность	0,662
Гибкость в мышлении и поведении	0,558
Образованность (широкий кругозор)	0,531

Как видно из таблицы, образ руководителя, имеющего высокий интеллектуальный потенциал и умеющего эффективно взаимодействовать с подчинёнными, является фактически идеальным.

Сочетание активности, обеспечивающей внутренне детерминированную целенаправленную творческую активность, гибкости в мышлении и поведении, которая даёт возможность выходить за пределы заданной ситуации, креативности, определяющей творческий характер целеполагания, высокого интеллекта, компетентности и образованности, помогающих преодолеть внешние и внутренние препятствия при достижении поставленной цели, демократичности, определяющей стиль общения и взаимодействия в организационной среде, коммуникабельности и доброжелательности, обеспечивающих продуктивность общения и совместной деятельности, позволяет руководителю реализовать свою основную функцию по ор-

ганизации работы коллектива не менее продуктивно, чем намного более сложный комплекс личностных и поведенческих характеристик, зафиксированный в первом факторе.

На наш взгляд, то, что данный образ проявился только в женской подгруппе, можно рассматривать как подтверждение обусловленности представлений о руководителе участников исследования – женщин, – с одной стороны, сформированными в их сознании стереотипами мужественности, в соответствии с которыми идеальный мужчина сочетает в себе ум и доброту [см., например: 20], а с другой стороны, свойственной женщинам склонностью к демократии и сотрудничеству в управленческих отношениях [см., например: 17], которая неосознанно переносится ими и на представления о руководителе в целом.

Остальные шесть выделенных образов были зафиксированы в обеих подгруппах.

Образ руководителя, стремящегося к высокому качеству исполнения, присутствует в сознании участников исследования независимо от пола, однако в подгруппах мужчин и женщин имеет разную когнитивную сложность: в мужской подгруппе он максимально упрощён, а в женской – относительно сложен (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Образ руководителя, стремящегося к высокому качеству исполнения, в представлениях государственных служащих – мужчин и женщин / The image of a leader striving for high quality performance in the minds of civil servants - men and women

Шкалы	Факторный вес	Шкалы	Факторный вес
Мужчины		Женщины	
Фактор 9 (2,6% выявленной дисперсии)		Фактор 4 (5,2% выявленной дисперсии)	
Перфекционизм	0,624	Исполнительность	0,689
		Работоспособность	0,574
		Вовлечённость в работу	0,543
		Ответственность	0,511
		Фактор 6 (3,9% выявленной дисперсии)	
		Рациональность	0,527
		Перфекционизм	0,503

Как видно из таблицы, для всех респондентов образ руководителя, стремящегося к высокому качеству исполнения, – это образ не управленца, а в целом высококвалифицированного специалиста, для которого характерны высокие субъективные личностные и профессиональные стандарты⁴, но респонденты-женщины в отличие от мужчин более глубоко анализируют, за счёт каких личностных качеств и особенностей поведения эти стандарты достигаются.

Образ руководителя, ориентированного на достижения, в обеих подгруппах имеет общую основу, однако различия в его содержании, на наш взгляд, являются принципиальными (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Образ руководителя, ориентированного на достижения, в представлениях государственных служащих – мужчин и женщин / The image of an achievement-oriented leader in the perceptions of civil servants - men and women

Шкалы	Факторный вес	Шкалы	Факторный вес
Мужчины		Женщины	
Фактор 3 (4,4% выявленной дисперсии)		Фактор 3 (4,4% выявленной дисперсии)	
Склонность к контролю	0,670	Амбициозность	0,696
Требовательность	0,632	Самоуверенность	0,674
Уверенность в себе	0,530	Карьеризм	0,635
Фактор 5 (2,7% выявленной дисперсии)		Уверенность в себе	
Амбициозность	0,718	Требовательность	0,512

Как видно из таблицы, три характеристики (амбициозность, требовательность и уверенность в себе), выступающие в качестве основы этого образа, описывают руководителя как

⁴ Так, в рамках акмеологического подхода высокие личностно-профессиональные стандарты рассматриваются как один из ведущих компонентов ценностно-смысловой сферы специалистов высокой квалификации, который выполняет роль эталонов качества деятельности. См.: Деркач А. А., Зазыкн В. Г. Акмеология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2003. 256 с.

энергичного, стремящегося осуществить честолюбивый замысел человека, который способен побуждать к качественному выполнению задач не только других, но и себя самого, ясно осознающего свою силу и возможности и решительного в действиях. В мужской подгруппе к этому добавляется склонность наблюдать за другими с целью проверки или надзора, которая в рамках управленческой деятельности обеспечивает реализацию функции контроля. В женской же подгруппе к основным характеристикам добавляются самоуверенность, т. е. излишняя уверенность в своей непогрешимости, а также карьеризм, т. е. стремление успешно продвигаться по служебной лестнице. Можно говорить о том, что в сознании респондентов-мужчин образ руководителя, ориентированного на достижения, это образ лидера, стремящегося привести к достижениям коллектив в целом, а вот в сознании респондентов-женщин – это образ человека, который стремится прежде всего к индивидуальному успеху и при этом не всегда умеет трезво оценить свои возможности достичь его.

Образ руководителя, пренебрегающего моральными принципами в собственных интересах, в обеих подгруппах достаточно сложен и имеет однозначно негативную окраску (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Образ руководителя, пренебрегающего моральными принципами в собственных интересах, в представлениях государственных служащих – мужчин и женщин / The image of a leader who neglects moral principles in his own interests, in the perceptions of civil servants – men and women

Шкалы	Факторный вес	Шкалы	Факторный вес
Мужчины		Женщины	
Фактор 2 (8,5% выявленной дисперсии)		Фактор 2 (5,3% выявленной дисперсии)	
Хитрость	-0,764	Беспринципность	-0,749
Эгоистичность	-0,715	Жёсткость	-0,570
Закрытость	-0,607	Необоснованные претензии на что-либо	-0,542
Тревожность	-0,600	Жадность	-0,512

Шкалы	Факторный вес	Шкалы	Факторный вес
Склонность к самовосхвалению	-0,589	Фактор 7 (4,8% выявленной дисперсии)	
Карьеризм	-0,569	Хитрость	-0,754
Высокомерие	-0,525	Эгоистичность	-0,659
Фактор 8 (2,7% выявленной дисперсии)		Чинопочитание	-0,519
Беспринципность	-0,631		
Бюрократизм	-0,588		

Из таблицы видно, что три характеристики (беспринципность, хитрость и эгоистичность) входят в содержание образа в обеих подгруппах. Таким образом, в представлениях участников исследования независимо от их пола среди современных российских руководителей есть отрицающие моральные принципы и неразборчивые в средствах люди, которые предпочитают свои личные интересы общественным и склонны достигать своих целей непрямым путём. Кроме того, в сознании респондентов-мужчин этот образ дополняется такими характеристиками, как, с одной стороны, пренебрежительное отношение к окружающим и склонность к чисто формальному ведению дел, с другой стороны, – стремление успешно продвигаться по служебной лестнице и склонность публично рассказывать о своих достоинствах и успехах, с третьей стороны, – склонность переживать тревогу в ожидании социальных последствий своей неудачи или успеха и стремление дистанцироваться от окружающих. В сознании респондентов-женщин этот образ дополняется такими характеристиками, как отсутствие снисходительности, склонность требовать признания за собой каких-либо приписанных себе достоинств, стремление получить больше, чем это необходимо, и подхалимаж. Таким образом, можно говорить, что в представлении респондентов-мужчин руководители могут пренебрегать моральными принципами ситуативно – из-за стремления продвинуться по служебной лестнице, но при этом будут испытывать психологический дискомфорт (т. е. возникнет внутриличностный конфликт из-за морального несоответствия целей и средств). В представлении же респондентов-женщин пренебрежение моральными принципами является,

скорее, выражением личностных особенностей руководителя и проявляется не ситуативно, а постоянно.

Интересно, что в ряде исследований опрошенные руководители и рядовые сотрудники называют такие качества, как беспринципность, высокомерие, чинопочитание, противопоставлениями к занятию руководящей должности [см., например: 25]. В то же время, как показывает наше исследование, эти и другие, явно снижающие эффективность управленческой деятельности, у современных российских руководителей наблюдаются нередко.

Три последних образа являются максимально схематичными (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

Стереотипные образы руководителя в представлениях государственных служащих – мужчин и женщин / Stereotypical images of a leader in the perceptions of civil servants – men and women

Шкалы	Факторный вес	Шкалы	Факторный вес
Мужчины		Женщины	
Образ консервативного руководителя			
Фактор 4 (3,3% выявленной дисперсии)		Фактор 8 (3,8% выявленной дисперсии)	
Консерватизм	-0,737	Консерватизм	0,632
		Страх нового	0,620
Образ эмоционально сдержанного руководителя			
Фактор 10 (2,4% выявленной дисперсии)		Фактор 10 (2,2% выявленной дисперсии)	
Сдержанность в проявлении своих чувств	0,815	Сдержанность в проявлении своих чувств	-0,666
Образ импульсивного руководителя			
Фактор 6 (2,4% выявленной дисперсии)		Фактор 9 (2,9% выявленной дисперсии)	
Склонность к необдуманым, импульсивным действиям	-0,635	Склонность к необдуманым, импульсивным действиям	0,602

Как видно из таблицы, только *образ консервативного руководителя* в женской подгруппе включает две характеристики, в остальных случаях в содержание описывающих эти образы факторов входит одна шкала. Такие упрощённые, т. е. имеющие низкий уровень когнитивной сложности образы [25], являются, с одной стороны, поверхностными, стереотипными, с другой стороны, – достаточно точно описывают управленческую реальность и типичное поведение руководителя.

Немаловажно, на наш взгляд, что в сознании участников исследования независимо от их пола присутствуют *образы эмоционально сдержанного и импульсивного руководителя*, которые можно в определённой степени считать противоположными друг другу, хотя в первом случае речь идёт об управлении своими эмоциями, а во втором – об управлении своими действиями. Как показывают исследования, умение управлять своими эмоциями является одной из тех личностных характеристик руководителя, которые положительно влияют на качество принимаемых им управленческих решений, прежде всего в таком аспекте, как взаимодействие с подчинёнными, и обеспечивают формирование благоприятного психологического климата в коллективе [см., например: 10; 28; 29]. В то же время склонность к необдуманным, импульсивным действиям, являясь внешним выражением импульсивного когнитивного стиля, приводит к тому, что руководитель действует непродуктивно, быстро принимая решения, но допуская при этом значительное количество ошибок [26, с. 10]. Немаловажно при этом, что исследователи связывают импульсивность поведения с низким уровнем эмоционального самоконтроля [26, с. 28].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило выдвинутые нами гипотезы.

Было показано, что значительное число личностных качеств и особенностей поведения устойчиво фиксируется как наиболее характерные для современного российского руководителя как в целом по выборке, так и в подгруппах мужчин и женщин. Это позволяет говорить о том, что содержание и структура представлений участников исследования определяются прежде всего их принадлежностью к одной профессиональной группе и выработанной данной группой в процессе

организационных взаимодействий системой требований к личности руководителя и ожиданий от его деятельности.

Как по выборке в целом, так и в выделенных подгруппах в представлениях о современном российском руководителе отражаются, с одной стороны, профессионально значимые психологические характеристики, наличие которых является определяющим фактором пригодности человека к управленческой деятельности вне зависимости от социального времени и социокультурного контекста, а с другой стороны, – психологические характеристики, которые становятся актуальными именно для современного периода развития российского общества и начинают активно востребоваться в изменяющейся политической, экономической, социальной и культурной действительности.

Различия в представлениях о современном российском руководителе участников исследования – мужчин и женщин – отражают особенности мужского и женского восприятия и понимания социальной действительности, в частности восприятия и понимания субъектов управленческих отношений, а также укоренённые в их сознании гендерные стереотипы, касающиеся социальной роли и личностных качеств руководителя.

Так, в соответствии с гендерными особенностями стиля управления участники исследования – мужчины – в структуре центрального образа современного российского руководителя в качестве ведущей характеристики, обеспечивающей достижение целей руководителя как организатора коллективной деятельности, выделяют справедливость, противопоставляя её при этом безразличию к своей деятельности и своим подчинённым и страху нового; а женщины – умение разрешать конфликты. В то же время присутствие в сознании только участников исследования-мужчин образа авторитарного руководителя, а в сознании только участников исследования-женщин образа руководителя, имеющего высокий интеллектуальный потенциал и умеющего эффективно взаимодействовать с подчинёнными, обусловлено различиями в содержании мужских и женских стереотипов мужественности, в соответствии с которыми мужчины соотносят с мужественностью агрессивность, доминантность и властность, а женщины – ум и доброту.

Анализ показывает, что представления участников исследования вне зависимости от их пола в целом имеют высокую степень когнитивной сложности, что выражается в множе-

ственности образов современного российского руководителя, присутствующих в сознании респондентов, а также в значительном числе психологических характеристик, которые составляют бóльшую часть этих образов. В то же время некоторые из образов современного российского руководителя имеют низкую когнитивную сложность и могут рассматриваться не как полноценные представления, а как стереотипы, имеющие, с одной стороны, профессиональную, а с другой, – гендерную природу.

В целом выделенная в структуре представлений участников исследования система образов создаёт групповой психологический портрет современных российских руководителей, в котором отражены как общие характеристики данной должностной группы, так и половые особенности её восприятия и понимания.

Результаты исследования могут быть использованы в рамках подбора кандидатов на руководящие должности и психологического консультирования действующих руководителей в целях повышения уровня их управленческого мастерства, а также в процессах организационного консультирования для выявления проблем во взаимодействии между руководителем и членами коллектива и выбора наиболее продуктивных методов совершенствования организационных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадеева К. Н. «Женщины – эмоциональные, мужчины – рациональные...»: стереотипы гендера в саморефлексивном дискурсе управленцев // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 1. С. 163–170.
2. Барнард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации / пер. с англ. В. Кошкина. М.; Челябинск: Социум: ИРИСЭН, 2009. 333 с.
3. Глебова Г. Ф., Александрова Д. Н. Представления учителей об эффективном руководителе современной общеобразовательной школы // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. 2020. № 16. С. 44–49.
4. Гололобова Т. М. Особенности женского стиля управления компаниями // Вестник университета. 2021. № 12. С. 5–9. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-5-9

5. Гуськова Т. А. Профессиональный Я-образ руководителей-мужчин и руководителей-женщин // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 211–215.
6. Емельянова Т. П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2016. 476 с.
7. Иванов Е. А., Лычагина С. В. Особенности представлений младших командиров войск национальной гвардии о качествах личности руководителя воинского коллектива // Научное мнение. 2018. № 11. С. 58–61.
8. Ильиных С. А. Гендерная проблематика и управление как предмет исследования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 57–61.
9. Ильиных С. А. Гендерные стереотипы и гендерные представления в организационной культуре: на примере организаций малого бизнеса // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология. 2009. № 10. С. 332–338.
10. Ильченко С. В., Юров С. С. Развитие эмоциональной саморегуляции руководителя как условие достижения продуктивной профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Бизнес и дизайн ревю. 2019. № 2. URL: www.obe.ru/journal (дата обращения: 21.12.2023).
11. Ишков А. Д., Милорадова Н. Г. Образ идеального и реального руководителя строительной отрасли в представлении подчиненных специалистов // Экономика и предпринимательство. 2014. № 8. С. 427–431.
12. Лаврова Л. Г. Исследование преобладающих профессионально-важных качеств личности руководителей различных уровней управления // Международный журнал медицины и психологии. 2020. Т. 3. № 1. С. 7–10.
13. Лебедева Л. В. Исследование связи между представлениями руководителей о своих профессиональных качествах и кризисным этапом развития организации // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 5. С. 128–133.
14. Ливак Н. С. Личностные особенности женщин руководителей // Здоровье и образование в XXI веке. 2018. Т. 20. № 10. С. 52–57.
15. Макарова С. Н. Гендерные особенности поведения мужчин и женщин менеджеров в организационных конфликтах // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2018. № 3. С. 86–90. DOI: 10.21777/2587-554X-2018-3-86-90

16. Максимова М. В. Гендерные стереотипы в управленческой деятельности [Электронный ресурс] // Бизнес и дизайн ревю. 2020. № 2. URL: www.obe.ru/journal (дата обращения: 10.12.2023).
17. Михайлова Т. В., Балашкевич И. В. Исследования гендерных аспектов в управленческой деятельности // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 6. С. 62–65. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.3.75.836
18. Мотовилова А. Д., Фатеев А. Р., Нижельская Ю. А. Коммуникативная компетенция руководителя как условие эффективной управленческой деятельности // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 5. С. 712–718.
19. Новиков М. М. Представления работников государственных и коммерческих предприятий об образе идеального руководителя // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1. С. 412–417.
20. Салихова Х. К. Особенности представлений об «идеальном мужчине» и «идеальной женщине» у мужчин и женщин: материалы Международного молодёжного научного форума «Ломоносов-2020» [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/section_27.htm (дата обращения: 20.12.2023).
21. Селезнева Е. В., Демидов С. А. Современный российский руководитель в представлениях государственных служащих // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 81–95.
22. Соколов А. П., Минайченкова Е. И. Профессиональные, личные и деловые качества современного руководителя // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 9. № 6. С. 794–800. DOI: 10.47576/2712-7516_2022_6_9_794
23. Социальная психология труда: между неопределенностью и прозрачностью / А. В. Булгаков, С. Л. Евенко, Е. А. Карпова, А. А. Качина, А. В. Кидинов, Н. С. Крамаренко, Н. Н. Лавров, А. Б. Леонова, В. В. Логинова, Е. А. Орлова, Е. А. Певцова, А. С. Поляков, В. Н. Селезнев, Т. П. Скрипкина, Ф. Р. Султанова, В. В. Сысоев, Э. П. Утлик, Т. И. Шульга. М.: Московский государственный областной университет, 2019. 270 с.
24. Стрекалова Н. Д. Стратегическое мышление менеджеров: сущность, проблемы и подходы к развитию // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Менеджмент. 2018. Т. 17. № 3. С. 284–411.
25. Токарев А. Г. Влияние личностных качеств руководителя на социально-психологический климат организации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. № 3. С. 41–44. DOI: 10.12737/article_5947e1039437e9.00478782

26. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
27. Хохлова Н. И. Авторитет руководителя в представлении сотрудников градообразующего предприятия // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 3А. С. 215–223.
28. Чернышева И. А. Влияние особенностей личности и стиля деятельности руководителя на морально-психологический климат в коллективе // International scientific review. 2017. № 3. С. 92–95.
29. Шевердина Т. Н., Фещенко Е. М. Исследование взаимосвязи эффективности управленческой деятельности и эмоциональной устойчивости руководителя // Концепт (электронный научный журнал). 2017. № 11. URL: www.e-koncept.ru (дата обращения: 21.12.2023).
30. Saint-Michel S. E. Leader gender stereotypes and transformational leadership: Does leader sex make the difference? // M@n@gement. 2018. № 21. P. 944–966.
31. Cha Hyunjin, Uchida Yukiko, Choi Eunsoo. Gender differences in perceived legitimacy and status perception in leadership role [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. 2023. № 14. URL: www.frontiersin.org (дата обращения: 23.12.2023).
32. Macis M. Gender differences in wages and leadership // IZA World of Labor. 2017. № 1. P. 323–323.
33. Ridgeway C. L. Gender, Status and Leadership // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57. № 4. P. 637–655.
34. Streibich B., Desjardins Ch. Gender, self-image and leadership: a gender-specific comparison of the self-images of female and male leaders // Journal of Applied Leadership and Management. 2019. № 7. P. 95–109.
35. Willea B., Wiernik B. M., Vergauwe J., et al. Personality characteristics of male and female executives: Distinct pathways to success? // Journal of Vocational Behavior. 2018. № 106. P. 220–235.

ARTICLE INFORMATION

Author

Selezneva Elena Vladimirovna

- e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru;
Dr. Sci. (Psychology), Prof., expert of the scientific and educational center of modern personnel technologies of the faculty of assessment and development of managerial personnel, the Graduate School of Public Administration;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82/1, Moscow 119571, Russian Federation

Demidov Stanislav Aleksandrovich

- e-mail: demidov-sa@ranepa.ru;
Director of the Center for the Development of Leadership and Managerial Competencies, the Graduate School of Public Administration;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82/1, Moscow 119571, Russian Federation

For citation:

Selesneva E. V., Demidov S. A. Female and male in the civil servants' representations of the modern Russian leader. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the peculiarities of the ideas of male and female civil servants about the psychological characteristics of a modern Russian leader.

Methodology. An empirical study was conducted using a questionnaire developed by the authors based on the previously obtained data. Factor analysis with varimax rotation was used to process the results.

Results. As a result of the empirical data analysis, psychological characteristics were identified and images of modern Russian leaders were described, which are present in the representations of civil servants regard-

less of their gender, and it was also shown that the content of these images may vary depending on the gender of the respondents.

Research implications. The results of the study contribute to the further development of both management psychology and the theory of social representations, and can be used in the practice of personnel work, personal and professional counseling of managers, as well as during organizational counseling to identify problems in the interaction between the head and team members and to choose the most productive methods of overcoming conflicts between the head and subordinates.

Keywords:

leader, modern Russian leader, psychological characteristics, social representations, image, sexual characteristics, civil servants

References

1. Akhmadeeva K. N. ["Women are emotional, men are rational...": gender stereotypes in the self-reflective discourse of managers]. In: *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kazan Technological University], 2011, no. 1, pp. 163–170.
2. Barnard Ch. The functions of the executive (Rus. ed.: Koshkin V., transl. *Funkcii rukovoditelya: vlast', stimuly' i cennosti v organizacii*. Moscow, Chelyabinsk, Socium Publ., IRISEN Publ., 2009. 333 p.).
3. Glebova G. F., Alexandrova D. N. [Teachers's ideas of an efficient head of a modern comprehensive school]. In: *Social'no-psixologicheskie problemy' mental'nosti / mentaliteta* [Socio-psychological problems of mentality], 2020, no. 16, pp. 44–49.
4. Gololobova T. M. [Features of a woman s style company management]. In: *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 2021, no. 12, pp. 5–9. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-5-9
5. Guskova T. A. [Professional self-perception of men and women leaders]. In: *Social'no-gumanitarny'e znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2022, no. 6, pp. 211–215.
6. Yemelyanova T. P. *Social'ny'e predstavleniya: Istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social representations: History, theory and empirical research]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2016. 476 p.
7. Ivanov E. A., Lychagina S. V. [Perceptions of junior commanders of the national guard forces command on the qualities of a leader of a military unit]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 2018, no. 11, pp. 58–61.

8. Ilyinykh S. A. [Gender issues and management as a subject of research]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2011, no. 342, pp. 57–61.
9. Ilynykh S. A. [Gender stereotypes and gender perceptions in organizational culture: on an example of small business]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Humanities. Philosophy, sociology and cultural studies], 2009, no. 10, pp. 332–338.
10. Ilchenko S. V., Yurov S. S. [Development of emotional self-regulation of the head as a condition of achievement of productive professional activity]. In: *Biznes i dizajn revyu* [Business and Design review], 2019, no. 2. Available at: www.obe.ru/journal (accessed: 21.12.2023).
11. Ishkov A. D., Miloradova N. G. [Image of the ideal and the real head of the construction industry in the representation of subordinate specialists]. In: *E'konomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], 2014, no. 8, pp. 427–431.
12. Lavrova L. G. [Research on the prevailing professionally important personal qualities of heads at various levels of management]. In: *Mezhdunarodny'j zhurnal mediciny i psixologii* [International Journal of Medicine and Psychology], 2020, vol. 3, no. 1, pp. 7–10.
13. Lebedeva L. V. [Study of interrelation between the notions of managers about their professional qualities and a crisis stage of the organization development]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2010, no. 5, pp. 128–133.
14. Livak N. S. [Personal features of female heads]. In: *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke* [Health and Education Millennium], 2018, vol. 20, no. 10, pp. 52–57.
15. Makarova S. N. [Gender features of behavior of men- and female managers in the organizational conflicts]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1. E'konomika i upravlenie* [Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management], 2018, no. 3, pp. 86–90. DOI: 10.21777/2587-554X-2018-3-86-90
16. Maximova M. V. [Gender stereotypes in the management activity]. In: *Biznes i dizajn revyu* [Business and Design review], 2019, no. 2. Available at: www.obe.ru/journal (accessed: 10.12.2023).
17. Mikhailova T. V., Balashkevich I. V. [Research on gender aspects in management]. In: *Evrazijskij Soyuz Ucheny'x* [Eurasian Union of Scientists], 2020, no. 6, pp. 62–65. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.3.75.836
18. Motovilova A. D., Fateyev A. R., Nizhelska Yu. A. [Communicative competence of the manager as a condition for effective management]. In: *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2023, vol. 4, no. 5, pp. 712–718.

19. Novikov M. M. [The Image of Ideal Leader as Seen by Employees of State and Commercial Enterprises]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University], 2013, no. 1, pp. 412–417.
20. Salikhova Kh. K. *Osobennosti predstavlenii ob «ideal'nom muzhchine» i «ideal'noi zhenshchine» u muzhchin i zhenshchin: materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov-2020»* [Peculiarities of ideas about the “ideal man” and “ideal woman” in men and women: materials of the International Youth Scientific Forum “Lomonosov-2020”]. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/section_27.htm (accessed: 20.12.2023).
21. Selezneva E. V., Demidov S. A. [The modern Russian leader in the representations of civil servants]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 2023, no. 9, pp. 81–95.
22. Sokolov A. P., Minaychenkova E. I. [Professional, personal and business qualities of a modern leader]. In: *Zhurnal prikladny'x issledovaniy* [Journal of Applied Research], 2022, vol. 9, no. 6, pp. 794–800. DOI: 10.47576/2712-7516_2022_6_9_794
23. Bulgakov A. V., Evenko S. L., Karpova E. A., Kachina A. A., Kidinov A. V., Kramarenko N. S., Lavrov N. N., Leonova A. B., Loginova V. V., Orlova E. A., Pevtsova E. A., Polyakov A. S., Seleznev V. N., Skripkina T. P., Sultanova F. R., Sysoev V. V., Utlik E. P., Shulga T. I. *Social'naya psixologiya truda: mezhdru neopredelennost'yu i prozrachnost'yu* [Social psychology of work: between uncertainty and transparency]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet Publ., 2019. 270 p.
24. Strekalova N. D. [Managers' strategic thinking: essence, problems and approaches to development]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Menedzhment* [Vestnik of Saint Petersburg University. Management], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 284–411.
25. Tokarev A. G. [Influence of the leader's personality traits on the socio-psychological climate of the organization]. In: *Upravlenie personalom i intellektual'ny'mi resursami v Rossii* [Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia], 2017, no. 3, pp. 41–44. DOI: 10.12737/article_5947e1039437e9.00478782
26. Kholodnaya M. A. *Kognitivny'e stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 384 p.
27. Khokhlova N. I. [The authority of the leader in the representation of the employees of the city-forming enterprise]. In: *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 2019. vol. 8, no. 3A, pp. 215–223.

28. Chernysheva I. A. [Influence of features of the personaliti and style of activity of the head on moral and psychological climate in collective]. In: *International scientific review*, 2017, no. 3, pp. 92–95.
29. Sheverdina T. N., Feshchenko E. V. [Investigation of the correlation between management activity effectiveness and emotional resilience of a leader]. In: *Kontsept* [The concept], 2017, no. 11. Available at: www.e-koncept.ru (accessed: 21.12.2023).
30. Saint-Michel S. E. Leader gender stereotypes and transformational leadership: Does leader sex make the difference? In: *M@n@gement*, 2018, vol. 21, pp. 944–966.
31. Cha Hyunjin, Uchida Yukiko, Choi Eunsoo. Gender differences in perceived legitimacy and status perception in leadership role. In: *Frontiers in Psychology*, 2023, no. 14. Available at: www.frontiersin.org (accessed: 23.12.2023).
32. Macis M. Gender differences in wages and leadership. In: *IZA World of Labor*, 2017, no. 1, pp. 323–323.
33. Ridgeway C. L. Gender, Status and Leadership. In: *Journal of Social Issues*, 2001, vol. 57, no. 4, pp. 637–655.
34. Streibich B., Desjardins Ch. Gender, self-image and leadership: a gender-specific comparison of the self-images of female and male leaders. In: *Journal of Applied Leadership and Management*, 2019, vol. 7, pp. 95–109.
35. Willea B., Wiernik B. M., Vergauwe J., et al. Personality characteristics of male and female executives: Distinct pathways to success? In: *Journal of Vocational Behavior*, 2018, no. 106, pp. 220–235.

ЧАСТНОВИДОВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА И ВАРИАНТЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Анна Викторовна Аверина

- e-mail: Anna.averina@list.ru
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка,
Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Аверина А. В. Частновидовидовые значения русского глагола и варианты их реализации в немецком языке // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 11.12.2023
- Статья размещена на сайте 08.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Частновидовые значения совершенного вида и их соответствия в немецком языке](#)

[Частные значения несовершенного вида и варианты их реализации в немецком языке](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление функционально эквивалентных аспектуальных граммем в немецком и русском языках.

Процедура и методы. Использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также лингвистические методы сопоставительного, контекстуального и компонентного анализа.

Результаты. В работе описан аспектуальный потенциал глагольных и именных форм в немецком языке, сделаны выводы о функциональной эквивалентности граммем в немецком и русском языках, показана глубинная взаимосвязь аспектуальных, темпоральных и модальных значений.

Теоретическая и/ или практическая значимость. Теоретическая значимость публикации заключается в том, что она вносит определённый вклад в развитие концепции межкатегориальной взаимосвязи темпоральных, модальных и аспектуальных значений. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе изучения курса «сравнительная типология немецкого и русского языков».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

категория вида, функциональная эквивалентность, русский язык, немецкий язык, модальность, темпоральность, аспектуальность

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания в данной публикации – варианты видовых значений русского глагола и способы их выражения в немецком языке. Вопросам видовых значений русского глагола посвящено огромное количество работ в отечественной аспектологии. Это исследования А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина [5], Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [8], М. Я. Гловинской [7], М. Ю. Чертковой [14], М. Я. Всеволодовой [6] и других лингвистов. Немалое количество публикаций содержит анализ способов выражения видовых значений русского языка в немецком языке – в первую очередь это наблюдения Б. М. Балина [2], И.-Э. С. Рахманкуловой [12], З. Е. Рогановой [13], Э. Лайсс [22] и др. В обозначенных работах речь идёт о видовом потенциале предельных / неопредельных глаголов, обстоятельственных словах, фигуре аспектологического контекста «сопряжённость действий в последовательности» [3], видовых функциях арти-

кля [22; 23]. Несмотря на глубокую проработку вопроса о семантике видов и способах передачи видовых значений русского глагола на немецкий язык ряд моментов остаётся спорным или нуждается в дополнительном освещении, а именно:

(1) *смысловое соотношение совершенного и несовершенного вида в русском языке*. В этой связи выделяют три различные позиции: оппозиция видов является эквиполентной (каждый из видов обладает положительным признаком – СВ обозначает результативное, недлительное действие, НСВ – длительное, нерезультативное действие); оппозиция видов является привативной (положительным признаком обладает только СВ, являясь маркированным членом оппозиции, НСВ отличается отсутствием положительных признаков); оппозиция видов является привативной (маркирован только НСВ) (см. наблюдения М. Я. Гловинской [7, с. 18]);

(2) *передача частновидовых значений русского языка на немецкий язык*. Б. М. Балин [2], описывая потенциал немецкого языка в передаче значений вида, учитывает общее значение СВ и НСВ вида. Нуждается в уточнении вопрос о вариантах выражения частновидовых значений русского языка в немецком языке;

(3) *модализованность целого ряда значений совершенного вида в русском языке*. В ряде публикаций по германистике показано, что совершенный вид в русском языке обладает модальным потенциалом (см. [10; 18]), в частности, способностью передавать деонтическое, волитивное и субъективно-эвиденциальное значения. В русской аспектологии поднимается вопрос о существовании гипотетически-негативного (*Ну выполнил он эту просьбу, а дальше что?*) и условного значений (*Гопроси я её не опаздывать – разозлится*) [7, с. 73], при этом они приписываются не самому виду, а контексту. Таким образом, существует потребность в уточнении вопроса о существовании модализованных значений русского глагольного вида;

(4) *функциональная эквивалентность граммем с аспектуальным значением в немецком и русском языках*. В работах отечественных и зарубежных германистов (Э. Лайсс [22; 23], М. Котина [10; 21], В. Абрахама [17]) обращается внимание на то, что разветвлённая система модальных глаголов и наличие артикля должны компенсировать отсутствие морфологически выраженной в глаголе категории вида. Следовало бы конкретизи-

ровать вопрос о том, какие именно видовые значения компенсируют артиклевые и модальные формы.

Решение обозначенных проблемных вопросов позволит внести уточнение в концепцию функциональной эквивалентности граммем в таких разноструктурных языках, как русский и немецкий, проследить темпоральные, аспектуальные и модальные значения в их взаимосвязи, а также уточнить вопрос о модализованных значениях вида. Этим и *определяется актуальность настоящей публикации.*

Цель настоящего исследования заключается в выявлении функциональной эквивалентности аспектуальных граммем в немецком и русском языках. Соответственно, *задачи* исследования выражаются в следующем: 1) проанализировать общие и частные значения СВ и НСВ в русском языке; 2) выделить наиболее характерные способы выражения выявленных смыслов в немецком языке; 3) определить функциональную эквивалентность граммем с аспектуальной семантикой в немецком и русском языках. Автор публикации не претендует на исчерпывающее описание обозначенной проблематики, поскольку ряд вопросов, связанных с видовой семантикой русского глагола, остаётся спорным и продолжает обсуждаться в настоящее время (см., например, [4; 9; 15; 25]), в том числе, в связи с существованием смежных с видом категорий. Описание частновидовых значений осуществлялось с опорой на работы А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина [5], Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [8] и М. Я. Гловинской [7].

Научная новизна публикации заключается в том, что в ней показан модальный потенциал совершенного вида, раскрыты типы видовых значений, реализация которых в немецком языке осуществляется посредством использования модальных, темпоральных и артиклевых форм, продемонстрирована тесная взаимосвязь аспектуальных, темпоральных и модальных значений.

Материалы исследования и методология. В качестве материалов исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, в частности основного и параллельного подкорпусов, немецкого корпуса DWDS (газетный корпус и Parlamentsreden). Важным представлялось не описание переводных соответствий, а выявление общих закономерностей передачи частновидовых значений. Соответственно, при обработке данных, отобранных из основного корпуса и немец-

кого корпуса DWDS, применялись следующие методы: общенаучные методы анализа и синтеза, при использовании которых были определены функциональные эквиваленты русских видовых граммем в немецком языке; описательный метод и метод компонентного анализа. Посредством использования описательного метода была предложена интерпретация анализируемых высказываний, а метод компонентного анализа позволил подойти к их дифференциации в соответствии с типом передаваемого аспектуального значения.

ЧАСТНОВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОВЕРШЕННОГО ВИДА И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Важным представляется замечание А. В. Бондарко [5], что частные значения совершенного вида выступают проявлением общего значения неделимой целостности. К частным видовым значениям он относит конкретно-фактическое, наглядно-примерное, потенциальное и суммарное. Аналогичные значения представлены в работе Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [8]. М. Я. Гловинская трактует суммарное значение как исключительно контекстуальное, не свойственное самому совершенному виду [7, с. 78]. Автор публикации разделяет позицию М. Я. Гловинской и склоняется к тому, чтобы не рассматривать суммарное значение как видовое, поскольку определяющим показателем в данном случае является контекст (*В дверь трижды постучали*), т. е. возникновение этого значения осуществляется при использовании обстоятельственных уточнителей. Наглядно-примерное значение А. В. Бондарко рассматривает «как особый стилистический приём изображения повторяющегося действия: выделяется один его акт, который даёт наглядное представление о других подобных актах» – о повторяемости и обычности действия говорит предшествующий контекст, например:

(1) *А старик он такой: работает ночным сторожем, но успевает и **выспаться**, и **сбежать** на охоту или на рыбалку* [5, с. 53].

Поскольку наглядно-примерное значение обусловлено контекстом, в данной публикации не будут рассматриваться варианты его выражения в немецком языке.

М. Я. Гловинская поднимает вопрос о существовании таких модальных значений совершенного вида, как условное и гипотетически-негативное. Гипотетически-негативное значение

передают конструкции типа «Ну Р, а R» ((2) *Ну, куплю я это пальто, его же носить никто не будет*). [7, с. 72], а условное значение – структуры типа *Столько ягод съесть – живот заболит* [7, с. 72]. Модальные значения, по её мнению, не свойственны именно формам совершенного вида, а характерны для тех синтаксических конструкций, в которых они имеют место. Соответственно, она предлагает их не рассматривать как частные значения совершенного вида.

Автор публикации склоняется к выделению модализованных значений совершенного вида – субъективно-эвиденциального, волитивного и деонтического [18], возникающих благодаря взаимодействию видовых и темпоральных значений. Их проявление типично для формы будущего простого времени, образуемой глаголами совершенного вида. Так, субъективно-эвиденциальное значение совершенного вида проявляется в том случае, если говорящий судит о предстоящих событиях на основе собственного опыта, наблюдений или умозаключений, предрекая определённый исход ситуации, конкретный результат в перспективе будущего времени ((2) *Ты удивишься сейчас*), а деонтическое и волитивное – если говорящий выражает обещание осуществить некий план ((3) *Мы добьёмся успехов при работе над проектом*), при этом предполагаются необходимость его реализации, осознаваемая собеседником, а также желание говорящего получить представляемый результат. В данном случае модализацию можно рассматривать как результат взаимодействия временной и темпоральной граммы. По замечанию М. В. Всеволодовой (2018), «глагольный вид тесно связан с функционально-семантическими категориями времени, в первую очередь, с категориями именной и наречной темпоральности» [6, с. 91]. В случае с модализованными значениями вида прослеживается тесная взаимосвязь модальных, темпоральных и аспектуальных значений.

Остановимся на более подробной характеристике частных значений совершенного вида в русском языке и определим варианты их реализации в немецком языке. Таким образом, будут рассмотрены конкретно-фактическое, потенциальное, субъективно-эвиденциальное, волитивное и деонтическое значения.

1. Конкретно-фактическое значение. Как отмечает А. В. Бондарко, в данном случае форма совершенного вида обозначает конкретный единичный факт, а для реализации этого значе-

ния достаточен минимальный контекст. Данный тип значений является основным [5, с. 52]. Рассмотрим в качестве примера следующие высказывания:

(4) *Придёт сейчас из бани Павел, Шура бросит пельмени в кипяток – и через десять минут готово целое блюдо великолепного сибирского угощения*¹.

(5) *Только имейте в виду, это уж последнее, – сказал Корнилов, доставая тетрадку, – он уехал*².

Как видно из приведённых примеров, речь может идти об однократных единичных действиях в прошлом и в будущем времени.

В немецком языке конкретно-фактическое значение возникает в случае использования предельных или аспектуально двузначных глаголов в ряду последовательно сменяющих друг друга действий, например:

(6) *Er kommt ins Jenseits und trifft da auf eine brutale Bürokratie*³.

(7) *Er brachte Dutzende Bürgerinitiativen und Flüchtlingsorganisationen an einen Tisch, sammelte Unterschriften, organisierte ein Benefizkonzert mit 50 Musikern*⁴.

В приведённых высказываниях использованы предельные глаголы *kommen, treffen, bringen* в конкретно-фактическом значении. Аспектуально двузначные глаголы *organisieren* и *sammeln* приобретают семантику предела, выступая в ряду последовательно совершаемых действий – в данном случае проявляет себя фигура аспектологического контекста «сопряжённость действий в последовательности» [3]. Предельные глаголы в большинстве случаев содержат соответствующие приставки, зачастую указывающие на быстрое начало и завершение действия (например, *Die Sterne sind erloschen. Ich setzte die Mütze auf. Ich erschrak*).

Немецкий определённый артикль обладает также богатым аспектуальным потенциалом (см. [23]) и способен участвовать в передаче конкретно-фактического значения. Это становится возможным при реализации следующих условий: отнесён-

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

³ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2022).

⁴ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2022).

ность глагола к разряду аспектуально двузначных и использование имени существительного в позиции ремы. Так, если глагол аспектуально двузначен, использование определённого артикля приводит к возникновению семантики предела, в русском переводе оправданно использована форма совершенного вида:

(8a) *Sie **schüttelte das Wasser** aus ihrem kurzen, krausen Haar und watete zum Ufer zurück.* (М. Аuer. «Geschichten vom Krieg»)

(8b) *Она **стряхнула воду** с коротких кудрявых волос и вышла на берег* (перевод Д. Чурсинова)⁵ (подробнее см. [1]).

В приведённом высказывании *schütteln* приобретает значение завершённости благодаря употреблению определённого артикля перед существительным *Wasser*.

Аспектуальная интерпретация глагола часто зависит от падежной семантики, передаваемой формой артикля. Видовой потенциал падежных форм можно проследить на примере предложений с аспектуально двузначными глаголами и обстоятельствами места, в роли которых выступают имена существительные с предлогами. Рассмотрим для наглядности следующие примеры:

(9a) *Die Baumkronen **rauschen im Winde***⁶.

(9a) *Beim Drei-eins zog Kozica ansatzlos aus der zweiten Reihe ab, und der Ball **rauschte ins Tor***⁷.

В предложении (9a) глагол *rauschen* приобретает семантику предела, поскольку в роли обстоятельства места выступает имя существительное *Wind* в сочетании с предлогом *in* и с артиклем, маркирующим дательный падеж. В следующем высказывании (9b) тот же самый глагол трактуется как предельный, поскольку имя существительное в функции обстоятельства места имеет форму винительного падежа, на что указывает определённый артикль.

Конкретно-фактическое значение находит в немецком языке свою реализацию и в системе функционирования глагольно-именных форм типа *in Betracht ziehen*, *in Bewegung setzen* и т. д. Это можно проследить на примерах из параллельного корпуса, например:

⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

⁶ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

⁷ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

(10a) Их маленькие крупы играли напрягшимися мышцами, хомутики поскрипывали, копыта скребли по протягу, и вот он пошёл, пошёл, пошёл. Самокат **тронулся**, снег взвизгнул под полозьями. Перхуша сунул кнут в чехол и заворочал правилом (В. Сорокин).

(10b) *An den kleinen Kruppen sah man die Muskeln spielen, die Kummete knarrten, die Hufe schurrten über den Lauf, und der glitt unter ihnen dahin, geschwind und immer geschwinder. Das Mobil **hatte sich in Bewegung gesetzt**, der Schnee knirschte unter den Kufen. Der Krächz schob die Peitsche in ein Futteral und schwenkte das Lenkscheit.* (übersetzt von Andreas Tretner)⁸.

Аспектуальным потенциалом обладает и форма *Perfekt* в случае употребления с глаголами мутативного способа действия. Речь идёт о таких предикатах, как *reifen*, *grünen*, *rosten*. Сравним следующие высказывания:

(11) *Du beschreibst einen Menschen in der Mitte des Lebens. Er **ist gereift** und hat seinen Weg gefunden*⁹.

(12) *Kurze Zeit später **reifte** dieser Gedanke immer weiter, so dass zum Jahresbeginn 2005 [...] schon eine Vorplanung, zumindest im Kopf, feststand*¹⁰.

В (11) использована форма *Perfekt* глагола *reifen*, в высказывании передано результативное значение. В следующем примере (12) претеритальная форма позволяет описать действие в его развитии. Аспектуальный потенциал перфектной формы не находит своего проявления при употреблении с предельными или непредельными глаголами. В любом случае проявление аспектуальных свойств перфектной формы зависит от способа действия глагола (см. также [28]).

Видовым потенциалом обладает и форма *Zustandspassiv*. Форму *Zustandspassiv* относят к результативным конструкциям [22]. Как справедливо отмечает Е. И. Шендельс, существует два аспектуальных значения, передаваемых этой формой: длительное (*das durative Stativ: Das Fenster ist stundenlang geöffnet*) и перфективное (*das perfektive Stativ: Die Bücher sind bereits ausverkauft*) [26, р. 76]. Конкретно-фактическое значение передают формы перфективного статива, сравним:

⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

⁹ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁰ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

(13) *Die angebotenen Plätze bei der Stadt Schweinfurt sind bereits alle belegt*¹¹.

Не только как временную, но и как аспектуальную грамму можно рассматривать форму *Plusquamperfekt*. В этой связи О. И. Москальская [24, с. 100] справедливо замечает, что семантическим компонентом *Plusquamperfekt* можно считать завершенность одного действия перед каким-либо другим. Рассмотрим в качестве примера высказывание:

(14) *Er hatte die umfangreichen Schriftsätze der Gegenseite alle gelesen und begann die Verhandlung damit, dass er sein, bereits fertig formuliertes, Urteil begründete*¹².

В приведённом фрагменте действие, обозначенное в форме *Plusquamperfekt*, можно рассматривать как завершенное в его целостности.

Сказанное позволяет заключить, что конкретно-фактическое значение русского глагола находит выражение в именных и глагольных формах (определённый артикль перед именем существительным в позиции ремы, употребление дополнения с предлогом в форме винительного падежа после аспектуально двузначного предиката, перфектная форма глаголов мутативного способа действия, *Plusquamperfekt*, форма *Zustandspassiv* в перфектном значении), на уровне контекста (фигура аспектологического контекста «сопряжённость действий в последовательности») и благодаря свойству предельности, заложенной в семантике глагола.

2. Потенциальное значение. Речь идёт о представлении действия как постоянно возможного: «обозначается постоянная возможность осуществления одного факта» [5, с. 53]. Как отмечает А. В. Бондарко, в данном случае преимущественно используется будущее простое время – форма совершенного вида, указывающая на потенциальную реализованность действия в будущем времени. Потенциальное значение «представляет собой сочетание значения вида с элементами неглагольной аспектуальности и модальности» [5, с. 54]. Рассмотрим примеры из корпуса:

(15) *Красавец! Как запоёт, как запоёт! Трель – на полчаса*¹³.

¹¹ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

¹² DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

¹³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

М. Я. Гловинская обращает внимание на то, что потенциальное значение присуще исключительно граммеме совершенного вида. «То обстоятельство, что оно не свойственно формам прошедшего времени СВ, равно как и то, что оно есть не только у личных форм СВ, но и у форм инфинитива, должно быть оговорено в виде условий его реализации. Такое описание имеет то преимущество, что позволяет закрепить одно значение за одной граммемой, а не делить его между двумя граммемами – будущим временем и инфинитивом» [7, с. 69].

В случае выражения потенциального значения совершенного вида можно проследить имплицитное выражение алетической модальности, т. е. такой возможности, которая существует в объективной действительности. В немецком языке в роли функциональных эквивалентов можно рассматривать модальные глаголы *können* и *mögen*, например:

(16) *Videowiedergabe ... mag klappen, aber keineswegs optimal!*¹⁴.

(17) *Kann mir jemand sagen woran das ganze liegen könnte?*¹⁵.

(18) *Es mag dich vielleicht auch interessieren, dass deine Löschaktion ein ziemlicher Einzelfall gewesen ist!*¹⁶.

(19) *Man mag es kaum glauben, aber es gibt tatsächlich auch einen Weltcup in der Schneeballschlacht!*¹⁷ (DECOW 16A).

В (16) – (19) использованы модальные глаголы *mögen* и *können* в сочетании с предельными (16), (17) аспектуально двузначными глаголами (18), (19) в функции инфинитива. Речь идёт о потенциально возможных действиях в перспективе будущего времени – в русском языке эти значения вполне могут быть переданы глаголами в форме совершенного вида.

Потенциальное значение может быть передано формой *Präsens* при условии интонирования финитной формы глагола. Рассмотрим в этой связи высказывания:

(20) *Du SCHAFFST das, wenn Du das willst* (DECOW 16A).

(21) *Denken Sie nur einmal daran, was PASSIERT, wenn Sie mit einer größeren Gruppe Essen gehen wollen.* (Rede von Julia Klöckner, 15.10.2019)¹⁸.

¹⁴DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁵DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁶DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁷DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁸Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL:

В предложениях (20) и (21) показана возможность существования некоторого факта в будущем в противовес его несуществованию, выводимому из контекста (*du schaffst es/du schaffst es nicht; das passiert/das passiert nicht*). В данном случае наибольшее ударение получает финитная форма глагола – речь идёт о реализации феномена *Verumfokus* [19; 20], когда говорящий утверждает истинность собственной позиции в противовес другой, высказанной ранее собеседником. Речь идёт о верификативном высказывании, а акцентоносителем верификации¹⁹, как отмечает Т. Е. Янко [16, с. 214], служит финитный глагол. Помимо феномена *Verumfokus* модальную интерпретацию высказывания позволяет реализовать такой феномен, как *Falsum* (термин С. Репп [24]) – в примерах (22) и (23) наибольшее интонационное выделение получает отрицание (неопределённое местоимение *niemand* в (22) и отрицание *keiner* (23)):

(22) *Sie sind dramatisch gescheitert, wenn wir uns die Entwicklung ansehen. Das kauft Ihnen NIEMAND mehr ab, Herr Lopatka!*²⁰.

(23) *KEINER kommt gut aus dieser Nummer raus“, sagte Bayer-Torwart Bernd Leno nach dem blamablen 1:1 gegen den Bundesliga-Tabellenletzten Eintracht Braunschweig*²¹ (подробнее см. [18]).

Таким образом, реализуемое в русском языке потенциальное значение совершенного вида находит выражение в немецком языке посредством использования модальных глаголов, формы футурального *Präsens* с интонационно маркированной верификативной ремой (*Verumfokus*, или, как вариант его реализации – *Falsum*).

3. Деонтическое и волитивное значение. Глаголы совершенного вида в форме будущего простого времени способны участвовать в передаче модализованных значений – деонтического (выражение долженствования – см. (26)) и волитивного. В некоторых случаях в высказывании присутствуют оба значения (см. (24), (25)). Рассмотрим примеры:

<https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁹ «Верификация представляет собой частный случай контраста. Это выбор из двух значений: 'да' и 'нет' или 'истина' и 'ложь'. При верификации положение дел, которое ожидалось или о котором было известно заранее в предположительном плане, объявляется имеющим (или не имеющим) место» [16, с. 23].

²⁰ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

²¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

(24) «Вместе мы \достигнем поставленных целей, решим стратегические задачи, сумеем достойно ответить на любые вызовы и угрозы современности», – уверена Валентина Матвиенко²².

(25) «Я \сделаю всё от меня зависящее, чтобы все гордились нашей компанией, ведь мы продолжаем строить лучший банк», – говорится в её заявлении в пресс-релизе группы²³.

(26) Ты \сделаешь это, потому что у тебя нет выбора...²⁴.

В приведённых высказываниях глаголы совершенного вида приобретают помимо значения завершённости действия в будущем дополнительные модальные созначения – намерение говорящего и необходимость его реализации. Модализация возникает в том числе и за счёт интонации – финитная форма глагола в данном случае получает акцентное выделение (отмечено знаком \).

В немецком языке в роли аналога выступают либо форма *werden + Infinitiv I*, либо модальные глаголы, сравним:

(27a) – Я **сделаю** всё, Ха, – гладила я его атлетические плечи. (В. Сорокин)²⁵.

(27b) «Und ich **will es tun**, Ha», sagte ich und streichelte ihm die *athletischen Schultern*. (перевод А. Третнера)²⁶

(28a) – Я... я **сделаю** всё, что они хотят, только отпустите её! Она ничего не знает, она в моих делах ничего не понимает (Б. Акунин)²⁷.

(28b) Ich... Ich **werde alles tun**, was sie wollen, aber laßt sie frei! Sie weiß nichts, sie versteht nichts von meinen Angelegenheiten (перевод А. Третнера)²⁸

Рассмотрим ещё ряд примеров из немецкого корпуса:

²² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

²³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

²⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

²⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

²⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

²⁷ Признан иностранным агентом на территории РФ, внесён в список террористов и экстремистов – (прим. ред.).

²⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

(29) *Wir **werden** nach jetzigen Prognosen zum Beispiel den Rentenversicherungsbeitragssatz von 20 Prozent bis zum Jahr 2025 nicht überschreiten*²⁹.

(30) *Die anderen Dialogforen **werden** wir im Laufe des kommenden Jahres einrichten*³⁰.

В приведённых высказываниях для передачи модализованного значения будущего времени использована форма *Futur I*. В немецком языке *werden* в сочетании с формой *Infinitiv I* можно интерпретировать как аналог модализованной формы будущего простого времени в русском языке. Модализация проявляется более отчётливо, если финитная форма глагола получает наибольшее ударение:

(31) *Ich sag dir was, du **WIRST** nach Hause **gehen** und dich ins Bett legen, und ich sehe zu, dass ich heute früher gehen kann*³¹.

(32) *Du **WIRST** mir den **bringen**, den du mir genommen hast*³².

Как правило, значение волитивности и деонтичности характерно для высказываний с местоимениями 1-го лица в семантической роли агенса. Деонтическое значение характерно более для высказываний с местоимением в форме 2-го лица. Модализованное значение свойственно форме совершенного вида, темпоральной граммеме и подчёркивается интонационно через акцентирование финитной формы глагола.

4. Субъективно-эвиденциальное значение. Высказывания с глаголами совершенного вида, указывающие на будущее время, могут обладать субъективно-эвиденциальным значением, т. е. «пророческим» оттенком – говорящий, делая заявление, опирается либо на собственный опыт, либо на сделанные наблюдения, прогнозируя определённый исход ситуации. Речь идёт о передаче значения инференциальной эвиденциальности [27]. Возникновение этого значения отчётливо прослеживается в том случае, если в роли субъекта выступает пациенс или экспериенсер – лицо, испытывающее некоторое состояние, модализация усиливается при акцентном выделении пред-

²⁹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

³⁰ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

³¹ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

³² DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

ката. Рассмотрим появление данного значения в следующих высказываниях:

(33) *Но ведь он \пропадёт, Иван Карлович, он \погибнет через две недели, вы бы только посмотрели на него...*³³.

(34) *\Расцветёт наука в Академгородках, и \оценят таланты...*³⁴.

Усиление модализованного значения может достигаться за счёт акцентного выделения финитной формы глагола.

В роли эквивалента в немецком языке выступает форма *Futur I* в сочетании с предельными и аспектуально двузначными глаголами:

(35a) *Обратя глаза к вселенским огням, слушает в себе тайный голос: «Иди, Андрей, не падай духом, не сворачивай, скоро, скоро взвеселится, **взыграет** твоя чудная сила, будет ей всё возможно: из безобразного сотворишь мир прекрасный в твоём преображении...»* (А. Толстой).

(35b) *Er aber lauscht nun, wie ein König der Könige, die Augen zu den Lichtern des Weltalls emporgehoben, auf die geheime Stimme in seiner Brust: Geh, Andrej, lass den Mut nicht sinken, weich nicht vom Weg ab; bald, bald **wird sich** deine Wunderkraft frohlockend **regen**, alles wird sie vermögen, aus Häßlichem wirst du eine Welt des Schönen schaffen in deiner Umgestaltung...* (перевод М. Шика)³⁵.

Рассмотрим ещё ряд примеров из корпуса:

(36) *Und da **wird sich** Madame noch **wundern***³⁶.

(37) *Gänserndorf, Sandgrubenweg vorbeizuschauen und eine Probefahrt mit einem vollgefederten Trike oder Quad durchzuführen! Thomas Seide **wird sich freuen***³⁷.

Таким образом, в немецком языке значение целостности, передаваемое в русском языке глаголами совершенного вида, маркируют либо предельные глаголы, либо определённый артикль в позиции ремы в высказываниях с аспектуально двузначными глаголами; модализованное значение находит выражение в употреблении модальных глаголов и глагола *werden* в сочетании с формой инфинитива предельных и аспектуально

³³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

³⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

³⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

³⁶ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁷ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

двузначных глаголов. В систематизированном виде полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Частные значения совершенного вида и варианты их выражения в немецком языке / Particular meanings of the perfect form and their expressions in German

Частное значение совершенного вида	Варианты передачи частновидовых значений СВ русского языка в немецком
Конкретно-фактическое значение	Предельные глаголы, аспектуально двузначные глаголы, употреблённые в ряду последовательно совершаемых действий; определённый артикль в позиции ремы; предложные дополнения в форме винительного падежа после аспектуально двузначных глаголов; форма Perfekt глаголов мутативного способа действия, Pluquamperfekt, перфективный Zustandspassiv
Потенциальное значение	Модальные глаголы; форма Präsens в футуральном значении + Verumfokus
Деонтическое и / или волитивное значения	Модальные глаголы; форма Futur I с предельными / аспектуально двузначными глаголами + Verumfokus
Субъективно-эвиденциальное значение	Форма Futur I с предельными / аспектуально двузначными глаголами + Verumfokus

Сделанные наблюдения позволяют заключить, что совершенный вид в немецком языке маркирован средствами, относящимися к сфере грамматики (артикли, временные формы, перфектное значение формы *Zustandspassiv*). Важную роль при этом играет свойство предельности соответствующего предиката.

ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА И ВАРИАНТЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Некоторые частные значения, передаваемые глаголами несовершенного вида, пересекаются с таковыми, выраженными глаголами совершенного вида. В дальнейшем будет показана специфика частновидовых значений несовершенного вида, а также разница между аналогичными значениями, выраженными глаголами совершенного вида. К частновидовым значениям А. В. Бондарко относит конкретно-процессное, постоянно-непрерывное, наглядно-примерное, неограниченно-кратное, потенциальное, ограниченно-кратное и обобщённо-фактическое значения [5]. Ограниченно-кратное значение (*Он несколько раз приходил*) и неограниченно-кратное значение (*Он к ней вечно хаживал*) обусловлены способом действия (например, *хаживать, поговаривал*) и контекстом (*дважды, трижды*), поэтому в дальнейшем рассматриваться не будут. Остановимся подробнее на характеристике каждого значения.

1. Конкретно-процессное значение. В данном случае речь идёт о действии, происходящем однократно в определённый отрезок времени, при этом оно представлено как развивающийся или длящийся процесс [5, с. 55]. В конкретно-процессном значении выступают глаголы, относящиеся к неопределённым способам действия, дополнительно могут быть использованы обстоятельственные уточнители, указывающие на протяжённость действия, например:

(38) *Он долго **ждал**, он терпел и, наконец, его прорвало*³⁸.

(39) *Тогда будем **обсуждать** письмо Помпея из Африки, там благополучно развиваются события, там торжествует Рим, но смотрите, чтобы, радуясь великому, мы не проглядели, что творится в собственном доме!*³⁹.

В немецком языке конкретно-процессное значение отчётливо прослеживается в случае употребления дополнительных обстоятельственных уточнителей, как в (40) и (41):

(40) *Sie wartete **lange und vergebens***⁴⁰.

(41) *Ich schlief **lange an diesem Tag***⁴¹.

³⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

³⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

⁴⁰ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

⁴¹ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата об-

Как видно из приведённых высказываний, основным условием реализации значения данного типа является неопределённость глагола, дополнительно могут быть употреблены обстоятельственные слова.

2. Постоянно-непрерывное значение. Как отмечает А. В. Бондарко, данное значение характерно для высказываний, в которых выступают глаголы состояния, перехода в новое состояние, глаголы отношения, эволютивные глаголы, дополнительно могут быть использованы обстоятельственные уточнители типа *день и ночь, весь день* и т. д. [5, с. 56]. Рассмотрим примеры:

(42) *Я поверил в Христа, Сына Божьего и Спасителя, и отныне все моё духовное развитие и бурное движение идей **протекали** в пределах христианства*⁴².

(43) *Они уже **работали** вместе в «Ванкувере» и постоянно конфликтовали, несмотря на то что нападающий получал очень много игрового времени*⁴³.

В немецком языке в данном случае использованы неопределённые глаголы, характеризующие действие в его длительности; это могут быть глаголы, относящиеся к статальному или реляционному способу действия, а также глаголы мутативного способа действия. Аспектуально двузначные глаголы, относящиеся к мутативному способу действия, используют в претеритальной форме:

(44) *Noch war Pfingsten, das liebliche Fest, nicht gekommen, doch es **grüntен** und **blühtен** Feld und Wald, festlich heiter glänzte der Himmel und farbig die Erde...*⁴⁴.

(45) *Zum Erdgeschoss und ins Treppenhaus **führtен** ein paar Stufen, unten breiter und oben schmaler, auf beiden Seiten von Mauern gefasst, die eiserne Geländer **trugен** und unten schneckenförmig ausliefen*⁴⁵.

Постоянно-непрерывное значение находит проявление и в высказываниях с формой *Zustandspassiv*, если речь идёт о состоянии, существующем некоторое время, т. е. использован имперфективный статив:

ращения: 07.07.2023).

⁴² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

⁴³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

⁴⁴ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

⁴⁵ Schlink B. Der Vorleser. Zürich: Diogenes, 1995. 207 p.

(46) *Das Kundenzentrum ist fast genauso lange geöffnet, wie die Geschäfte in der Innenstadt*⁴⁶.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет увидеть, что постоянно-непрерывное значение реализовано посредством использования неопределённых глаголов, в форме *Präteritum* глаголов мутативного способа действия и в форме имперфективного статива.

3. Наглядно-примерное значение. Действие изображено таким образом, как будто оно единично и конкретно в его развитии или длительности [5, с. 56], например:

(47) *Он достаёт из кармана платок, утирает потную бритую голову в коротких седых волосах, прячет платок и затихает, расстегнув на седой груди пуговицы*⁴⁷.

Мы полагаем, что разница между наглядно примерным значением, передаваемым глаголами совершенного вида, и наглядно-примерным значением, выраженным глаголами несовершенного вида, заключается в следующем: совершенный вид выражает ожидаемое говорящим событие, в то время как глаголы несовершенного вида описывают наблюдаемое говорящим событие, возникает ощущение, как будто он наблюдает за происходящим. В данном случае используется временная форма *Präsens* в значении *praesens historicum* неопределённых глаголов:

(48) *Eigentlich habe ich's als Spaß gemeint, aber da Sabeth es eine Glanzidee findet, ziehen wir wirklich los, um einen Feigenbaum zu finden, einfach querfeldein. Dann das Gebell von Hirtenhunden, Alarm ringsum, die Herden in der Nacht; es müssen ziemliche Bestien sein, nach ihrem Gekläff zu schließen, und in der Höhe, wohin sie uns treiben, gibt es keine Feigenbäume mehr, nur Disteln, dazu Wind. Von Schlafen keine Rede! Ich habe ja nicht gedacht, dass die Nacht in Griechenland so kalt sein würde, eine Nacht im Juni, geradezu nass. Und dazu keine Ahnung, wohin er uns führen wird, ein Saumpfad zwischen Felsen hinauf, steinig, staubig, daher im Mondlicht weiß wie Gips. Sabeth findet: Wie Schnee! Wir einigen uns: Wie Joghurt! Dazu die schwarzen Felsen über uns: Wie Kohle! finde ich, aber Sabeth findet wieder irgendetwas*

⁴⁶DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

⁴⁷Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

*anderes, und so **unterhalten** wir **uns** auf dem Weg, der immer höher führt⁴⁸.*

Таким образом, видовое значение данного типа находит в немецком языке реализацию посредством использования временной формы *Präsens*.

4. Потенциальное значение. В данном случае «обозначается действие, возможное в любой момент» [5, с. 57]. В отличие от потенциального значения, передаваемого формой совершенного вида, речь идёт не о целостном действии, а о протяжённом во времени. Потенциальное значение несовершенного вида, по наблюдениям М. Я. Гловинской, свойственно высказываниям с предикатами в форме настоящего времени: *Автомобиль развивает скорость до 200 км/час; Новый японский робот поёт и играет на улице; Такой ветер выворачивает деревья с корнем* [7, с. 211]. В немецком языке могут быть использованы предложения с формой *Präsens* в атемпоральном употреблении, а потенциальное значение вытекает из контекста:

(49) *Hanau fordert auch aufrichtige Selbstkritik der Politik. Solche Wahnsinnstaten **geschehen** nicht im luftleeren Raum⁴⁹.* (= können nicht im luftleeren Raum geschehen).

В приведённом примере говорящий высказывает суждение по поводу происходящего: второе предложение содержит указание на причину описанных в первом предложении событий. Сформулированное автором обоснование – это формулировка возможности, объективно существующей в реальной действительности. Таким образом, потенциальное значение находит реализацию в презентной форме.

5. Обобщённо-фактическое значение. Суть данного типа значений заключается в указании на сам факт осуществления действия без указания на его характер [5, с. 57–58]. Вся характеристика действия сводится к тому, что оно было, например:

(50) *Мы и ранее это **делали**, но не называли, а теперь – назовём⁵⁰.*

(51) *Школу, где работал Яков, **топили, но** и с этой топкой ребята сидели кто в пальто, кто в материнной кофте⁵¹.*

⁴⁸ Frisch M. Homo faber. Berlin: Suhrkamp Verlag, 1997. 240 p.

⁴⁹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

⁵⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

⁵¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://>

В немецком языке могут быть использованы глаголы, относящиеся к неопредельным способам действия и обозначающие некий процесс. Если в высказывании употреблены аспектуально двузначные глаголы, используются дополнительные обстоятельственные уточнители типа *immer*, *ständig*:

(52) *Ich **habe** ihm immer alles **verziehen**, all die Lügen, Ausreden, seine Unzuverlässigkeit, Ausflüchte, Eskapaden und Extrawürste*⁵².

(53) *Der Sport **hatte** ihm immer viel **bedeutet***⁵³.

(54) *Wer **hat** damals nicht **geglaubt**, dass der Hit "I 've been looking for freedom" für den Mauerfall verantwortlich war?*⁵⁴.

Таким образом, обобщённо-фактическое значение, передаваемое глаголами несовершенного вида в русском языке, находит выражение в немецком языке через использование глаголов, относящихся к неопредельным способам действия, и включение дополнительных обстоятельственных уточнителей.

Возникает вопрос о способности глаголов несовершенного вида участвовать в передаче модализованных значений. Как показывает анализ фактического материала, их реализация в большинстве случаев осуществляется при наличии в высказывании дополнительных контекстуальных показателей и интонационного выделения соответствующих компонентов высказывания. Так, деонтичность и волиитивность имеют место в случае использования обстоятельственных уточнителей, подчёркивающих значимость действий, которые необходимо осуществить, например:

(55) *Мы **будем искать** другие сферы приложения наших сил*⁵⁵.

(56) *Мы **будем настойчиво действовать** в этом направлении, **будем работать** со всеми странами континента*⁵⁶.

ruscorpora.ru (дата обращения: 08.08.2023).

⁵² DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023)

⁵³ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023)

⁵⁴ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023)

⁵⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

⁵⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

В немецком языке сочетание глагола *werden* с формой инфинитива может передавать модальное созначение при использовании дополнительных средств контекста:

(57) *Wir wollen das, und wir werden auch daran hart arbeiten*⁵⁷.

В приведённом высказывании использованы такие показатели, как модальный глагол *wollen* и обстоятельство *hart*, служащие для модализации высказывания. В этой связи заслуживают внимания наблюдения Е. В. Петрухиной над модализованными значениями будущего простого времени и аналитической формы выражения будущего: она обращает внимание на то, что степень модализации проявляется в большей степени при употреблении глаголов в форме совершенного вида, т. е. в случае использования будущего простого времени, однако окончательные выводы о модальном потенциале совершенного вида можно будет сделать после исследования обширного фактического материала [11, с. 84]. Можно предположить, что модализованные значения, передаваемые аналитическими формами выражения будущего времени в русском языке, вряд ли можно приписать только форме несовершенного вида – большую роль играют акцентное выделение и контекст. Формы совершенного вида обладают модальными созначениями, которые, в свою очередь, проявляются особенно отчётливо при условии интонирования финитной формы глагола. По всей видимости, это связано с тем, что они свойственны высказываниям, содержащим указание на событие в перспективе будущего времени в его целостности, ведь обещания и намерения звучат убедительнее, если обозначен конечный результат. Аналогичная ситуация прослеживается и в немецком языке: так, по мнению Э. Лайсс [22] и по наблюдениям М. Котина [10], высказывания с конструкцией *werden + Infinitiv* предельных глаголов можно считать модализованными, а *werden + Infinitiv* неопредельных глаголов, как правило, лишены модальных созначений.

В систематизированном виде сделанные наблюдения о передаче значений русского несовершенного вида в немецком языке представлены в таблице 2.

⁵⁷ DECOV 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org> (дата обращения: 07.07.2023).

Таблица 2 / Table 2

Частные значения несовершенного вида русского языка и варианты их выражения в немецком языке / Particular meanings of the imperfect form of the Russian language and variants of their expression in German

Частные значения несовершенного вида	Варианты выражения частных значений несовершенного вида в немецком языке
Конкретно-процессное значение	Непредельные глаголы, обстоятельственные уточнители, форма Präteritum глаголов мутативного способа действия, форма Zustandspassiv в имперфективном значении
Обобщённо-фактическое значение	
Постоянно-непрерывное значение	
Наглядно-примерное значение	Praesens historicum
Потенциальное значение	Модальные глаголы, атемпоральный презент

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Совершенный вид в русском языке обладает целым спектром частных значений. В публикации были рассмотрены конкретно-фактическое, наглядно-примерное, потенциальное значения, было предложено говорить о дополнительных модализованных значениях – волитивном, деонтическом и субъективно-эвиденциальном. Модальные созначения возникают в ситуации, когда маркирована целостность действия в перспективе будущего времени. В немецком языке в качестве функционально эквивалентных граммем можно рассматривать следующие показатели: определённый артикль в позиции ремы, использование обстоятельств, зависимых от аспектуально двузначных предикатов, в форме винительного падежа; конструкция *werden + Infinitiv I* предельных глаголов, модальные глаголы, *Perfekt* глаголов мутативного способа действия, *Plusquamperfekt* и перфективный *Zustandspassiv*. При употре-

блении глагольных форм определяющим является свойство предельности.

2. К значениям несовершенного вида традиционно относят конкретно-процессное, постоянно-непрерывное, наглядно-примерное, неограниченно-кратное, потенциальное, ограниченно-кратное и обобщённо-фактическое значения. В данной публикации не рассматривались неограниченно-кратное и ограниченно-кратное значения, поскольку они обусловлены контекстом. Конкретно-процессное, постоянно-непрерывное, обобщённо-фактическое значения находят реализацию в высказываниях с неопредельными глаголами при использовании дополнительных обстоятельственных уточнителей. Определённую роль может играть выбор временной формы: *Praesens historicum* маркирует наглядно-примерное значение, а форма *Präteritum* глаголов, относящихся к аспектуально двузначным (в частности, к мутативным) – постоянно-непрерывное значение. Пассив состояния, обладающий свойством имперфективности, также способен участвовать в передаче постоянно-непрерывного значения.

3. При описании частновидовых значений прослеживается взаимосвязь аспектуальности, темпоральности и модальности.

В целом можно заключить, что в немецком языке значение целостности маркировано в системе временных (*Futur I* предельных глаголов, *Perfekt* глаголов мутативного способа действия, *Plusquamperfekt*, *Zustandspassiv*) и именных (определённый артикль в позиции ремы) граммах. Перспективным рассматривается систематическое представление видовых, модальных и временных значений в системе межкатегориального взаимодействия в немецком и русском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина А. В. Аспектуальный потенциал артикля и падежных форм в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 17–29.
2. Балин Б. М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин: Калининский государственный педагогический институт им. М. И. Калинина, 1969. 432 с.
3. Балин Б. М., Бурмистрова Л. А. Сравнительная аспектология русского и немецкого языков. Калинин: Издательство Калининского государственного университета, 1979. 86 с.

4. Барентсен А., Храковский В. С. Вид и таксис в славянских языках // Взаимодействие аспекта со смежными категориями: материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного конгресса славистов, Санкт-Петербург, 05–08 мая 2020 г. / под ред. Г. Е. Горбовой. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. С. 34–40.
5. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. М.: Просвещение, 1967. 186 с.
6. Всеволодова М. В. Глагольный вид и именная темпоральность: механизмы взаимодействия // Вопросы языкознания. 2018. № 1. С. 91–104.
7. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Русские словари: Азбуковник, 2001. 320 с.
8. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
9. Карпунин С. А. Аспектуальность дейктических глаголов // Русский язык в школе. 2017. № 11. С. 43–47.
10. Котин М. Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 224 с.
11. Петрухина Е. В., Ли Чжухонг. Модальность глагольных форм будущего времени в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4. С. 72–86.
12. Рахманкулова И.-Э. С. Видовые значения причастий в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1958. 14 с.
13. Роганова З. Е. Перевод видовых форм русского языка на немецкий язык: дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 384 с.
14. Черткова М. Ю. К вопросу о семном составе совершенного вида // Русский глагольный вид в прикладных исследованиях / под ред. Е. Г. Борисовой, К. А. Соколовской. М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1994. С. 20–25.
15. Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009. 198 с.
16. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.
17. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3, erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013. 707 p.
18. Averina A. Das modale Potential synthetischer Zukunftsformen des Deutschen und des Russischen // Zeitschrift für Sprache und Sprachen. 2022. № 5. P. 1–23.

19. Höhle T. N. Verum-Fokus // Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund: Almqvist & Wiksell International, 1988. P. 1–8.
20. Höhle T. N. Über Verum-Fokus im Deutschen // Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. 1992. Sonderheft № 4. P. 112–141.
21. Kotin M. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 372 p.
22. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin: Walter de Gruyter, 1992. 341 p.
23. Leiss E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin: De Gruyter, 2000. 309 p.
24. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M.: Academia, 2004. 256 p.
25. Repp S. Common Ground Management: Modal Particles, Illocutionary Negation and Verum // Gutzmann D., ed. Expressives and beyond. Explorations of Conventional Non-Truth Conditional Meaning. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 231–274.
26. Schendels E. I. Deutsche Grammatik. M.: Высшая школа, 1982. 400 с.
27. Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Berlin: Peter Lang, 2022. 566 p.
28. Vater H. Das deutsche Perfekt – Tempus oder Aspekt oder beides? // Aspektualität in germanischen und slawischen Sprachen. 2000. № 46. P. 87–107.

ARTICLE INFORMATION

Anna A. Averina

- e-mail: Anna.averina@list.ru
Dr. Sci. (Philology), Prof.,
Department of Grammar and History of the German Language,
Moscow State Linguistic University
ul. Ostozhenka 38str. 1, Moscow 119034, Russian Federation

FOR CITATION

Averina A. A. The aspect meanings of the Russian verb and their implementation options in German. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify functionally equivalent aspectual grammemes in German and Russian.

Methodology. General scientific methods of analysis and synthesis, as well as linguistic methods of comparative, contextual and component analysis were used in the study.

Results. The paper describes the aspectual potential of verb and nominal forms in the German language; conclusions are drawn about the functional equivalence of grammemes in German and Russian; the deep interrelation of aspectual, temporal and modal meanings is shown.

Research implications. The publication makes a certain contribution to the development of the concept of the inter-categorical relationship of temporal, modal and aspectual meanings. The practical significance lies in the fact that the results obtained can be used in the course of studying the course "Comparative typology of German and Russian languages".

Keywords

category of aspect, functional equivalence, Russian, German, modality, temporality, aspectuality

REFERENCES

1. Averina A. V. [The aspectual potential of the article and case forms in German]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 2, pp. 17–29.
2. Balin B. M. *Nemeckij aspektologicheskij kontekst v sopostavlenii s anglijskim* [German aspectological context in comparison with English]. Kalinin, Kalininskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M. I. Kalinina Publ., 1969. 432 p.
3. Balin B. M., Burmistrova L. A. *Sravnitel'naya aspektologiya russkogo i nemeckogo yazykov* [Comparative aspectology of Russian and German languages]. Kalinin, Izdatel'stvo Kalininskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1979. 86 p.
4. Barentsen A., Xrakovskij V. S. [Aspect and taxis in Slavic languages]. In: Gorbova G. E., ed. *Vzaimodejstvie aspekta so smezhnymi kategoriyami: materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo kongressa slavistov, Sankt-Peterburg, 05–08 maya 2020 g.* [Interaction of an aspect with related categories: materials of the VII International Conference of the Commission on Aspectology of the International Congress of Slavists, St. Petersburg, May 05–08, 2020]. St. Peterburg, Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena Publ., 2020, pp. 34–40.
5. Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russkij glagol* [The Russian verb]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1967. 186 p.
6. Vsevolodova M. V. [Verbal aspect, nominal temporality, and their interaction]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2018, no. 1, pp. 91–104.
7. Glovinskaya M. Ya. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v vido-vremennoj sisteme russkogo glagola* [Ambiguity and synonymy in the aspect-time system of the Russian verb]. Moscow, Russkie slovari Publ., Azbukovnik Publ., 2001. 320 p.
8. Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 226 p.
9. Karpukhin S. A. [The aspectuality of deictic verbs]. In: *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], 2017, no. 11, pp. 43–47.
10. Kotin M. L. *Yazyk i vremya. Ocherk teorii yazykovyh izmenenij* [Language and time. An essay on the theory of language change]. Moscow, Izdatel'skij dom YASK Publ., 2018. 224 p.
11. Petrukhina E. V., Li Chzhuhong. [The modality of the verb forms of the future tense in the Russian language]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology], 2015, no. 4, pp. 72–86.

12. Rakhmankulova I.-E. S. *Vidovye znacheniya prichastii v sovremennom nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Specific meanings of participles in modern German: abstract of Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 1958. 14 p.
13. Roganova Z. E. *Perevod vidovykh form russkogo yazyka na nemetskii yazyk: dis. ... kand. filol. nauk* [Translation of the specific forms of the Russian language into German: Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 1953. 384 p.
14. Chertkova M. Yu. [On the question of the sem composition of the perfect aspect]. In: Borisova E. G., Sokolovskaya K. A., eds. *Russkij glagol'nyj vid v prikladnykh issledovaniyakh* [Russian verb aspect in applied research]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina Publ., 1994, pp. 20–25.
15. Shatunovskii I. B. *Problemy russkogo vida* [Problems of the Russian aspect]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. 198 p.
16. Yanko T. E. *Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 312 p.
17. Abraham W. *Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen*. Tübingen, Stauffenburg Verlag, 2013. 707 p.
18. Averina A. Das modale Potential synthetischer Zukunftsformen des Deutschen und des Russischen. In: *Zeitschrift für Sprache und Sprachen*, 2022, no. 5, pp. 1–23.
19. Höhle T. N. Verum-Fokus. In: *Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte*. Lund, Almqvist & Wiksell International, 1988, pp. 1–8.
20. Höhle T. N. Über Verum-Fokus im Deutschen. In: *Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte*, 1992, sonderheft no. 4, pp. 112–141.
21. Kotin M. *Die Sprache in statu movendi*. Bd. 2. Heidelberg, Winter Verlag, 2007. 372 p.
22. Leiss E. *Die Verbalkategorien des Deutschen. Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung*. Berlin, Walter de Gruyter, 1992. 341 p.
23. Leiss E. *Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit*. Berlin, De Gruyter, 2000. 309 p.
24. Moskalskaja O. I. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moscow, Academia Publ., 2004. 256 p.
25. Repp S. Common Ground Managment: Modal Particles, Illocutionary Negation and Verum. In: Gutzmann D., ed. *Expressives and beyond. Explorations of Conventional Non-Truth Conditional Meaning*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 231–274.

26. Schendels E. I. Deutsche Grammatik. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 400 p.
27. Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Berlin, Peter Lang, 2022. 566 p.
28. Vater H. Das deutsche Perfekt – Tempus oder Aspekt oder beides? In: *Aspektualität in germanischen und slawischen Sprachen*, 2000, no. 46, pp. 87–107.

ФРАЗЕОЛОГИЯ С ПОЗИЦИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТОВ

Гусева Алла Ефимовна

- e-mail: angst51@rambler.ru
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Вапник Наталья Александровна

- e-mail: gratasha@mail.ru
кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков, Государственный университет просвещения 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Краснова Ирина Александровна

- e-mail: sagittarius_14@mail.ru
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Для цитирования

Гусева А. Е., Вапник Н. А., Краснова И. А.

Фразеология с позиции этимологического и социокультурного аспектов //

Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.vestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию: 15.11.2023
- Статья размещена на сайте: 02.03.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Фразеология как система образного мировосприятия народа](#)

[Антропонимическая фразеология как понятие и явление](#)

[Этимологические и социокультурные особенности фразеологизмов английского, немецкого и русского языков](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Теоретическое и практическое исследование этимологического и социокультурного аспектов фразеологических единиц английского, немецкого и русского языков с компонентом-антропонимом.

Процедура и методы. Основными методами, при помощи которых проводилось данное исследование, стали: метод сплошной выборки, описательный метод, метод компонентного анализа, сопоставительный метод. Описательный метод дополнен методикой количественного подсчёта.

Результаты. Выявлены группы фразеологических единиц (ФЕ) с антропонимическим компонентом в соответствии с их этимологией и способом отражения ими социокультурного своеобразия. Описан процесс символизации антропонимического компонента в составе исследуемых фразеологических единиц в этимологическом и социокультурном аспектах.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в проведённом анализе ФЕ с компонентом-антропонимом в этимологическом и социокультурном аспектах с точки зрения символизации входящего в их состав антропонима. Результаты исследования вносят определённый вклад в такие области лингвистических исследований, как теория номинации, изучение взаимосвязи языка и этноса, мышления и языка, культуры и языка. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования материала и результатов работы в процессе преподавания различных языковых дисциплин: при изучении и преподавании практического курса английского, немецкого и русского языков, общей и сопоставительной лексикологии, стилистики, а также в переводческой деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

фразеологизм, антропоним, семантика, этимология, социокультурный признак, английский язык, немецкий язык, русский язык

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена теоретическому осмыслению и практическому исследованию фразеологических единиц (далее – ФЕ) с компонентом-антропонимом в этимологическом и социокультурном аспектах на материале немецкого, английского и русского языков.

По справедливому замечанию Т. З. Черданцевой, «фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражаются видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нём народа» [13].

Фразеологизмы способны определить национальный характер языковой системы, наполнить язык образностью и выразительностью. При обозначении определённых явлений окружающей действительности фразеологизмы дают им конкретную оценку, как правило, в виде фиксированной характеристики. Непосредственным образом фразеология связана с мировоззрением, культурой народа, говорящего на том или ином языке. Эту связь можно проследить в ФЕ с именем собственным, в частности, антропонимом в их составе.

Процесс коммуникации народов и их представителей, принадлежащих к различным культурам, не является возможным без использования таких значимых единиц языка, как антропонимы. Изучение ФЕ с компонентом-антропонимом представляет интерес не в последнюю очередь вследствие того, что именам собственным отведена функция накопления, хранения и трансляции традиций и культуры народа.

Актуальность исследования устанавливается тем, что имена собственные являются широко распространённым компонентом в составе фразеологизмов, они также бытуют как составной элемент пословиц и поговорок, способны к отражению своеобразия и уникальности той или иной лингвокультуры. В этой связи выявление и изучение национально- и социокультурно-ориентированной фразеологии, особенно в той её части, которую формируют ФЕ с компонентом-антропонимом, представляют несомненную актуальность.

Необходимо отметить недостаточную изученность вопросов, связанных с антропонимической фразеологией в сопоставительном аспекте. Несмотря на впечатляющее количество накопленного современной лингвистикой материала, а также на возобновление интереса к имени собственному со стороны

современных лингвистов [1; 3; 6; 7; 8; 9; 10; 15; 16], на сегодняшний момент отсутствуют работы, подробно изучающие антропонимические фразеологизмы одновременно в этимологическом и социокультурном аспектах на материале нескольких языков.

Материалом настоящего исследования стала сплошная выборка фразеологизмов с компонентом-антропонимом английского (102 ФЕ), немецкого (101 ФЕ) и русского (104 ФЕ) языков в количестве 307 ФЕ, а его источником – современные авторитетные фразеографические издания английского, немецкого и русского языков.

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СИСТЕМА ОБРАЗНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ НАРОДА

ФЕ семантически воплощают многовековой процесс культурного развития народа, позволяя зафиксировать и передать через поколения характер народа-носителя языка и его культурные приоритеты. Важно отметить, что фразеология является не только вербальным выражением окружающей действительности, но и, прежде всего, – отражением духовной сущности национального сознания этноса.

С. Г. Тер-Минасова образно сравнивает в этой связи язык с инструментом формирования разрозненных индивидуумов в народ. Языку, по мнению автора, отводится роль образования нации, сохранения и передачи при помощи языковых средств культурных ценностей и традиций [11].

Одним из способов систематизации знаний об окружающем мире является языковая картина мира. Под этим термином исследователи, в том числе С. Г. Тер-Минасова, понимают объективную реальность, которая выражена при помощи разнообразных языковых средств, содержит факты о мире и представляет его в виде системной и упорядоченной, значимой для социума знаковой модели [11].

Неоспорим факт тесной связи языковой картины мира с языком и мышлением, поскольку она вербально отражает результат деятельности человека, являющегося социализированным индивидом, а также часть общества, в котором он существует. Процесс изменения языковой картины мира находится в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с всемирным историческим процессом развития и становления самого

человека и его представлений о мире. Как часть языковой картины мира, фразеология, таким образом, отображает не только материальную, но и духовную культуру народа.

Нельзя не согласиться с А. В. Федоровым, что функционирование фразеологизмов настолько естественно встроено в повседневную речь, что они превращаются в самостоятельные высказывания, заменяющие иногда содержание целого предложения. ФЕ, в понимании А. В. Федорова, могут выражать отношение говорящего к явлению, причём не только к ситуации в целом, но и к фрагменту отдельного высказывания [12, с. 40].

Т. З. Черданцева справедливо указывает на тот факт, что при знакомстве с фразеологией мы, воспринимая её как объективную данность современного языка, учимся воспринимать образность, используемую в речи носителями данного языка, глубже осознаём самобытность каждого отдельного этноса [14, с. 135].

Осознание этнокультурной ценности ФЕ осуществляется при помощи установления смысла, который содержится в их семантике. При этом обычаи, поверия, ритуалы, стереотипы, мифы и другие знаки национальной культуры народа выступают в качестве основания ФЕ и дают представление о культурных смыслах, заложенных в них.

Таким образом, значимость и актуальность языковой и лингвострановедческой фразеологии возрастает при рассмотрении языка во взаимосвязи с социокультурными особенностями этноса, который говорит на этом языке.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ПОНЯТИЕ И ЯВЛЕНИЕ

Как известно, антропоним идентифицирует человека по имени. В составе лексики любого языка имена собственные занимают важное место. К ним прибегают, когда необходимо дать наименование людям и животным, материальным, географическим объектам и объектам духовной культуры. С их помощью каждый народ выражает своё национальное своеобразие, оценивает личные качества человека, его поступки с точки зрения членов общества и принятых в нём стереотипов. Учёные, в частности Л. Г. Золотых, под антропонимическим фразеологизмом понимают любую ФЕ с входящим в её состав компонентом-антропонимом [5, с. 153].

Д. В. Гудков отмечает, что сочетаемость имени во ФЕ позволяет выявить языковые архетипы и воссоздать языковую картину имени [4].

Несмотря на своё относительно небольшое количество – около 2% от общего числа ФЕ [2], – они содержат значительное количество информации о культуре, истории и религии того этноса, внутри которого они сформировались.

Опираясь на классификацию Э. Н. Гилязевой и С. А. Килевой¹, исследуемый нами материал можно сгруппировать по следующим группам ФЕ с антропонимическим компонентом в соответствии со способом отражения ими этимологической информации и социокультурного своеобразия:

ФЕ, в которых антропоним связан с бытом, литературой, историей и фольклором нации, например: *Тришкин кафтан*; *Peeping Tom John*; *Hans Dampf in allen Gassen*. В качестве антропонима этой группы выступают популярные женские и мужские имена. Например, Иван, Кузьма, Макар, Марья; Jack, John, Hans, Emma и мн. др.

К этой группе отнесём как индивидуальные, например: *aus einem Saulus zu einem Paulus werden*; *John (Jane, Baby) Doe*, *Jonh Hangcock*, так и групповые антропонимы, например: *j-m den Schwarzen Peter zuschieben*; *Потёмкинские деревни*; *Mr Hyde & Dr Jekyll*).

ФЕ, в которых имя собственное берёт свое начало в священных писаниях, как правило, Библии, например: *наобум Лазаря – делать что-л., не взвесив все за и против*; *спеть / запеть / петь Лазаря – выставлять себя несчастным, жаловаться на свою судьбу*. Следует отметить, что многие имена собственные – компоненты ФЕ, относящиеся к данной группе, становятся интернациональными символами, а сами ФЕ – интернационализмами, например: *seit Adams Tagen / Zeiten – давних пор, очень давно*; *die Weisheit Salomas – мудрость Соломона / Соломоново решение*;

ФЕ, имя собственное в которых обращает нас к античной мифологии. В основе их формирования лежит метафорический перенос свойств определённого события или действия человека, взятого из мифов, например: *between Scylla and Charybdis – между Сциллой и Харибдой*; *the thread of Ariadne – нить Ариадны*.

¹Гилязева Э. Н., Килеева С. А. Номинативное пространство и семантика фразеологических единиц с компонентом-антропонимом в немецком и русском языках [Электронный ресурс]. URL: https://kazgik.ru/kcontent/main/conference_competition/Problemy%20i%20perspektivy/5/5_4.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

Следует отметить, что отличительной особенностью ФЕ с компонентом-антропонимом становится семантическая «спаянность» их компонентов, которая позволяет им выступать в качестве единой семантически нерасчленённой единицы языка, выражающей единое понятие.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Немаловажное значение для понимания ФЕ с элементом-антропонимом имеет вопрос о процессе символизации антропонимов, который тесно связан с их этимологией и обуславливает социокультурные особенности ФЕ, в состав которых входят антропонимы.

Широко известно, что все языки в разной степени, но способны к символизации имён, проходя путь от антропонима к символу через нарицательное значение. Антропонимы, которые довольно часто употребляются носителями того или иного языка, дают им возможность описать историю своей страны, её автостереотипы, быт традиции и обычаи. Например, такие имена, как Otto, Hans, и Fritz, становятся символами самих немцев. Антропонимы Yankee, Uncle Sam стали символом Америки, имя Иван символизирует русских, John Bull становится символом Англии, и конкретно такие имена, как Bobby и Tommy, символизируют соответственно английского полицейского и английского солдата.

Социокультурный аспект представлен в сопоставляемых в данной статье языках на примере ФЕ с компонентом-антропонимом в виде мужского или женского личного имени, т. е. иллюстрирует гендерное расслоение фразеологического состава языка.

Интересно количественное распределение ФЕ с женскими и мужскими именами в их составе по рассматриваемым языкам (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Количественный состав ФЕ с женскими и мужскими именами / Quantitative composition of PhU with female and male names

	Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
ФЕ с мужскими именами	94	87	86
ФЕ с женскими именами	10	15	15
Всего:	104	102	101
			Итого: 307 ФЕ

Количественное распределение ФЕ, в которых в качестве субстантивного компонента выступают женские и мужские имена, показывает явное преобладание ФЕ с мужскими именами.

Наши наблюдения показали, что ФЕ, в составе которых присутствуют женские имена, в основном используются при описании личных качеств и социального портрета женщин. К положительным качествам следует отнести такие, как внешняя красота, трудолюбие, скромность и верность, например: *Марья-искусница; Варвара краса, длинная коса*, – а среди отрицательных – упрямство, глупость, нерасторопность и жадность, например: *Klatschuse – болтушка; Heulliese – плакса; Арина бесподённая – безнадёжно глупая женщина; eine dumme Trine – глупая женщина; Как ни молилась Фекла, а Бог не вставил стёкла – на Бога надейся, а сам не плошай* – и мн. др.

ФЕ с мужскими именами используются для описания физических характеристик, таких как сила, выносливость, возраст, а также умственных способностей и моральных качеств мужчины как положительного, так и отрицательного свойства: мечтательность, толерантность, снисхождение, жизнерадостность, смелость, самобичевание, покаяние, жестокость, дерзость, легкомысленность, подозрительность, ненависть, недоверие, презрение, самолюбование, лень, например: *Иванушка-дурачок; rangehen wie Blücher – решительный человек; Bold as Beauchamp – храбрый, отважный человек; Hans Unfleiß – лодырь; as loud as Tom of Lincoln – громкоголосый человек; Bold as Beauchamp – отважный, храбрый человек; to sham Abraham – притворяться больным, симулировать; Tom o'Bedlam – сумасшедший;*

more know Tom Fool than Tom Fool knows – дурак, болван; *a proper Charlie* – идиот; *a Daniel come to judgement* – честный, праведный человек; *ein langweiliger Peter* – скучный человек, зануда; *A Peter Pan* – по-детски непосредственный человек; *Es ist Hans wie Heini* – всё одно, что в лоб, что по лбу; *mit j-m Hänschen spielen* – дурачить, обманывать; *Валять Ваньку* – бездельничать; *Акакий Акакиевич* – кроткий, безобидный, робкий и забытый «маленький» человек; *Алёха сельский* – безнадёжный, глупый, невежественный человек; *Иван, не помнящий родства* – человек, который отрёкся от своего родства; *Аноху строить* – притворяться глупым, непонимающим, прикидываться простачком – и мн. др.

В последнее время отмечается тенденция к стиранию границ между гендерными различиями ФЕ. В равной степени для описания как мужчин, так и женщин употребляются, например, такие ФЕ, как *good-time Charlie* – прожигатель жизни; *the life of Riley* – обеспеченный, купающийся в роскоши человек; *Jack of all trades* – умелец, мастер на все руки. Данную тенденцию следует объяснить тем, что в современном мире усиливаются процессы интеграции и глобализации, наблюдается активный диалог культур, наличествует доступное информационное поле в сети Интернет.

Особое место в системе ФЕ с компонентом-антропонимом в исследуемых языках занимают ФЕ, в состав которых входят имена королей, писателей и учёных: *Тяжела ты, шапка Мономаха*; *Queen Ann is dead* – открыть Америку; *der Rasende Roland* – узкоколейная железная дорога; *King Charles's head* – навязчивая идея; *The Duke of Exeter's daughter* – дыба; *According to Cocker* – по правилам, правильно (по фамилии Э. Кокера как автора учебника по математике, который действовал в XVI в.); *Florence Nightingale* – Флоренс Найтингейл, медицинская сестра, которая организовала и руководила отрядом санитарок во время Крымской войны.

Если рассматривать литературные произведения, в английском языке, например, следует отметить прежде всего произведения У. Шекспира: *to out-Herod* – переусердствовать, перестараться, превзойти Ирода; *A Daniel come to judgement* – праведный, честный человек; *Cardellia's gift* – тихий, нежный голос, – а также Р. Л. Стивенсона: *Dr. Jekyll and Mr. Hyde* – человек, воплощающий в себе два начала – добро и зло.

Большинство разговорно-бытовых ФЕ с компонентом-антропонимом, как правило, не имеют определённого автора,

сформировавшись в народе и став его достоянием. Так, в XVII в. к числу самых употребительных имён, вошедших в состав ФЕ в английском языке, стали William, John, Thomas, Mary, Elizabeth, Anna. В XIX в. самыми популярными именами явились John, James, William, Anna, Helen и Mary. Однако самым распространённым антропонимом, бесспорно, является имя Jack, которое прошло через столетия и не потеряло своей колоритности, например: *Jack in the office* – бюрократ; *Jack at a pinch* – человек, к услугам которого прибегают только в самом крайнем случае; *Jack of all trades* – мастер на все руки, человек, берущийся за всё, но ничего не умеющий делать; *Jack-hold-my-staff* – раболепный слуга; *Jack and Jill* – неразлучная пара; *Jack of the clock-house* – орудие в чьих-либо руках.

Не менее популярно в английском языке в качестве компонента ФЕ имя John, например: *Johnny-of-the-spot* – человек, готовый оказать помощь в нужное время; *Johnny Newcome* – новичок; *Johnny-come-lately* – человек, пришедший в последнюю минуту; *John Trot* – деревенщина.

Как видно из примеров, эти широко распространённые английские имена становятся носителями определённых черт характера и придают ФЕ яркую экспрессивно-эмоциональную окраску. Так, имя John отличает негативная окраска, а с весёлым и проворным парнем ассоциируется чаще всего имя Jack. Примечательно, что каждое имя как компонент ФЕ имеет свою историю, которая, как правило, имеет непосредственную связь с носителем данного имени. Например, *Uncle Tom* – дядя Том, который при употреблении в составе ФЕ имеет значение «многострадальный», пришёл к нам из романа Г. Б. Стоу «Жизна дяди Тома». А ФЕ *Old Tom* связана с Томасом Чемберленом, который занимался изготовлением джина. Но значение этого устойчивого выражения не имеет связи ни с каким именем и трактуется как «общее название подслащенных сортов джина». Интересно при этом, что ФЕ *long Tom* – долговязый Том, имеющая в своей основе аналогичный антропоним, не связана с двумя предыдущими ФЕ и означает «тяжёлая пушка», которая находилась на вооружении флота США во время Второй мировой войны.

В русской лингвокультуре широко распространены такие имена, как Иван, Марья, Емеля, Федот, Макар, Яков – с такой же ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской. Одним из часто используемых антропонимов во ФЕ и чаще

всего имеющим негативное значение является имя Иван и его производные формы *Ванька, Ваня, Ванюша, Ванюшка, Ивашка, Иванушка*, где самым известным выражением является выражение «Иванушка-дурачок», пришедшее к нам из народных сказок. Другие примеры: *Ванька-Каин – преступник, нечистый на руку человек; Ваньку валять, Ивана строить себе, сам себе иванит – кто-л. дурачится, паясничает*. В своём ментальном пространстве носители русского языка воспринимают его как сочетание таких черт характера, как ум, находчивость и в то же время безалаберность.

Естественно, что в рамках статьи невозможно описать все истории номинации ФЕ с антропонимическим компонентом. Остановимся на некоторых примерах. Примечательна, например, история выражения *Ванька-Каин*, в основу которого положен персонаж из российской истории, находящийся между реальностью и мифом. Много лет тому назад бабушки при рассказе внукам старинных преданий иногда вспоминали «злодея Ваньку-Каина», ассоциируя его, например, с Кощеем Бессмертным или с Лешим, хотя в реальности его следует рассматривать, скорее, ближе к Е. Пугачёву или к С. Разину. Однако справедливости ради следует отметить, что его нельзя считать «народным героем», поскольку он искал во всём лишь личную выгоду и никогда не боролся за справедливость. Из-за этого он не стал популярен в народе, а данное прозвище получили в народе закоренелые преступники из уголовного мира.

Отрицательную окраску в составе ФЕ имеет и другое имя – Кузьма. В основу ФЕ были положены такие отрицательные социальные коннотации этого имени, как: бедность – *что хромо, что слепо, то Козьме (Кузьме) и Демьяну*; злость и воинственность – *наш Кузьма всё бьёт со зла*; несообразительность – *эта пословица не для Кузьмы Петровича*; низкое сословное происхождение – *прежде Кузьма огороды копал, а ныне Кузьма в воеводы попал*; сварливость, склонность к выражению угрозы – *показать кузькину мать*.

В немецком языке аналогом Ивана и Кузьмы при выражении ФЕ с отрицательной окраской используется имя *Hans*, которое со временем стало обозначать человека мужского рода, обладающего некими отрицательными качествами, например: *Hans Huckebein – горемыка; Hans Liederlich – безалаберный человек, неряха; Hans Ohnesorge – беспечный человек; Hans Unfleiß –*

лодырь; *Hans Immerdurst* – любитель выпить спиртного; *Hans Hasenfuß* – трусишка.

Отличительной особенностью социально-культурной специфики ФЕ с компонентом-антропонимом в немецком языке является использование антропонимов при наименовании предметов быта как самостоятельно, так и в составе ФЕ, что в определённый момент истории Германии стало традицией, например: *Dicke Marie* – большая сумма денег, крупные денежные купюры; *die Flotte Lotte* – мясорубка, соковыжималка; *der Alte Gottfried* – халат; *eine große Pauline* – большой кофейник; *der Dietrich* – парик; *der Tante-Emma-Laden* – маленький магазин, где владелец магазина одновременно является владельцем магазина и продавцом; *die Flinke, die Jette* – название обувных мастерских, где производят срочный ремонт обуви.

В прошлых веках было достаточно распространённым имя Вильгельм. Затем появились производные от данной ФЕ с этим именем, например: *den dicken Wilhelm spielen* – важничать; *den dicken Wilhelm markieren* – разыгрывать из себя аристократа; *(ein) falscher Wilhelm* – парик, накладные волосы.

В анализируемых лингвокультурах есть примеры номинации названий неодушевлённых предметов, например: *Tin Lizu* – автомобиль; *Teddy Bear* – плюшевый медведь; *Демьянова уха* – то, что назойливо предлагается или навязывается кому-либо в большом количестве; *Потёмкинские деревни* – обман с явной целью украшения существующего положения.

В немецком языке отмечены ФЕ с компонентом-антропонимом, служащие для обозначения некоторых профессий, например: *der billige Jakob* – ярмарочный торговец дешёвыми товарами. Имя *Emil* служит для обозначения профессии лётчика как профессии для избранных. Это имя пришло в немецкий язык из французского и стало известным благодаря произведению Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» ещё в XVIII в. и оставалось модным до начала XX в., например: *ölicher Max* – авиамеханик; *Feiner Emil* – офицер-щёголь.

Примечательно употребление имени Иаков как компонента ФЕ в текстах по экономике. Согласно библейскому сюжету, чтобы получить Рахиль в жёны, Иаков примерно семь лет безвозмездно работал у отца Рахили. В современном немецком языке часто употребляется такие выражения, как: *den billigen Jakob abgeben* – служить неубедительным обоснованием или простым извинением; *der wahre Jakob* – то, что нужно, единственно

правильное; das ist nicht der wahre Jakob – это не то, что нужно; beim billigen Jakob – там, где можно купить дёшево нужную вещь.

Уникальность ФЕ с антропонимом заключается в том, что они, казалось бы, связаны с определённым временным периодом как по форме, так и по значению. Для каждой последующей эпохи характерны свои примечательные ФЕ, но, как оказывается, в языке появляются некие трансформации имён уже имевшихся в народе выражений, например, *Иван Иванович Иванов*, трансформировавшийся в XXI в. в выражение *Вася Пупкин*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ ФЕ с компонентом-антропонимом с точки зрения их этимологии, процесса символизации и социокультурных особенностей даёт основание сформулировать некоторые выводы.

В составе русских, английских и немецких ФЕ функционирование антропонимов представляет интерес в связи с растущей актуальностью антропоцентрического направления во всех жизненных сферах. Изучение имён личных с психологической и социальной точек зрения путём анализа их формирования и постепенного преобразования открывает возможность вычленения социальных и эмоциональных аспектов, которые позволяют установить взаимосвязь характера человека с его именем, влияющим на его поступки и придающим ему некоторые стереотипные качества.

Исследование показало, что имя личное при вступлении в состав ФЕ подвергается двум векторам развития: либо десемантизируется путём перехода в разряд нарицательных существительных, либо сохраняет в своём значении идентифицирующую часть. Роль антропонима в составе ФЕ позволяет ФЕ выполнять различные функции: информативную, коммуникативную или характеристическую.

В составе ФЕ по-разному могут вести себя антропонимы, которые обозначают реального человека. Например, в народном творчестве имена личные, как правило, полностью лишены привязки к истории и имеют лишь нарицательное значение, не выражая связь с определённой эпохой, что нашло своё отражение в простонародных ФЕ. В остальных ФЕ личные имена сохраняют связь со своим денотатом, не приобретая обобщённого значения.

ФЕ исследованных языков из источников библейского и мифологического происхождения часто содержат одинаковые антропонимы и компоненты, что подчёркивает их интернациональный характер.

ФЕ, берущие начало в народных источниках, отражают следующие черты, которые свойственны русскому менталитету: простота и деревенский уклад жизни, вера в фатальность судьбы, стремление к самопознанию и самосовершенствованию, борьба с несправедливостью и глупостью окружающих людей.

В английском языке прослеживается более сдержанное отношение к ценностям. Так, в ходе анализа ФЕ английского языка разговорно-бытового и литературного характера отмечено, что основными качествами, характеризующими индивида, являются: внутренняя и физическая красота, осуждение разгульного образа жизни.

В немецком языке основное внимание нацелено на повседневную жизнь, почитание традиций и высмеивание отрицательных качеств человека.

Исследованный материал позволяет прийти к выводу, что имя личное в составе ФЕ принадлежит к разряду особых языковых знаков, обладающих культуропорождающими возможностями, которые способны изменять значения слов-компонентов ФЕ, подстраивая их под себя. При этом при интерпретации смыслового содержания ФЕ с компонентом-антропонимом при выявлении их социокультурных особенностей необходимо обращение к культурно-историческому контексту.

Практическая ценность проведённого исследования связана с возможностью применения его результатов на занятиях по общей и сопоставительной лексикологии, стилистике и межкультурной коммуникации, а также в переводческой практике для достижения адекватного перевода ФЕ, содержащих в своём составе личные имена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова А. Ф., Леонович О.А. Имена собственные в составе фразеологических единиц // Иностранные языки в школе. 2003. №4. С. 73–78.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Языки Славянской культуры, 2008. 646 с.
3. Гилязева Э. Н. Происхождение и мотивированность антропонима в составе фразеологической единицы (на материале русского и немецкого языков) // Фразеология в тексте и текст во фразеологизме (Четвёртые Жуковские чтения): материалы международного научного симпозиума. Великий Новгород, 4–6 мая 2009 г. / отв. ред. В. И. Макаров. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 171–172.
4. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М.: Издательство Московского университета., 2000. 120 с.
5. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 265 с.
6. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы. М.: Высшая школа, 1991. 175 с.
7. Мировые языки и культура как объект филологического исследования / О. В. Александрова, Н. А. Ахренова, М. Г. Бахтиозина, Л. В. Болдырева, Е. А. Вишнякова, О. Д. Вишнякова, М. В. Воронцова, Т. М. Гуревич, Е. А. Долгина, Е. А. Иванова, О. А. Иванова, Т. А. Ивушкина, О. М. Карпова, Т. Ю. Кизилова, О. О. Кириллова, А. А. Куклева, С. Н. Курбакова, А. А. Липгарт, Е. М. Маркова, А. П. Миньяр-Белоручева, Т. Б. Назарова, О. А. Павловская, Т. Г. Попова, О. Н. Прохорова, З. Г. Прошина, П. И. Сергиенко, Ю. С. Старостина, С. Г. Тер-Минасова, Е. С. Федорова, М. М. Филиппова, А. А. Харьковская, И. В. Чекулай, Е. А. Шамина. М.: ООО «Издательство «Наука»», 2023. 456 с.
8. Рулевская Е. С. Проблемы процессов терминологизации ономастической лексики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. №4. С. 95–104.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Имена собственные в двуязычном словаре: культурно-языковая картина мира // Вестник Московского уни-

верситета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №1. С. 9–16.

11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2010. 624 с.
12. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973. 171 с.
13. Черданцева Т. З. Идиоматика и культура // Вопросы языкознания. 1996. №1. С. 58–70.
14. Черданцева Т. З. Итальянская фразеология и итальянцы. М.: ЧеРо, 2002. 304 с.
15. Хохлина М. Л. Лингвокультурный потенциал фразеологических единиц с «чужим» антропонимическим компонентом // Вестник Томского государственного университета. 2011. №349. С. 34–37.
16. Cornejo R., Schiewer G. L., Weinberg M. Konzepte der Interkulturalität in der Germanistik weltweit. Wetzlar: Majuskel Medienproduktion GmbH, 2020. 422 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Alla E. Guseva

- email: angst51@rambler.ru
Dr. Sci. (Philology), Prof.,
Department of Germanic and Romance Philology,
Federal State University of Education
ul. Very Voloshinói 24, Mytishchi 141014, Moscow Region,
Russian Federation

Natalia A. Vapnik

- e-mail: gratasha@mail.ru
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof.,
Department of Indo-European and Oriental Languages,
Federal State University of Education
ul. Very Voloshinói 24, Mytishchi 141014, Moscow Region,
Russian Federation

Irina A. Krasnova

- e-mail: sagittarius_14@mail.ru
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof.,
Department of Germanic and Romance Philology,
Federal State University of Education
ul. Very Voloshinói 24, Mytishchi 141014, Moscow Region,
Russian Federation

For citation:

Guseva A. E., Vapnik N. A., Krasnova I. A. Phraseology from the position of etymological and sociocultural aspects. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To conduct theoretical and practical research of etymological and sociocultural aspects of phraseological units in English, German and Russian languages with an anthroponym component.

Methodology. The main methods by which this study was conducted were continuous sampling method, descriptive method, component analysis method, comparative method. The descriptive method was supplemented by a quantitative calculation method.

Results. Groups of PhU (phraseological units) with an anthroponymic component were identified in accordance with their etymology and the way they reflect sociocultural originality. The process of symbolization of the anthroponymic component in the composition of the studied phraseological units in etymological and sociocultural aspects was described.

Research implications. The theoretical significance of the work lies in the analysis of PhU with an anthroponym component in etymological and sociocultural aspects in terms of the symbolism of the anthroponym included in their composition. The results of the study make a certain contribution to such areas of linguistic research as nomination theory, the study of the relationship between language and ethnicity, thinking and language, culture and language. The practical significance of the study lies in the possibility of using material and work results in the process of teaching various language disciplines: when studying and teaching a practical course in English, German and Russian, general and comparative lexicology, stylistics, as well as in translation activities.

Keywords:

phraseological unit, anthroponym, semantics, etymology, sociocultural sign, English, German, Russian

References

1. Artemova A. F., Leonovich O. A. [Proper names as part of phraseological units]. In: *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 2003, no. 4, pp. 3–78.
2. Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Yaziki slavyanskoi kulturi Publ., 2008. 646 p.
3. Gilyazeva E. N. [Origin and motivation of an anthroponym as part of a phraseological unit (based on the material of the Russian and German languages)]. In: Makarov V. I., ed. *Frazeologiya v tekste i tekst vo frazeologizme (Chetvertye Zhukovskie chteniya): materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, Velikiy Novgorod, 4–6 maya 2009 g.* [Phraseology in the text and text in phraseological units (Fourth Zhukov Readings): materials of the international scientific symposium, Veliky Novgorod, May 4–6, 2009]. Velikiy Novgorod, Novgorodskii

gosudarstvennyi universitet im. Yaroslava Mudrogo Publ., 2009, pp. 171–172.

4. Gudkov D. B. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: problemy obucheniya* [Intercultural communication: learning problems]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2000. 120 p.
5. Zolotykh L. G. *Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoi semantiki* [Cognitive-discursive foundations of phraseological semantics]. Astrakhan, ID «Astrakhanskii universitet», 2007. 265 p.
6. Maltseva D. G. *Stranovedenie cherez frazeologizmy* [Regional studies through phraseological units]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 175 p.
7. Aleksandrova O. V., Akhrenova N. A., Bakhtiozina M. G., Boldyreva L. V., Vishnyakova E. A., Vishnyakova O. D., Vorontsova M. V., Gurevich T. M., Dolgina E. A., Ivanova E. A., Ivanova O. A., Ivushkina T. A., Karpova O. M., Kizilova T. Yu., Kirillova O. O., Kukleva A. A., Kurbakova S. N., Lippart A. A., Markova E. M., Min'yar-Beloruicheva A. P., Nazarova T. B., Pavlovskaya O. A., Popova T. G., Prokhorova O. N., Proshina Z. G., Sergienko P. I., Starostina Yu. S., Ter-Minasova S. G., Fedorova E. S., Filippova M. M., Khar'kovskaya A. A., Chekulai I. V., Shamina E. A. *Mirovye yazyki i kul'tura kak ob'ekt filologicheskogo issledovaniya* [World languages and culture as an object of philological research]. Moscow, Nauka Publ., 2023. 456 p.
8. Rulevskaya E. S. [Problems of onomastic vocabulary terminologization processes]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 4, pp. 95–104.
9. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kulturi" Publ., 1996. 288 p.
10. Ter-Minasova S. G. [Proper names in bilingual dictionaries: the cultural and linguistic picture of the world]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2010, no. 1, pp. 9–16.
11. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Slovo Publ., 2010. 624 p.
12. Fedorov A. I. *Razvitie russkoi frazeologii v kontse XVIII – nachale XIX v.* [Development of Russian phraseology at the end of the 18th – be-

gining of the 19th cent.]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoye otdeleniye Publ., 1973. 171 p.

13. Cherdantseva T. Z. [Idioms and culture]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1996, no. 1, pp. 58–70.
14. Cherdantseva T. Z. *Italian phraseology and Italians* [Ital'yanskaya frazeologiya i ital'yantsy]. Moscow, CheRo Publ., 2022. 304 p.
15. Khokhlina M. L. [Linguistic and cultural potential of phraseological units with foreign anthroponymic element]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2011, no. 349, pp. 34–37.
16. Cornejo R., Schiewer G. L., Weinberg M. *Konzepte der Interkulturalität in der Germanistik weltweit*. Wetzlar, Majuskel Medienproduktion GmbH, 2020. 422 p.

МАНИПУЛЯЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ ПОСРЕДСТВОМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ГУМАНИТАРНАЯ ПРОБЛЕМА XXI ВЕКА

Зиньковская Анастасия Владимировна

- e-mail: anastassiat@bk.ru
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии факультета романо-германской филологии, Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149,
Российская Федерация

Оломская Наталья Николаевна

- e-mail: olomnat@mail.ru
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии, Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149,
Российская Федерация

Для цитирования

Зиньковская А. В., Оломская Н. Н.

Манипуляция человеческим сознанием посредством искусственного интеллекта как гуманитарная проблема XXI века // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию: 16.11.2023
- Статья размещена на сайте: 26.02.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Специфика манипуляции в современном мире](#)

[Эксперименты в области усовершенствования возможностей искусственного интеллекта](#)

[Специфика манипуляции искусственного интеллекта](#)

[Искусственный интеллект как гуманитарная проблема](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проанализировать возможности манипуляции сознанием человека посредством использования искусственного интеллекта.

Процедура и методы. В процессе исследования авторами использовался междисциплинарный подход при рассмотрении специфики манипулятивного воздействия искусственным интеллектом на социум в целом и индивида в частности. Данный подход позволил применить ряд методов и приёмов для анализа текстов, сгенерированных с применением нейросетей, – таких как контекстуальный анализ, компонентный и сопоставительный анализ.

Результаты. Следствием лингвокогнитивного манипулирования через социальные сети, а также разнообразные платформы, существующие в виртуальном пространстве, является мощное социально-политическое воздействие на социум, поскольку социальные сети – это не только инструмент обмена информацией среди пользователей, так как именно социальные сети предоставляют большой выбор средств и техник манипулирования, а также – неограниченные возможности для применения искусственного интеллекта для манипулирования общественным сознанием.

Возможности нейросетей практически не лимитированы, и, несмотря на то, что результаты работы искусственного интеллекта в совокупности идентичны, они чаще всего идеологически окрашены и не предлагают выбора ни лексики, ни синтаксиса. Использование подобных нейросетей приводит к снижению творческого потенциала индивида, мотивации к изучению и осмыслению явлений окружающей действительности, что в конечном итоге приведёт к манипуляции человеческим сознанием искусственным интеллектом.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты научного исследования вносят вклад в дальнейшее осмысление опасности манипуляции сознанием искусственным интеллектом как гуманитарной проблемы. Анализ текстов, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта, а также анализ языковых средств поможет в перспективе учитывать возможности искусственного интеллекта и выработать методики, позволяющие ограничить сферу применения искусственного интеллекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

искусственный интеллект (ИИ), гуманитарная проблема, манипуляция, манипулятивное воздействие, нейросети

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху тектонических изменений, происходящих в первой трети XXI в., всё больший интерес исследователей вызывает изучение возможностей искусственного интеллекта при манипулировании сознанием индивида в частности и общественным сознанием социума в целом, что особенно важно сегодня, когда происходит открытая информационная война между так называемым коллективным Западом и Российской Федерацией.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы проанализировать возможности манипуляции сознанием человека посредством использования искусственного интеллекта. Гипотеза исследования состоит в том, что стремительная эволюция возможностей искусственного интеллекта (ИИ) может стать прямой экзистенциальной угрозой человечеству и приведёт к тотальной трансформации жизни и деятельности социума в результате использования ИИ. Стремительное распространение использования искусственного интеллекта в различных социальных областях становится угрозой прерогативе человека, а не просто проблемой, так как начинает лишать человека возможности развиваться и стремится подчинить человека себе. Данной проблеме посвящён ряд работ отечественных и зарубежных исследователей: Т. В. Черниговской, В. А. Лекторского, Д. И. Дубовского, Дж. Фодора, Т. Ван Дейка и др. Отметим ряд наиболее, с нашей точки зрения, интересных работ по данной проблеме: «Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта» в журнале «Вопросы философии» (К. В. Анохин, К. С. Новоселов, С. К. Смирнов, А. Р. Ефимов, Ф. М. Матвеев, 2022), работу И. М. Дзялошинского «Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива» в журнале «Вестник НГУ» (2022), сборник «Человек и системы искусственного интеллекта» (2022). Тем не менее проблемы, связанные с манипуляцией сознанием человека искусственным интеллектом, всё ещё недостаточно изучены и требуют пристального внимания коллег. Данная работа актуальна ещё и тем, что она привлекает внимание к необходимости тщательного изучения данного вопроса. Теоретико-методологической основой представленного в работе анализа является понимание сложного механизма манипулятивного воздействия на человека с помощью нейросетей, как справедливо отметила Т. В. Черниговская, ссылаясь на Р. Джекендоффа, который предложил «перекинуть мост между вычисляющим и самодостаточным

мозгом и внешним миром, вводя концепт f-mind, который можно понимать как способность средствами естественного языка кодировать определённые комбинации в нейронных сетях в релевантных контексту отделах мозга» [8, с. 32]. Возникает вопрос: можно ли использовать эти средства для кодировки определённых комбинаций в ИИ, и к чему это приведёт, если использовать возможности «Strong» ИИ? Характер исследования и его основная цель (обоснование гипотезы исследования) объясняют выбор междисциплинарного подхода при рассмотрении специфики манипулятивного воздействия искусственным интеллектом на социум в целом и индивида в частности. Данный подход позволил применить ряд методов и приёмов для анализа текстов, сгенерированных с применением нейросетей, – таких как контекстуальный анализ, компонентный и сопоставительный анализ.

СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Манипуляция общественным сознанием далеко не нова, если вспомнить историю (например, военные действия стран-членов НАТО в Ираке, Ливии, Югославии и сегодня на Украине), – невозможно представить её без манипуляции общественным мнением, часто не только направленным на «врага» для психологического воздействия, но и обращённым к своему народу. Так, к примеру, во время бомбардировок Ирака и в последствии Ливии американскому народу в СМИ насаждалось утверждение о том, что силы НАТО несут демократию в эти страны, распространяют идеи равенства и свободы. Социально-экономические изменения, влияющие на эволюционные процессы в современном информационном обществе, имеют опасные тенденции для будущего человечества, поскольку сопровождаются формированием, а затем манипулированием сознанием индивидуума в частности и социума в целом посредством управления не только поведением человека, но и воздействием на его когнитивные способности. Именно в текущем столетии возникает опасность манипуляции общественным сознанием не только традиционными средствами, но и набирающим мощь искусственным интеллектом. В данном контексте представляется актуальным изучение бинарных антагонистов «чужой – свой», так как данная оппозиция может рассматриваться в применении практически во всех политико-

идеологических и когнитивных аспектах исследования. В этой связи интересными представляются результаты исследования интердискурсивной среды медийного и сетевого дискурса Украины после государственного переворота 2014 г., так как именно на фоне этих событий произошло резкое отчуждение Российской Федерации и Украины, направленной на разобщение двух исторически связанных народов, что в конечном итоге отразилось в формировании резко негативного образа России как «врага» и оказало влияние на проявление русофобии в ряде стран Европы, а с началом Специальной военной операции эти тенденции только усилились. А. А. Хабаров в своём исследовании приводит интересные результаты мониторинга общественного мнения по данным социологических опросов молодёжи на Украине в 2017 г., где в фокус-группе из 2000 респондентов (от 14 до 29 лет) 61% опрошенных полагал, что Российская Федерация несёт ответственность за разжигание конфликта на востоке Украины, 60% одобряли вступление Украины в ЕС, 91% опрошенных при этом пользовались социальными сетями [7, с. 72–82].

Несомненно, такие результаты стали возможными при перманентном использовании украинскими медиа манипулятивных приёмов и техник, направленных на когнитивно-психологическую составляющую социума Украины и, как следствие, на формирование общественного мнения, выгодного правящей элите Украины. Мы полагаем, что такой результат является следствием лингвокогнитивного манипулирования через социальные сети, а также разнообразные платформы, существующие в виртуальном пространстве, поскольку социальные сети – это не только инструмент обмена информацией среди пользователей, но и мощное социально-политическое средство воздействия на социум. Мы полагаем, что именно социальные сети предоставляют большой выбор средств и техник манипулирования, а также – неограниченные возможности для применения искусственного интеллекта для манипулирования общественным сознанием.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ОБЛАСТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Для реализации цели нашего исследования необходимо определить понятие «гуманитарная проблема» – это сложный социальный, экономический и политический вопрос, связанный с противоречиями и недостатками в области человеческого развития, нарушением прав и основных потребностей людей. Они касаются таких аспектов, как доступ к образованию, здравоохранению, безопасности, равноправию, окружающей среде и многому другому. Обращаясь к словарной статье в «Толковом словаре по искусственному интеллекту», читаем: «Искусственный интеллект – свойство искусственных интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека»¹.

В современных исследованиях (Т. В. Черниговской, Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского, Ф. Джонсона-Лэрда и др.) выделяют две основные формы ИИ (искусственного интеллекта). Во-первых, «weak» («слабый») ИИ, который представляет собой некое подобие естественного интеллекта (ЕИ), обладающего ограниченным спектром возможностей (например, выполняющего «рутинную» трудоёмкую работу, такую как обработка базы данных, машинный перевод с одного языка на другой и пр.). Во-вторых, «strong» («сильный») ИИ, который обладает ментальной репрезентацией, способностью к самообучению, функционирует независимо от человека, а также способен самостоятельно ставить цели и решать задачи. Разработка интегральной системы ИИ приобретает всё большую актуальность и является предметом исследований научных центров в сфере ИИ. Перспективы таких разработок, на наш взгляд, и представляют основную гуманитарную угрозу для человечества в XXI в., поскольку достижения науки, к сожалению, не всегда используются в «мирных целях» и могут служить инструментом манипуляции общественным сознанием. А. Чичулин определяет нейросеть как модель, которая «производит и анализирует комплексные паттерны баз данных, учится на примерах, предвидит события и принимает решения» [9, р. 9].

Эксперименты в области усовершенствования ИИ (в международной классификации принято сокращённо обозначать как AGI) ведутся в разных направлениях и часто бывают

¹Толковый словарь по искусственному интеллекту / сост. А. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Поспелов. М.: Радио и связь, 1992. С. 38.

достаточно противоречивыми. Так, к примеру, специалисты Медиа-лаборатории МТИ (MIT Media Lab) создали первую в мире психопатическую нейросеть, которую назвали «Норман» в честь известного персонажа романа «Психо» Р. Блоха². Смысл эксперимента сводился к следующему. Группа учёных ограничила информационный поток Нормана паттернами, содержащими информацию о смерти, разрушениях и катастрофах, что способствовало формированию маниакально-психопатической индивидуальности ИИ. Результатом этого явилось то, что ИИ идентифицировал в нейтральных изображениях сцены смерти и насилия. Цель эксперимента заключалась в том, чтобы продемонстрировать негативное влияние интернета на психику человека. На наш взгляд, этот эксперимент показал возможности манипулятивного воздействия на психику человека с помощью ИИ. Изначально нейросеть представляет собой некую «tabula rasa», поскольку у неё нет желаний, эмоций, побуждений и пр., т. е. того, что свойственно человеку. Однако эксперимент с Норманом подтвердил опасения учёных, разрабатывающих ИИ, в том, что ИИ («strong») способен обучаться и, как следствие, приобретать опасные «знания» и использовать их в конечном счёте против человечества, поскольку ИИ не обладает нравственно-этическими нормами, регулирующими поведение индивидуума в социуме. Таким образом, ИИ и нейросети изначально являются продуктом интеллектуальной деятельности человека (что вложили, то и получили), но это именно тот случай, когда «ученик» легко может превзойти «учителя». Вопросы, связанные с дальнейшей разработкой и использованием ИИ с гуманитарной точки зрения остаются открытыми, поскольку, как отмечает Д. И. Дубровский: «Здесь необходимыми ресурсами для построения моделей AGI могут служить, в первую очередь, положения эпистемологии, касающиеся объяснения и обоснования успешного познавательного процесса, результаты психологических и феноменологических исследований ценностно-смысловых, динамических структур субъективной реальности и результаты новейших нейронаучных исследований сознания» [2, с. 100–107]. Как справедливо заметил Дж. Фодор: «Что с нами не так, так это то, что наш разум не был развит для того, чтобы справляться с тем миром,

² Норман: первый в мире искусственный интеллект-психопат // TechInsider: [сайт]. [06.06.2028]. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/news-426782-norman-pervyy-v-mire-iskusstvennyy-intellekt-psihipat> (дата обращения: 12.09.2023).

в котором мы живём»³. Говоря об использовании ИИ и нейросетей в социальных сетях для генерирования общественного мнения о тех или иных событиях (мы уже приводили выше социальный опрос, поскольку полагаем, что данное общественное мнение было сформировано в том числе и под влиянием ИИ и нейросетей, широко применяемых в интернете), следует отметить, что манипуляция общественным сознанием ИИ находит всё большее распространение. Как справедливо отметил И. Маск: «В долгосрочной перспективе искусственный интеллект может стать автономным и захватить власть над миром, но в краткосрочной перспективе он используется политиками для контроля над тем, что вы думаете, для прекращения вашего независимого суждения и уничтожения демократии накануне президентских выборов»⁴.

СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Исследование проблемы манипуляции искусственного интеллекта, безусловно, носит междисциплинарный характер, где когнитивная составляющая является одной из основных опор анализа. Проблемы соотношения языка и сознания, концептуализация и категоризация социума, а также способность человека связывать язык и формы его воздействия на общество являются неотъемлемым механизмом в процессе манипуляции сознанием человека. Примером могут послужить созданные разными программами искусственного интеллекта тексты на актуальные проблемы. Анализируя данные тексты, несложно понять, что информация предвзята и искажает исторические факты, но именно так эта проблема освещается на страницах англоязычного интернет-пространства, где новости и факты очень часто генерируются искусственным интеллектом по ключевым словам, адаптируя предубеждения и выдумки разработчиков. Искусственный интеллект не предполагает проверки того, что он создаёт. Дезинформация, таким образом, распространяется быстро и благодаря используемым опреде-

³ Fodor J. Why pigs don't have wings [Электронный ресурс]. URL: http://www.biolinguagem.com/ling_cog_cult/fodor_2007_why_pigs_dont_have_wings.pdf (дата обращения: 11.09.2023).

⁴ Интервью Илона Маска Такеру Карлсону [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/5309831523159438930> (дата обращения: 21.10.2023).

лѐнным языковым моделям влияет на сознание людей, которые теряют способность отличать ложь от истины, так как мозг современного человека склонен к лени и открыт для манипуляции. Особенно это касается молодых людей, сознание которых подвержено возможному «переформатированию».

В качестве эксперимента нами были выбраны наиболее «популярные» нейросети: TWEE, Chat GPT, Neuro-texter, Educaplay. Задача была представлена следующим образом: нейросетям предлагалось по ключевым словам «Russia», «Ukraine», «conflict» сгенерировать текст. В результате мы получили четыре практически идентичных текста. Приведѐм данные тексты в сокращѐнном варианте:

Chat GPT:

The conflict between Ukraine and Russia has been *a significant geopolitical issue since 2014*. Stemming from historical, cultural, and political factors, this conflict has resulted in significant *consequences for both nations and the wider international community*. The roots of the conflict *can be traced back to Ukraine's history as part of the Soviet Union*. Ukraine gained independence but struggled to *establish a stable political identity*. The country became divided between those who *sought closer ties with Europe*. In 2013, Ukraine's decision to *pursue closer ties with the European Union* sparked widespread protests known as the *Euromaidan movement*. Russia saw this as a threat to its influence in the region and *subsequently annexed Crimea in 2014*, a move *that was widely condemned by the international community*. Following the annexation of Crimea, *pro-Russian separatists* in eastern Ukraine, primarily in the Donbass region, declared independence. This led to *a violent conflict between Ukrainian armed forces and separatist groups supported by Russia*. The conflict between Ukraine and Russia *has drawn significant international attention*. Additionally, *the conflict has highlighted the vulnerability of post-Soviet countries to external influences, raising concerns among neighboring nations about their own territorial integrity*.

TWEE

The conflict between Russia and Ukraine has been ongoing for several years now. It began in 2014 when Russia *annexed Crimea* from Ukraine. On one hand, there is a deep *historical and cultural connection* between Russia and Ukraine, which dates back centuries. On the other hand, Ukraine has long struggled to establish *its own independent identity*. *Russian-backed separatists* have taken control of parts of eastern Ukraine, *leading to a protracted and bloody conflict that has resulted in thousands of deaths and the displacement of millions of people*. *The international community has imposed economic sanctions* on Russia in an attempt to pressure them into *withdrawing their support* for the separatists. In recent years, there have been efforts to *negotiate a ceasefire*.

Educaplay

The conflict between Ukraine and Russia began in 2014 when *Russia annexed Crimea* from Ukraine. *The international community has condemned Russia's actions and imposed sanctions on the country*. Efforts to find a peaceful resolution to the conflict have been unsuccessful so far.

Neuro-texter

The conflict between Russia and Ukraine has been *a key issue in international relations since its outbreak* in 2014. This ongoing conflict has had *far-reaching consequences*. The roots of this conflict can be traced back to *historical, political, and cultural factors*, as well as geopolitical interests. Ukraine's desire to align itself with Western democracies *and pursue closer ties with the European Union* ignited tensions with Russia. *The annexation of Crimea by Russia* in 2014 further escalated tensions and led to armed conflict in eastern Ukraine between Ukrainian government forces and *pro-Russian separatists*. *The conflict has resulted in significant human suffering, including civilian casualties, displacement of populations, economic hardships, and violations of human rights*. It has also strained diplomatic relations between Russia and Western countries who *have imposed sanctions on Russia* in response to its actions in Ukraine.

Как показывает анализ данных текстов, частотность использования синонимичных идеологически маркированных единиц дискурса достаточно высока (the annexation of Crimea, imposed sanctions on Russia, significant human suffering, be traced back to historical, political, and cultural factors; negotiate a ceasefire,

separatists, independent identity closer ties и пр.), что говорит об однородности и практически полном совпадении лексических единиц, которые представляют собой интертекстуальное прецедентное использование в нейросетях. Основными инструментами генерирования текста, применяемыми разработчиками данных нейросетей, служат информативные знаки, репрезентирующие социально-ценностную парадигму, основанную на дискурсивно-мотивированной деятельности. Характерными особенностями анализируемых текстов являются наличие политических клише и штампов, а также тождественных оценочных коннотаций: наиболее частотны по употреблению слова «*significant*», «*conflict*», «*consequences*», «*annexation*» и его производные. Кроме того, анализ показывает употребление определённых лексических единиц, которые служат маркерами, идеологически моделирующими у реципиента заведомо враждебное отношение к данным событиям. Например:

The conflict has resulted in significant human suffering, including civilian casualties, displacement of populations, economic hardships, and violations of human rights.

The international community has condemned Russia's actions and imposed sanctions on the country.

In 2013, Ukraine's decision to pursue closer ties with the European Union sparked widespread protests known as the Euromaidan movement. These protests led to the ousting of then-President Viktor Yanukovich, who had favored closer ties with Russia. Russia saw this as a threat to its influence in the region and subsequently annexed Crimea in 2014, a move that was widely condemned by the international community. The conflict between Ukraine and Russia has been a significant geopolitical issue since 2014.

The annexation of Crimea by Russia in 2014 further escalated tensions and led to armed conflict in eastern Ukraine between Ukrainian government forces and pro-Russian separatists.

Так, Т. ван Дейк в исследованиях идеологии как формы социального познания писал о том, что «интерпретация идеологии как когнитивной системы позволяет использовать её в процессах формирования социальных репрезентаций различных групп общества и за счёт этого осуществлять косвенный контроль над относящимися к ним социальными практиками и, в свою очередь, явлениями речевой деятельности индивидов» [10, р. 242–257], чем в полной мере пользуются и будут пользоваться в дальнейшем разработчики ИИ для того, чтобы

оказывать влияние на формирование общественного мнения социума в целом и индивида в частности.

Таким образом, говоря о возможностях нейросетей сегодня, отметим, что, несмотря на оперативное создание текста (не более 2 минут, а зачастую 5–10 секунд), результаты работы искусственного интеллекта в совокупности идентичны, могут быть идеологически окрашены и не предлагают выбора как лексики, так и синтаксиса. Иными словами, использование подобных нейросетей приводит к тому, что человеку нет необходимости думать, получать знания, тренировать логическое мышление, анализировать явления окружающей действительности, стоит отключить здравый смысл и положиться на манипуляцию человеческим сознанием искусственным интеллектом. Как справедливо отмечает В. А. Лекторский: «Цифровизация приносит немало благ, решает множество проблем, но также может создавать угрозы самому бытию человека» [4, с. 29].

Мы полагаем, что такой результат является следствием лингвокогнитивного манипулирования посредством искусственного интеллекта, используемого разнообразными платформами, существующими в виртуальном пространстве, поскольку это не только инструмент обмена информации среди пользователей, но и мощное социально-политическое средство воздействия на социум. Искусственный интеллект обладает большим выбором средств и техник манипулирования. Кроме того, человек сам, по своей воле предоставляет неограниченные возможности для манипулирования общественным сознанием, обучая искусственный интеллект и направляя его, вполне возможно, против себя самого. Получая однотипную информацию с нескольких ресурсов, современный человек принимает её как истину, редко подключая критическое мышление или здравый смысл. Новое поколение, а точнее поколение Z, у которых «я» физическое живёт в реальном мире, а «я» цифровое – в виртуальном, воспринимает представленную в сети информацию как единственно верную, и даже при условии, что $2+2$ будет равняться не 4, ответом может являться утверждение о том, что на просторах интернета так написано, а значит, проверять не имеет смысла и проще всего переделать таблицу умножения, так как нет, по мнению молодых людей, прямых доказательств, что $2+2=4$. Отдавая на откуп искусственному интеллекту мыслительную деятельность человека,

мы попадаем в социум манипулируемых существ – не это ли основная гуманитарная проблема современного мира?

Кроме того, в последнее время получили распространение так называемые Computer Generated Images (CGIs) («набор образов, сгенерированных компьютером»), которые являются электронными копиями реальных людей, как правило, известных актёров и актрис, которые «снимаются» в электронном кинематографе, не подозревая об этом. Данные копии могут, используя авторитет известных людей, транслировать любую информацию (не всегда адекватную), тем самым оказывая влияние на формирование общественного мнения.

Любой факт может быть искажён, зафиксирован в лингвистических моделях, растиражирован при помощи ботов, которые совершают вирусную рассылку, и подрастающее поколение уже уверено, что шекспировская Джульетта – темнокожая девушка, да и в праве ли мы определять пол? Это за нас также сделает искусственный интеллект, манипулируя сознанием человека. «Все когнитивные процессы, независимо от их осознанности, рутинности / тривиальности или новаторства и даже уникальности, обеспечиваются мозговыми процедурами. Огромную роль в ментальном мире человека играет язык, который не только обеспечивает основной вид коммуникации, но и является главным инструментом мышления: мы не просто *Homo sapiens*, но *Homo loquens*, а значит, по словам У. Эко, “мы утоплены в языке, кардинально от него зависим”» [6, с. 675–686].

И сегодня в современных условиях есть вполне реальная угроза превратиться из *Homo sapiens* и *Homo loquens* в *Homo Insipiens* – и разрушить всё то, что создавалось человеческим гением на протяжении всей истории существования.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ПРОБЛЕМА

Использование ИИ в сфере образования в конечном итоге может привести к печальным последствиям, когда мы столкнёмся с повальным использованием школьниками и студентами ИИ для подготовки домашнего задания, написания исследовательских работ, дипломных проектов. О каком качестве образования в этом случае может идти речь и каких «специалистов» мы получим? В. Л. Макаров отмечает, что нет уверенности в том, что «искусственный интеллект, и соответственно,

искусственное общество могут, хотя бы теоретически, полностью быть адекватными (быть полной копией) человеку и обществу людей. Сознание пока или в принципе не может быть объяснено вычислительным способом» [5, с. 68].

Технологический рывок конца XX – начала XXI вв. поставил перед учёными новую задачу: научиться сосуществовать с постоянно прогрессирующим искусственным интеллектом (ИИ), который на данный момент требует пристального внимания лингвистов для обеспечения безопасности общества, так как бесконтрольное развитие данного механизма может привести к гуманитарной катастрофе. Следует помнить, что, несмотря на то, что «искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные процессы человека ..., при всех вариантах технического развития ... искусственный интеллект всегда будет связан с деятельностью человека» [1]. Учёными подтверждается, что ИИ имеет потенциал выявлять уязвимые места в человеческом поведении и, используя их, оказывать влияние на принятие решений, что является манипуляцией сознанием.

Научное мировое сообщество, ведущие информатики, программисты, физики и др. сходятся в едином мнении о том, что «в области искусственного интеллекта должна быть очень серьёзно прописана законодательная база»⁵. Проблемы возникают с открытыми базами данных, куда разработчик «складывает» свои программные опции, которые можно использовать для нейронных сетей, поэтому их нужно очень внимательно анализировать, потому что там зачастую могут уже содержаться коды ошибок, что создаёт определённую опасность.

⁵ Емельяненко А. Президент РАН Геннадий Красников: Развитие искусственного интеллекта надо увязать с законом // RG.ru: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/04/04/prezident-ran-gennadij-krasnikov-razvitie-iskusstvennogo-intellekta-nado-uviazat-s-zakonom.html?ysclid=lofubrszi1156469147> (дата обращения: 21.10.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуманитарная угроза со стороны искусственного интеллекта, безусловно, на данный момент и, будем надеяться, далее – контролируема, так как без языковой модели, которая изначально создаётся человеком, искусственный интеллект порождать тексты, а значит, и полностью манипулировать сознанием человека пока не может (*выделено нами – Н. О., А. З.*). Задача лингвистов и филологов создавать такие языковые модели, которые при любой комбинации не упускали и не искажали бы человеческие ценности, а также позволили бы вывести рассуждения искусственного интеллекта на доверительный уровень: «ИИ обладает значительным потенциалом в научных исследованиях прежде всего за счёт возможности анализировать скрытые от человека закономерности, предлагая дополнительные описательные возможности, от нового языка до новой науки, объединяющей различные дисциплины» [3, с. 93–105].

Однако нужно помнить, что отсутствие правовой базы для контроля производительности искусственного интеллекта несёт угрозу человечеству. Существо разумное, т. е. человек, наделённое способностью анализировать, рассуждать, мыслить критически, отдаёт на откуп хоть и интеллекту, но с ключевой составляющей «искусственному», т. е. созданному кем-то, принятие порой судьбоносных решений.

В заключение процитируем открытое письмо И. Маска и экспертов-создателей искусственного интеллекта, опубликованное на сайте «Future of Life Institute», которое состоит всего лишь из 21 слова, но ёмко обобщает масштабность угрозы человечеству со стороны искусственного интеллекта: «Снижение риска вымирания из-за ИИ должно стать глобальным приоритетом наряду с другими социальными рисками, такими как пандемии и ядерная война»⁶.

Мы полагаем, что результаты нашего исследования помогут осмыслить опасность манипуляции человеческим сознанием посредством искусственного интеллекта и учесть в перспективе возможности искусственного интеллекта, а также выработать методики, которые позволят регламентировать возможности применения искусственного интеллекта.

⁶ Открытое письмо Илона Маска [Электронный ресурс]. URL: <https://futureoflife.org> (дата обращения: 01.10.2023).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзялошинский И. М. Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. № 6. С. 20–29.
2. Дубровский Д. И. Развитие искусственного интеллекта и глобальный кризис земной цивилизации (к анализу социогуманитарных проблем) // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. № 2. С. 100–107.
3. Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта / К. В. Анохин, К. С. Новоселов, С. К. Смирнов, А. Р. Ефимов, Ф. М. Матвеев // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 93–105.
4. Лекторский В. А. Искусственный интеллект в изучении человека, человек в мире, создаваемом искусственным интеллектом // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 10–18.
5. Макаров В. Л. Как современные технологии меняют представление об окружающем мире (искусственное общество) // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 59–71.
6. Мозг человека и многозначность когнитивной информации: конвергентный подход / Т. В. Черниговская, В. М. Аллахведов, А. Д. Коротков, В. А. Гершкович, М. В. Киреев, В. К. Прокопеня // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 4. С. 675–686.
7. Хабаров А. А. Техники лингвокогнитивного манипулирования в реалиях информационно-психологического противоборства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 72–82.
8. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: мозг, язык и сознание. М.: АСТ, 2023. 496 с.
9. Chichulin A. Neural networks guide. Unleash the power of neural networks: The complete guide to understanding, implementing AI. Екатеринбург: Издательские решения, 2023. 116 p.
10. Van Dijk T. A. Discourse, Semantics and Ideology // Discourse and society. 1995. № 2. P. 242–257.

ARTICLE INFORMATION

Author

Anastasia V. Zinkovskaya

- e-mail: anastassiat@bk.ru
Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of English Philology, Faculty of Romance and Germanic Philology
Kuban State University
ul. Stavropolskaya 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation

Natalya N. Olomskaya

- e-mail: olomnat@mail.ru
Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English Philology, Faculty of Romance and Germanic Philology
Kuban State University
ul. Stavropolskaya 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation

For citation:

Zinkovskaya A. V., Olomskaya N. N. Manipulation of human consciousness by means of artificial intelligence as a humanitarian problem of the XXI century. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyze the possibilities of manipulating a person's consciousness through the use of artificial intelligence (AI).

Methodology. In the process of research, the authors used the interdisciplinary approach when considering the specifics of the AI manipulative effect on society in general and the individual in particular. This approach made it possible to apply a number of methods and techniques for analyzing texts generated using neural networks, such as contextual analysis, component and comparative analysis.

Results. The consequence of linguocognitive manipulation through social networks, as well as the diverse platforms existing in the virtual space, is a powerful socio-political impact on society, since social networks are not a mere tool for exchanging information among users, since it is social networks that provide a wide range of means and techniques of manipulation as well as unlimited opportunities for the AI use to manipulate public consciousness.

The capabilities of neural networks are practically unlimited and, despite the fact that the results of AI work are collectively identical, they are most often ideologically colored and do not offer a choice of either vocabulary or syntax. The use of such neural networks leads to a decrease in the creative potential of the individual, motivation to study and comprehend the phenomena of social realm, which, ultimately, will lead to the manipulation of human consciousness by AI.

Research implications. The results of scientific research contribute to the further comprehension of the danger of consciousness manipulation by artificial intelligence as a humanitarian problem. Analysis of texts generated using artificial intelligence, as well as analysis of language tools, will help in the future to take into account the capabilities of artificial intelligence and develop techniques to limit its scope.

Keywords:

Artificial intelligence (AI), humanitarian problem, manipulation, manipulative impact, neural networks

References

1. Dzyaloshinsky I. M. [Artificial intelligence: a humanitarian perspective]. In: *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. 2022, no. 6, no. 20–29.
2. Dubrovsky D. I. [The development of artificial intelligence and the global crisis of earthly civilization (to the analysis of socio-humanitarian problems)]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 100–107.
3. Anokhin K. V., Novoselov K. S., Smirnov S. K., Efimov A. R., Matveev Ph. M. [AI for science and science for AI]. In: *Voprosy Filosofii* [Issues of philosophy], 2022, no. 3, pp. 93–105.
4. Lektorsky V. A. [Artificial intelligence in human studies, the human being in the world, created by artificial intelligence]. In: Lektorsky V. A., ed. *Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta* [Man and artificial intelligence systems]. St. Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Publ., 2022, pp. 10–18.
5. Makarov V. L. [How modern digital technologies are changing perceptions of the world around us (artificial society)]. In: Lektorsky V. A., ed. *Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta* [Man and artificial intelligence systems]. St. Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Publ., 2022, pp. 59–71.
6. Chernigovskaya T. V., Allakhverdiv V. M., Korotkov A. D., Gershkovich V. A., Kireev M. V., Prokopenya V. K. [Human brain and

ambiguity of cognitive information: a convergent approach]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 2020, vol. 36, no. 4, pp. 675–686.

7. Khabarov A. A. [Techniques of linguistic cognitive manipulation in the information and psychological confrontation environment]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2021, no. 4, pp. 72–82.
8. Chernigovskaya T. V. *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: mozh, yazyk i soznanie* [Cheshire smile of Schrodinger's cat: brain, language and consciousness]. Moscow, AST Publ., 2023. 496 p.
9. Chichulin A. *Neural networks guide. Unleash the power of neural networks: The complete guide to understanding, implementing AI.* Ekaterinburg, Izdatelskiye resheniya Publ., 2023. 116 p.
10. Van Dijk T. A. *Discourse, Semantics and Ideology.* In: *Discourse and society*, 1995, no. 2, pp. 242–257.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ АВСТРАЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРАЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Писковец Татьяна Андреевна

- e-mail: tapiskovets@mail.ru;
кандидат филологических наук, независимый исследователь
г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования

Писковец Т. А.

Межкультурная адаптация австралийских фразеологизмов (на материале австралийских художественных текстов и их переводов на русский язык) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 11.12.2023
- Статья размещена на сайте 13.03.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Типология австралийских фразеологизмов](#)

[Перевод австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом на русский язык](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление особенностей передачи австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом на русский язык.

Процедура и методы. В основу исследования положен материал, полученный в результате сравнительно-сопоставительного анализа произведений австралийской художественной литературы и их русских переводов.

Результаты. Выявлено, что при передаче австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом переводчики используют в основном средства нефразеологического перевода, калькирование и контекстуальный перевод, иногда допуская семантические неточности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет определить основные переводческие стратегии при передаче локально маркированных фразеологизмов с ярко выраженной национально-культурной спецификой. Содержащийся в работе материал и результаты его анализа могут быть использованы при изучении австралийского варианта английского языка, а также при преподавании курсов теории и практики художественного перевода в высших учебных заведениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

австралийский вариант английского языка, контекстуальный перевод, национально-культурный компонент, нефразеологический перевод, фразеологизм, художественный текст

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, фразеология любого языка является одним из наиболее ярких средств выразительности, поскольку во фразеологизмах «скрыта уникальная национально-культурная картина мира, в них представлен образ мышления, жизненный опыт того или иного народа, нравственные устои и духовные ценности многих поколений человечества» [7, с. 114]. В силу своей образности и экспрессивности фразеология требует особого подхода при межъязыковой передаче. В. С. Виноградов отмечает, что при переводе фразеологии «необходимо сохранить смысловое, эмоционально-экспрессивное и функционально-стилистическое содержание, которое передавалось соответствующими устойчивыми словосочетаниями в контексте оригинала» [4, с. 184].

Следует отметить, что многие фразеологизмы варьируются не только по стилистической и эмоциональной насыщенности, но и по территориальной принадлежности. Такие локально маркированные фразеологизмы представляют особенный интерес для сопоставительного исследования, поскольку зачастую основаны на специфичных для соответствующей лингвокультуры образах, не имеющих эквивалентов в других языках. При их межъязыковой передаче встаёт вопрос не только об адекватной репрезентации фразеологической единицы (далее – ФЕ) в переводе, но и о самой возможности сохранить колорит фразеологизма.

В современном переводоведении сложились два основных подхода в отношении передачи ФЕ: *фразеологический перевод*, который заключается в подборе эквивалента или аналога, и *нефразеологический перевод*, который состоит в использовании лексического перевода, калькирования, описательного или контекстуального перевода [5, с. 207–214].

Наиболее предпочтительным способом передачи фразеологизма считается поиск переводческого эквивалента, т. е. фразеологизма языка перевода (далее – ПЯ), полностью эквивалентного фразеологизму исходного языка (далее – ИЯ) по смысловому содержанию, образности, функциональности и стилистической окраске. Следует, однако, отметить, что число подобных идентичных соответствий между языками очень невелико. Как правило, это интернациональные выражения, заимствованные из латинского и греческого языков (например, *the Augean stables* – «Авгиевы конюшни») или же имеющие библейское происхождение (например, *Belshazzar's feast* – «Вальтасаров пир»). Применительно же к фразеологизмам с национальным колоритом говорить об эквивалентных соответствиях не приходится, поскольку, как отмечают болгарские переводоведы С. И. Влахов и С. П. Флорин, «эквивалентность предполагает идентичность всех показателей, в том числе национальной окраски, а это практически невозможно» [5, с. 231].

Другим возможным приёмом перевода фразеологизма ИЯ может стать подбор аналога, т. е. фразеологизма ПЯ, имеющего иную метафорическую основу. Однако и в этом случае переводчик может столкнуться с рядом ограничений. Так, сходные по значению, но разные по форме фразеологизмы не всегда взаимозаменяемы, поскольку могут иметь различную эмоционально-ассоциативную окраску. Кроме того, даже если в ПЯ

существует аналог, адекватный с семантико-стилистической точки зрения, он неизбежно будет основан на ином образе, что может быть недопустимо в конкретном контексте. И, наконец, аналог в ПЯ может обладать собственной национально-культурной спецификой, и в этой связи следует упомянуть о важном правиле, безоговорочно принятом в теории перевода в отношении передачи фразеологизмов: недопустимо подменять иностранный колорит своим.

Использование же приёмов нефразеологического перевода многие исследователи признают нежелательным в силу того, что фразеологизм неизбежно теряет не только свой колорит, но и, самое главное, свою образность, метафорическую основу, афористичность. Следует в то же время отметить, что сопоставительные исследования последних лет, посвящённые вопросу межъязыковой передачи фразеологизмов в дискурсе художественной литературы, демонстрируют высокую частотность применения средств нефразеологического перевода [3; 6].

Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей передачи австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом на русский язык.

В ходе работы применялись следующие методы исследования: метод сплошной выборки, метод классификации и систематизации языкового материала, сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ, анализ словарных дефиниций.

Теоретической базой исследования послужили труды по теории и практике перевода В. С. Виноградова [4], С. И. Влахова, С. П. Флорина [5], В. Н. Комиссарова [8], Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцевой [13], в которых анализируются различные аспекты передачи фразеологизмов, а также работы, посвящённые изучению австралийского варианта английского языка и австралийской фразеологии: Ю. А. Акопян [1], Л. Э. Романюк [12], С. Дж. Бейкера (S. J. Baker) [14], К. Ричардса (K. Richards) [15].

Материалом исследования послужили оригинальные художественные тексты австралийских писателей и их переводы на русский язык:

- 1) рассказ Г. Лоусона «В трауре они ждут на пристани» (*"They Wait on the Wharf in Black", 1898*), пер. с англ. Э. Питерской;
- 2) роман К. С. Причард «Кунард» (*"Coonardoo", 1929*), пер. с англ. Т. Озерской, Э. Питерской;

3) рассказ В. Палмера «Выброшенный за борт» (*“Jettisoned”, 1931*), пер. с англ. Н. Ветошкиной;

4) рассказ А. Маршалла «Любители приврать и сочинители небылиц» (*“Liars and Yarn Spinners”, 1950-е гг.¹*), пер. с англ. Л. Завьяловой.

Следует отметить, что в качестве материала исследования были выбраны произведения преимущественно конца XIX – первой половины XX вв. Анализ художественной литературы Австралии в диахроническом аспекте показывает, что австралийские произведения именно этого периода обладают наиболее ярким национальным колоритом. Этот факт объясняется культурно-историческими особенностями развития австралийской литературы.

Как известно, заселение австралийского континента европейцами началось в 1788 г., когда была основана британская колония Новый Южный Уэльс. Первые литературные произведения появились в Австралии в начале XIX в., однако для них была характерна зависимость от традиций английской классической литературы конца XVIII – начала XIX вв. Независимая австралийская литература начала складываться благодаря еженедельному общественно-политическому журналу «Бюллетень» (*“The Bulletin”*), также известному как «Библия жителей буша» (*“Bushman’s Bible”*), который был основан в 1880 г. С этого момента и вплоть до середины XX в. в австралийской литературе преобладало реалистическое направление, основными темами которого стали освоение австралийского континента, столкновение человека с суровыми природными условиями и социальной несправедливостью, жизнь первых поселенцев, трагическая судьба коренного населения Австралии.

Литературные произведения этого периода представляют богатый материал для лингвистического исследования, поскольку в них широко представлены разнообразные компоненты живой австралийской речи: слова-реалии, обозначающие характерные явления австралийской действительности, вкрапления из многочисленных аборигенных языков, отклонения от литературной нормы, отражающие фонетические и грамматические особенности австралийского варианта английского

¹ Точная дата написания этого рассказа неизвестна. Он был выпущен в сборнике «Австралия Алана Маршалла» (*“Alan Marshall’s Australia”*) в 1981 г., в который вошли публикации писателя для журналов *“Permewan’s Review”* и *“The Australasian Post”*, где в 1950–е гг. Алан Маршалл вёл авторские колонки о жизни в австралийском буше.

языка, а также австралийские фразеологизмы, обладающие неповторимым национальным колоритом. Многие языковые особенности австралийского варианта английского языка, зафиксированные в этих произведениях, актуальны и сегодня.

ТИПОЛОГИЯ АВСТРАЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологизмы в австралийском варианте английского языка можно условно разделить на две группы: фразеологизмы, совпадающие с основным фондом английского языка, а также фразеологизмы, распространённые исключительно на территории Австралии.

В специальной литературе для обозначения австралийских фразеологизмов используется термин «ФЕ-австрализмы», под которым понимаются фразеологизмы, возникшие в австралийском варианте английского языка и «характеризующиеся именно австралийским употреблением, появлению которых обусловлено необходимостью номинации как универсальных, так и специфичных для данной культуры явлений» [2, с. 2253]. В словарях австралийские фразеологизмы, как правило, имеют соответствующее указание на принадлежность к австралийскому варианту английского языка: *Au. (Austr., Australian)* – в англоязычных словарях, *австрал.* – в русскоязычных.

Можно выделить две категории австралийских фразеологизмов с точки зрения их структуры: 1) австралийские фразеологизмы, не имеющие в составе национально-культурного компонента; 2) австралийские фразеологизмы, в состав которых входит национально-культурный компонент (реалия, имя собственное). Подробнее рассмотрим особенности каждой категории.

Как отмечают Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцева, образ, положенный в основу фразеологизма, «может быть присущ именно данному этнокультурному коллективу, но сам по себе не содержать в своём составе элементов, свойственных именно данной культуре (т. е. этнографических или культурологических лакун)» [13, с. 118]. Так, в австралийском варианте английского языка можно встретить фразеологизмы, которые являются специфически австралийскими, но при этом не содержат в своём составе элементов с национальным колоритом. Как правило, такие ФЕ были заимствованы из других вариантов

английского языка и в процессе переосмысления расширили своё значение или приобрели новое.

Например, ни один из компонентов австралийского фразеологизма *run rings round*, взятых в отдельности, не обладает характерным национальным колоритом. Первоначально данный фразеологизм использовался в английском охотничьем жаргоне для описания траектории движения зайца, уходящего от преследования («бежать кругами», «петлять»). Однако с конца XIX в. это выражение получило распространение в Австралии и Новой Зеландии в фигуральном значении «перехитрить, превзойти (соперника)»². В этом значении фразеологизм использован в романе К. С. Причард «Кунарду», посвящённом жизни австралийских поселенцев на отдалённой скотоводческой ферме:

*“She might have been able to run a station; but Mollie bet herself, any money she liked, she would **run rings round** Mrs. Bessie, housekeeping”*³.

В данном примере этот фразеологизм играет важную стилистическую функцию, подчёркивая соперничество, возникшее между невесткой и свекровью, хозяйкой фермы. В переводе на русский язык удачно использован переводческий аналог:

«Может быть, она и умела управлять фермой, но что касается домашнего хозяйства, то тут Молли могла побиться об заклад, что **даст ей сто очков вперед**»⁴.

Иногда в процессе переосмысления фразеологизма некоторые его компоненты могут приобрести специфические национальные черты. Так, австралийский разговорный фразеологизм *to spin a yarn*, на первый взгляд, также не содержит в своём составе элементов с национально-культурной спецификой. Это разговорное выражение восходит к американскому морскому жаргону и означает «сочинять длинную историю, рассказывать небылицы»⁵. Несмотря на то, что фразеологизм *to spin a yarn* используется и в других вариантах английского языка, лексема *yarn*, входящая в состав этого выражения, стала важным элементом австралийской национальной культуры.

² The Phrase Finder [Электронный ресурс]. URL: <http://phrases.org.uk/meanings/run-rings-around.html> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. P. 114.

⁴ Причард К. С. Кунарду / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 123.

⁵ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 844.

Ярн – фольклорный жанр устного рассказа о жизни первых поселенцев Австралии: фермеров, золотоискателей, беглых каторжников, гуртовщиков, сезонных рабочих, объездчиков лошадей. Эти рассказы о тяготах жизни в австралийском буше и судьбах простых людей придумывались стихийно, в момент речи, а затем передавались из уст в уста, постепенно обрастая всё новыми наблюдениями и небылицами иногда до такой степени, что уже невозможно было отличить правду от вымысла. Интерес к данному жанру не ослабевает и в наши дни, о чём свидетельствуют современные издания сборников австралийских рассказов в стиле ярна: *“Fair Dinkum Yarns from the Australian View”* (Peter Rake, 2013), *“The Big Book of Great Australian Bush Yarns”* (Graham Seal, 2020), *“Great Australian Outback Yarns”* (Bill Marsh, 2021).

Таким образом, слово *yarn* в составе австралийского фразеологизма *to spin a yarn* обладает сильной коннотацией, которую сложно перевести на русский язык без подробного толкования. Например, в переводе рассказа А. Маршалла «Любители приврать и сочинители небылиц», посвящённого австралийскому ярну, передано лишь смысловое значение этого устойчивого выражения:

*“I’ve never met a chap who could **spin a better yarn**,” my friend said⁶. / «– Я не встречал человека, который **сочинял бы небылицы лучше** его, – сказал он»⁷.*

Анализ материала исследования показал, что, как правило, австралийские фразеологизмы, не содержащие в своём составе элементов с национально-культурной спецификой, имеют устоявшиеся соответствия в русском языке и поэтому не вызывают особых трудностей при переводе. Выбор способа передачи зависит от контекста и стилистических особенностей исходного текста, например:

*“He smiled gratefully to her for **“cracking hardy”**, pretending, she was not tired when her back ached and her head swayed giddily on the long days driving, and gazing through dust and blinding sunshine, over the ever-widening, ever-distancing plains⁸. / «Он благодарно улыбался ей, когда она старалась **«держаться молодцом»** и делала вид, что не устала, хотя у нее ныла спина и кружилась голова*

⁶ Marshall A. Liars and Yarn Spinners // Alan Marshall’s Australia. Melbourne: Hyland House, 1981. P. 32.

⁷ Маршалл А. Любители приврать и сочинители небылиц // Маршалл А. Избранное / пер. Л. Завьяловой. М.: Правда, 1986. С. 441.

⁸ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. P. 112–113.

от пыли, ослепительного солнца и тряски по широкой равнине, которой, казалось, не было ни конца ни края»⁹.

Большой интерес для данного исследования представляют фразеологизмы второй категории, а именно австралийские фразеологизмы с национально-культурным компонентом в составе.

В исследовании, посвящённом локальной маркированности австралийских фразеологизмов, Л. Э. Романок отмечает, что «наибольшее количество ФЕ-австрализмов появилось в связи с историческими событиями, особенностями колонизации и заселения континента, со становлением национальной культуры, со спецификой трудовой деятельности населения и т. д.» [12, с. 15]. Следствием влияния экстралингвистических факторов на формирование австралийской фразеологии стало образование большого количества фразеологизмов с культурно-окрашенной лексической единицей в составе, которые обладают яркой национально-культурной спецификой, например: *on the wallaby* – «вести кочевой образ жизни, бродяжничать», *poor as a bandicoot* – «бежен, как бандикут», *furphy king* – «распространитель слухов», *to be up a gumtree* – «находиться в затруднительном положении», *to have kangaroos in one's paddock* – «о человеке, у которого "не все дома"», *mulga wire* – «ложные слухи», *to bring wattle bloom* – «накликать беду»¹⁰. При переводе на русский язык эти фразеологизмы вызывают целый ряд трудностей, о которых пойдёт речь далее.

ПЕРЕВОД АВСТРАЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Как показал анализ материала исследования, основная сложность при переводе австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом заключается в том, что такие фразеологизмы не имеют эквивалентов или аналогов в русском языке. Например, в русскоязычных словарях представлены только приблизительные описательные толкования для австралийского фразеологизма *go bush*:

⁹ Причард К. С. Кунард / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 121.

¹⁰ Примеры фразеологизмов приводятся по: Орлов Г. А. Современный английский язык в Австралии. М.: Высшая школа, 1978. С. 161–170.

– «скрываться в зарослях (буше) и жить разбоем (о беглом преступнике)», «уехать в провинцию», «уехать в неизвестном направлении (бросив работу, жильё)», «одичать, вернуться к первобытному состоянию (о животных)»¹¹;

– «пренебрегать условиями цивилизованной жизни», «избрать деревенский образ жизни»¹².

Для понимания фразеологизма *go bush* важно подробнее остановиться на реалии *bush*, которая является одним из ключевых понятий австралийской лингвокультуры.

Многие известные австралийские писатели, например, основоположники австралийской литературной школы Генри Лоусон и Эндрю Бартон Паттерсон (Банджо Паттерсон), воспевали буш как неотъемлемую часть австралийского национального духа, символ подлинной Австралии.

В австралийском варианте английского языка лексема *bush*, помимо общеупотребительных значений «куст», «кустарник», имеет множество разнообразных дефиниций и может обозначать как совокупность эндемичной для Австралии флоры и фауны, так и обширную внутреннюю часть австралийского континента. Отмечая сложность понятия *bush* в австралийском варианте английского языка, Ю. А. Акопян выделяет следующие значения этой лексемы: «лес, лесистая местность» в противоположность открытой местности; «любой участок местности, район, находящийся во внутренней части страны»; «вся внутренняя часть страны, противопоставленная понятию “город”»; «прибрежные районы страны» [1, с. 56].

Кроме того, слово *bush* обладает широкой лексической сочетаемостью. Так, в лингвострановедческом словаре «Австралия и Новая Зеландия» представлено несколько десятков понятий, компонентом которых является лексема *bush*, например: *bush dweller* – «представитель фауны буша или житель буша», *bush hospitality* – «гостеприимство по-австралийски», *bushcraft* – «умение путешествовать и жить в буше с минимумом снаряжения и без чьей-л. помощи», *bushman* – «житель буша, глубинки» и т. д.¹³.

¹¹ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 115.

¹² Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 64.

¹³ Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 64–65.

Таким образом, австралийское выражение *go bush* содержит в себе целый комплекс культурных понятий и ассоциаций, которые сложно сохранить при переводе на русский язык, не прибегая к развёрнутым толкованиям. Например, в романе «Кунарду» для передачи этого фразеологизма использован контекстуальный перевод:

"In all her years on Wytaliba they had not been away on pink-eye once. Now and then old Joey and his gins would go bush for a month or so"¹⁴. / «За всю её жизнь в Вайталибе всё племя ни разу не уходило с фермы на празднества в других местах. Только старый Джои и его жены порой уходили на месяц или два»¹⁵.

Очевидно, что перевод «уходили» не раскрывает всего богатства значения фразеологизма *go bush*. В данном примере речь идёт о том, что время от времени аборигены покидали ферму и уходили в австралийский буш, возвращаясь к своему традиционному укладу жизни. Потерю колорита частично компенсирует широкий контекст – несколько предшествующих абзацев посвящены описанию ритуальных празднеств австралийских аборигенов. Однако такой перевод всё же нельзя назвать полноценным, поскольку указанный фразеологизм полностью растворился в контексте.

Помимо уже рассмотренного выше выражения *go bush*, в следующем небольшом отрывке из сказки аборигенов обращает на себя внимание австралийский фразеологизм *go walkabout*, который не зафиксирован в русскоязычных лексикографических источниках:

"Turkey say, emu go walkabout all day; got no kids. Emu say, 'Eeh-mm, got weary bugger (plenty) kids.' Emu go bush, come back with plenty kids. Turkey got only cootharra (two) kids"¹⁶.

В словаре австралийского варианта английского языка *"The Macquarie Dictionary"* выражение *"go walkabout"* означает *"to wander around the country in a nomadic manner"*¹⁷ («кочевать по стране» (перевод наш – Т. П.)). Лексема *walkabout* в составе этого фразеологизма предположительно происходит из австралийского пиджин-инглиша и означает «период кочевой жизни аборигенов»¹⁸.

¹⁴ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. Р. 100.

¹⁵ Причард К. С. Кунарду / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 108.

¹⁶ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. Р. 139.

¹⁷ The Macquarie Dictionary. NSW: Macquarie Library Pty. Ltd., 1982. Р. 1951.

¹⁸ Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 195.

Анализируя концепт *walkabout*, В. В. Ощепкова отмечает, что образ австралийского аборигена «неразрывно связан с ритуальным бродяжничеством, представляющим собой один из компонентов длительного и сложного процесса инициации, к прохождению которого мальчика-аборигена тщательно готовили, приобщая к культурной памяти племени через запоминание мифов, циклов песен, ритуалов, вырабатывая у него терпение к физической боли и лишениям» [10, с. 95]. Следует отметить, что со временем значение понятия *walkabout* значительно расширилось, и теперь оно не только связано с традиционной культурой аборигенов, но и является важным компонентом австралийской национальной картины мира в целом.

Примечательно, что в русском переводе указанного отрывка для передачи австралийских фразеологизмов *go walkabout* и *go bush* использовано калькирование, которое в данном случае служит средством нарочитого упрощения текста:

«Индюшка сказала, что эму только **бегаёт кругом** целый день, а детей у неё нет. А эму говорит: «У меня очень много детей». **Пошла в кусты** и привела оттуда много-много детей. А у индюшки только двое детей»¹⁹.

На оправданность такого подхода указывает стиль оригинального текста: добавление вкраплений из языков австралийских аборигенов с авторским пояснением *bugger (plenty)*, *sootharra (two)*, а также использование отклонений от литературной нормы английского языка, имитирующих ломаную речь аборигенов. В совокупности эти стилистические приёмы служат средством индивидуализации речи персонажа, подчёркивая немного наивную и детскую манеру изложения сказки, а также позволяя придать тексту сильную национально-культурную окраску, которая, однако, не сохранена в переводе.

В отношении передачи фразеологизмов *go bush* и *go walkabout* следует отметить, что пословная передача этих устойчивых выражений привела к искажению их семантического значения, поэтому с точки зрения словарного значения этих фразеологизмов перевод нельзя назвать верным.

Таким образом, в спорных случаях анализ значения реалии, входящей в состав фразеологизма, нередко позволяет лучше понять значение самого устойчивого выражения. Однако следует сделать оговорку, что применение данного подхода воз-

¹⁹ Причард К. С. Кунард / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 150.

можно только при минимальной степени слитности компонентов ФЕ²⁰. Например, при работе с австралийским фразеологизмом *on the wallaby* («бродяжничать»; дословный перевод: «верхом на кенгуру») анализ значения реалии будет неэффективен, поскольку степень слитности его компонентов высока.

Кроме того, следует отметить, что не всегда возможно установить точное значение реалии, входящей в состав фразеологизма, как, например, в австралийском компаративном фразеологизме *as happy as larry*, который не зафиксирован в русскоязычных лексикографических источниках. Это устойчивое выражение используется в австралийском варианте английского языка, когда говорят об очень счастливом человеке. Существует две версии происхождения этой фразы. Согласно одной из них это выражение появилось в конце XIX в. в Австралии и связано с именем известного австралийского боксёра Ларри Фоли (*Larry Foley*), который не проиграл ни одного поединка, а за победу в своём финальном бою в 1870 г. получил внушительное денежное вознаграждение²¹.

По другой версии, лексема *larry* представляет собой сокращённый вариант слова *larrikin*, которое означает «уличный хулиган»²². В. В. Ощепкова отмечает, что «в коллективном австралийском сознании существует типаж “Larrikin” – человек, отрицающий социальные и политические условности...», при этом «отношение к Larrikin в австралийской лингвокультуре двояко: настороженное, и, одновременно, восторженное как к человеку, воплощающему подлинные австралийские черты, типичному австралийцу» [11, с. 138].

Компаративные ФЕ часто переводятся при помощи калькирования, однако в данном случае фразеологизм *as happy as larry* обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой, поэтому его перевод требует взвешенного и осторожного подхода, что иллюстрирует следующий пример из романа «Кунарду»:

²⁰ В соответствии с традиционной классификацией фразеологических единиц, разработанной академиком В. В. Виноградовым, выделяются три категории фразеологизмов в порядке убывания степени слитности их компонентов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. См.: Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–160.

²¹ The Phrase Finder [Электронный ресурс]. URL: <http://phrases.org.uk/meanings/as-happy-as-larry.html> (дата обращения: 20.09.2023).

²² Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 128.

*"It's got a taste for me, dad, the sight and sound of everything. Food for my soul, that's what it is. Oh, I'm as happy as Larry and we're going out mustering presently, aren't we?"*²³ / «Этот край нераздельно владеет моей душой. Здесь всё такое близкое, родное. Я чувствую себя **свободной и счастливой, как птица**. А завтра мы отправимся объезжать стада, да, папа?»²⁴.

В данном случае переводчики, вероятно, руководствовались аналогией со словом *lark* («жаворонок») и передали фразеологизм при помощи контекстуального перевода, допустив, на первый взгляд, семантическую неточность. Однако на оправданность такого подхода указывает контекст. По сюжету молодая девушка Филлис, разочаровавшись в городской светской жизни, возвращается домой к отцу на скотоводческую ферму и с энтузиазмом принимается помогать по хозяйству, не боясь самой тяжёлой и грубой работы. Девушка уверена, что именно дома она будет по-настоящему счастлива. Использование приёма калькирования, т. е. сохранение в переводе первоначального австралийского образа «счастлива, как боксер Ларри» или «счастлива, как уличный хулиган», в данном случае будет неуместно.

Национальный колорит фразеологизма также может выражаться в наличии имени собственного, реального или вымышленного. Яркой особенностью австралийского варианта английского языка являются фразеологизмы, содержащие в своем составе антропонимы или зоонимы, например: *waltzing Matilda* – «узелок бродяги», *as game as Ned Kelly* – «храбрый» (по имени австралийского бунтаря Неда Келли); *as many farewells as Nelly Melba* – о человеке, который попрощался, но никак не уходит (по имени австралийской оперной певицы Нелли Мельбы); *a heart as big as Phar Lap* – «бесстрашный, отважный» (по имени знаменитой австралийской скаковой лошади).

Австралийские фразеологизмы с именем собственным в составе обладают интересной этимологией. Например, известное австралийское выражение *Buckley's chance* имеет две версии происхождения. Согласно первой – и наиболее распространённой – выражение связано с именем английского каторжника Уильяма Бакли (*William Buckley*), который после побега из австралийской тюрьмы в 1803 г. более тридцати лет

²³ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. Р. 180.

²⁴ Причард К. С. Кунард / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 196.

скрывался от правосудия в племени австралийских аборигенов. Согласно другой версии фразеологизм появился благодаря известному австралийскому магазину “*Buckley & Nunn*”, открытому в Мельбурне в 1851 г. Марсом Бакли (*Mars Buckley*) и Крамптоном Джоном Нанном (*Crumpton John Nunn*). Созвучие слов “*Nunn*” и “*none*” послужило основой для игры слов: “*There are just two chances, Buckley’s or None*”²⁵ («Есть только два шанса: Бакли или никакой» (перевод наш – Т. П.)).

Фразеологизм “*Buckley’s chance*” используется в австралийском варианте английского языка, когда хотят сказать, что шанс на успех в каком-либо деле крайне мал. Приведём пример из рассказа В. Палмера «Выброшенный за борт»:

*“It’s all right gathering it together”, he gibed, “but how’re going to get it home? You’ve got Buckley’s chance of running a truck onto this beach”*²⁶.

В лингвострановедческом словаре «Австралия и Новая Зеландия» для фразеологизма *Buckley’s chance* предложен калькированный вариант перевода с комментарием: «шанс Бакли (никакого шанса или ничтожно малый шанс на успех)»²⁷. Следует отметить, что использование варианта «шанс Бакли» в тексте перевода приведёт к оживлению стёртого образа и тем самым заострит внимание читателя на некоем Бакли, что потребует от переводчика добавления сноски или комментария. Поэтому наиболее подходящим будет вариант перевода, логически связанный с контекстом:

«– Ну ладно, вот сложите вы их в одно место, – ухмыльнулся он, – а домой как же доставите? На машине ведь сюда **незаметно не проехать**»²⁸.

В ходе анализа материала исследования нами также был обнаружен пример использования так называемого нулевого перевода:

“What did you follow him below that time for, Mitchell?” I asked presently, for want of something better to say. Mitchell looked at me out of the corners of his eyes. “I wanted to score a drink!” he said. “I

²⁵ Brewer’s Dictionary of Phrase and Fable. Great Britain: Cassell Publishers Ltd., 1989. P. 164.

²⁶ Palmer V. Jettisoned // Australian Short Stories. М.: Прорпесс, 1975. P. 109.

²⁷ Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 62.

²⁸ Палмер В. Выброшенный за борт // 40 австралийских новелл / пер. Н. Ветoshiной. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 24.

*thought he wanted one and wouldn't like to be a Jimmy Woodser*²⁹. / «– Зачем ты с ним вниз ходил? – спросил я Митчелла, чтобы хоть что-нибудь сказать. Митчелл искоса взглянул на меня. – Выпить мне что-то захотелось! – сказал он. – Показалось мне, что и он тоже не прочь, – вот я и пошёл»³⁰.

Данный пример интересен тем, что переводчица Э. Питерская отказалась от передачи фразеологического оборота на русский язык.

В австралийском варианте английского языка *a Jimmy Woodser* – «человек, пьющий в одиночку»³¹. Лексема *Jimmy Woodser* образовалась в результате слияния имени собственного со словом *sir*: “...*A martyr to my faith, that's Jimmy Wood, sir...*” [1, с. 69]. Антропоним *Jimmy Woodser* имеет отрицательную коннотацию и предположительно получил распространение благодаря стихотворению австралийского поэта Баркрофта Боака (*Barcroft Boake*) “*A Bar-Room Ballad*”, в котором автор «характеризует свой персонаж как человека, у которого отсутствует чувство товарищества (*mateship*), очень ценимое австралийцами, потребность угостить другого и самому принять угощение, который не принимает австрализма *to shout* в значении “угощать в баре” как манеру поведения, обычай» [1, с. 69].

Следует отметить, что опущение того или иного элемента текста произведения в ПЯ далеко не всегда свидетельствует о недостаточной компетенции переводчика. И. О. Мазирка и Г. Т. Хухуни отмечают, что отказ переводчика воспроизвести отдельные единицы или фрагменты ИЯ может быть связан как с внешними факторами, обусловленными соображениями цензурного характера, так и с желанием переводчика отказаться от комментариев и примечаний с целью облегчить восприятие текста читателем [9]. Поскольку мастерство переводчицы Э. Питерской, выполнившей целый ряд переводов произведений австралийской литературы, не вызывает сомнений, в данном случае можно говорить о попытке адаптировать текст для русскоязычного читателя.

²⁹ Lawson H. They Wait on the Wharf in Black // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P 46.

³⁰ Лоусон Г. В трауре они ждут на пристани // Генри Лоусон. Рассказы / пер. Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 203.

³¹ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 416.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при передаче австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом переводчики используют в основном средства нефразеологического перевода, калькирование или контекстуальный перевод, иногда допуская семантические неточности. При этом контекстуальный перевод оказывается наиболее предпочтительным способом перевода. В ходе анализа материала исследования был обнаружен также пример использования нулевого перевода.

В целом анализ передачи австралийских фразеологизмов на русский язык позволяет сделать вывод, что переводчики стремятся адаптировать австралийские фразеологизмы для русскоязычного читателя, не перегружая переводной текст культурной информацией.

Следует отметить, что в рассмотренных примерах сохранение колорита возможно только при добавлении комментария, раскрывающего значение выражения и его значимость для австралийской лингвокультуры. Однако ввиду известной громоздкости и избыточности такого подхода к нему следует обращаться лишь в том случае, если коннотативное значение лексической единицы является важным для понимания текста художественного произведения.

Проведённое исследование позволяет определить основные переводческие стратегии при передаче локально маркированных фразеологизмов с ярко выраженной национально-культурной спецификой. Результаты исследования могут найти применение при составлении лекционных курсов по теории и практике художественного перевода, а также при изучении австралийского варианта английского языка.

Перспективным представляется дальнейшее изучение особенностей перевода локально маркированных фразеологизмов на материале территориальных вариантов разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян Ю. А. Лексико-семантические особенности австралийского варианта английского языка (на материале австралийской поэзии): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 159 с.
2. Бадмаева Е. С., Шагланова Е. А., Бурцева Э. В. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами в австралийском варианте английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 7. С. 2251–2257.

3. Васьквичус В. Ю., Павлова О. В. Проблемы перевода китайских фразеологических единиц в дискурсе художественной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 12. С. 304–307.
4. Виноградов В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 6-е изд. М.: ИД КДУ, 2017. 238 с.
5. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. 406 с.
6. Гололобова Н. И. Фразеологические единицы в произведениях Д. Г. Лоуренса и их перевод на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2020. 23 с.
7. Жирова И. Г. Фразеологический дискурс и его трансляторные возможности // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2020. № 3. С. 113–122.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2017. 408 с.
9. Мазирка И. О., Хухуни Г. Т. К вопросу о так называемом «нулевом переводе» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 65–70.
10. Ощепкова В. В. Встраивание аборигенного концепта “walkabout” в национальную австралийскую картину мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 94–104.
11. Ощепкова В. В. Лингвокультурный типаж “larrikin” в австралийской и новозеландской лингвокультурах // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2020 г. М.: Московский государственный областной университет, 2020. С. 135–138.
12. Романюк Л. Э. Локальная маркированность фразеологических единиц (на материале субстантивных и глагольных фразеологизмов австралийского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 132 с.
13. Хухуни Г. Т., Валуццева И. И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 171 с.
14. Baker S. J. The Australian Language. Milson's Point (NSW): Currawong Press, 1978. 517 p.
15. Richards K. The Story of Australian English. Sydney (NSW): NewSouth Publishing, 2015. 292 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Piskovets Tatyana Andreevna

- e-mail: tapiskovets@mail.ru;
Cand. Sci. (Philology), an independent researcher
Moscow, Russian Federation

For citation:

Piskovets T. A. Intercultural adaptation of Australian phraseological units (based on Australian literary texts and their Russian translations). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the ways of translating Australian phraseological units with the national and cultural component into Russian.

Methodology. The research is based on the material collected as a result of comparative analysis of Australian literary texts and their Russian translations.

Results. The research shows that two techniques of non-phraseological translation, namely loan translation and contextual translation, are primarily used to translate Australian phraseological units with the national and cultural component into Russian. Some semantic inaccuracies are also found.

Research implications. The research reveals the principal techniques and strategies in translating vernacular phraseological units with distinct national and cultural peculiarities. The factual material presented in the research and the results obtained on the basis of its analysis can be used in studying the Australian English, as well as in teaching the courses of theory and practice of literary translation in higher educational institutions.

Keywords:

Australian English, contextual translation, national and cultural component, non-phraseological translation, phraseological unit, literary text

References

1. Akopyan Yu. A. *Leksiko-semanticheskie osobennosti avstraliiskogo varianta angliiskogo yazyka (na materiale avstraliiskoi poezii): dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-semantic features of the Australian English language (based on Australian poetry): Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 2003. 159 p.
2. Badmaeva E. S., Shaglanova E. A., Burtseva E. V. [Phraseological units with zoonym components in the Australian English language]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 7, pp. 2251–2257.
3. Vashkyavichus V. Yu., Pavlova O. V. [Problems of translating the Chinese phraseological units in literary discourse]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 12, pp. 304–307.
4. Vinogradov V. S. *Perevod. Romanskie yazyki: obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation. Romance languages: general and lexical issues]. Moscow, ID KDU Publ., 2017. 238 p.
5. Vlahov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2012. 406 p.
6. Gololobova N. I. *Frazeologicheskie edinitsey v proizvedeniyakh D. G. Lourensa i ikh perevod na russkii yazyk: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological units in the works of D. G. Lawrence and their translation into Russian: abstract of Cand. Sci. thesis in Philology]. Kazan, 2020. 23 p.
7. Zhirova I. G. [Phraseological discourse and its transmitting power]. In: *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki* [National Association of Applied Linguistics], 2020, no. 3, pp. 113–122.
8. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Sovremennoe perevodovedenie]. Moscow, R. Valent Publ., 2017. 408 p.
9. Mazirka I. O., Khukhuni G. T. [About the so-called “zero translation”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 1, pp. 65–70.
10. Oschepkova V. V. [Incorporation of Aboriginal concept “walkabout” into the national Australian worldview]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 94–104.
11. Oshchepkova V. V. [Linguocultural type “larrikin” in Australian and New Zealand linguistic cultures]. In: *Aktual'nye voprosy variantologii, kommunikativistiki i kognitivistiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 24 aprelya 2020 g.* [Current issues

of variantology, communication and cognitive science: materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 24, 2020]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet Publ., 2020, pp. 135–138.

12. Romanyuk L. E. *Lokal'naya markirovannost' frazeologicheskikh edinits (na materiale substantivnykh i glagol'nykh frazeologizmov avstraliiskogo varianta angliiskogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Local markedness of phraseological units (based on the material of substantive and verbal phraseological units of the Australian English language): Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 1979. 132 p.
13. Khukhuni G. T., Valuitseva I. I. *Mezhkul'turnaya adaptatsiya khudozhestvennogo teksta* [Cross-cultural adaptation of a literary text]. Moscow, Prometei Publ., 2003. 171 p.
14. Baker S. J. *The Australian Language*. Milson's Point (NSW), Currawong Press, 1978. 517 p.
15. Richards K. *The Story of Australian English*. Sydney (NSW), NewSouth Publishing, 2015. 292 p.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-85734 от 03.08.2023 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на Российский социально-гуманитарный журнал обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Туркова Л. В.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Назарова А. Ю.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка

Заботина Д. А.

Системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6101,

<https://evestnik-mgou.ru>, <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».